

В. Лактионов

В поисках Витослава

Annotation

Мир, созданный автором, после окончания его работы над произведением, вдруг начал жить своей собственной жизнью. И теперь уже автор сам вынужден путешествовать в дебрях Неведомого в поисках своих друзей, наскоро постигая истины, на осмысление которых им ранее потребовалось десятилетие.

I. С чего все началось

Я сидел у экрана монитора и мучительно сочинял какой-то жутко умный комментарий к заинтересовавшему меня посту, как меня окликнула Света. Ее голос показался мне странным.

— Вова, подойди на минутку, — сказала она тихо и кивнула в сторону кухни. Я подошел и глянул по направлению кивка.

— Ты видишь то же, что и я? — спросила она еще тише.

Я обомлел: за обеденным столом сидело какое-то полупрозрачное человекоподобное существо и с наслаждением уплетало только что приготовленные Светланой котлеты.

— Извини, — сказало оно с набитым ртом, — я страшно проголодался, а ты ни разу не соизволил меня покормить. Непосвященным это прощается, но ты — другое дело.

— А ты кто? — Я удивился тому, как хрипло прозвучал мой голос.

— Как кто? Я — Буня, твой домовый, — он опять принялся аппетитно чавкать. Возникла пауза.

— Пива хочешь? — я брякнул первое, что пришло в голову.

— С удовольствием... Да ты не серчай. Каюсь, я нарушил субординацию, но только из самых добрых побуждений... Безусловно, ты здесь главный, ты выше по духовному статусу, я всецело тебе подчинен, и в твоей власти ходатайствовать о моем разжаловании... Ты не сердисься?

— Нисколько, я скорее в растерянности... Сейчас принесу пиво... И соберусь с мыслями... А может, водочки?

— Благодарствуй, не откажусь.

Через пять минут на столе появились «Утиная охота», «Жигулевское» и «Рислинг». Правда, первое и последнее — в уже распечатанном виде. Из еды — жареная картошка, маринованные грибочки и краковская колбаса.

— Остальных будешь приглашать? — поинтересовался Буня.

— Кого это, «остальных»?

— Ну, как полагается: богов, низших бестелесных. Ты ведь в курсе, ты все это описывал в своих книгах!

— Я не знаю, я никогда такого не делал; я не родновер, я — только сочувствующий!

— Вижу: ты христианин, но ты осведомлен, а значит, посвящен. Хотя, как сочтешь нужным... Но я бы рекомендовал!

— Ты ведь неспроста проявился?

— Конечно, столько здоровья истратил... Меня делегировали.

— Кто?

— Бесплотные с Геи. Люди ушли, а они остались. Теперь у них проблемы. Просили помочь.

— В чем должна заключаться помощь?

— Домовые не могут долго существовать в домах, откуда ушли хозяева, так же как сарайные в сараях, амбарные в амбарах и так далее. Постройки без хозяев ветшают, из них уходит дух жизни. Бесплотные рискуют зачахнуть, переродиться, оказаться разжалованными в скальных, бугровых, тропиновых...

— Мне нужно там поселиться?

— Нет, что ты! Надо найти нового хозяина — пусть изредка приходящего. Это может быть кто-нибудь из ушедших, хорошо бы его найти, а еще лучше — всех. Может быть, они все в одном месте. Это просьба, и ты можешь отказаться, хотя, тем, кто меня послал, надеяться больше не на кого. И еще: если ты откажешь, то это не повлияет на мое к тебе отношение. Ты свободен в выборе.

— Я подумаю... Ты смог бы мне в чем-нибудь помочь?

— Я тоже об этом подумаю. Понадоблюсь — просто призови меня.

— Как это?

— Назови по имени три раза. Спасибо за угощение!

— На здоровье... Эй, ты где?

На кухонном столе осталось только несколько хлебных крошек, говорящих о том, что все произошедшее было явью.

Говоря по правде, я уже был внутренне согласен, и, мало того, примерно представлял, с чего следует начать. Света посмотрела мне в глаза и только спросила: «Ты хорошо подумал»? Уверен: у меня появилось лукавое выражение лица, ибо во мне проснулся азарт. Я встал и направился к тому месту, где был спрятан сердолик.

С некоторой опаской я взял в руку этот тепло-медовый камешек. А ну, как неведомый враг, которого я увидел посредством этого артефакта в последний раз, еще на прежнем месте? Готовый, если что, сразу разорвать контакт, я заглянул внутрь камня — и вздрогнул от неожиданности: с той стороны на меня смотрел глаз — но не человеческий, а, похоже, что птичий. Это карк! — догадался я.

— Совершенно верно, — ответил карк, — милости просим! — И отодвинулся в сторону. Я подался вперед и оказался в роще карков на острове Яна. Карк, рассматривая меня, прищурил один глаз.

— Тебя как звать?

— Вова. А тебя?

— Сейчас никак. Если хочешь, придумай мне имя.

— Карл подойдет?

— Более чем. Когда-то меня так назвала одна девочка. Она приходила в нашу рощу, кормила меня и моих друзей, а потом тренировалась в магии. Ее звали Перенег. Наверное, она ушла со всеми... Кстати, туда не ходи! — Карл кивнул головой в сторону Сторожевой горы, — там войска и маг с планшетом. Они по всему острову шастают, ищут, куда ушли люди.

Я кивнул. — Вы все умеете разговаривать, или ты единственный?

— А тебе что, мало? — ответила птица. — Я сам не знаю, как это получилось. Просто вдруг я заговорил. Это стало сразу после ухода людей. Остальные ничего не понимают, и боятся, когда я к ним приближаюсь, норовят меня заклевать. Теперь я — изгой. Идем, погуляем по острову. Может, тебе что-нибудь из увиденного покажется важным. И я знаю, где можно столкнуться с пришлыми. Они с придурью: сначала стреляют, потом думают. На Земле все такие?

— К сожалению, подавляющее большинство.

— Они и в меня стреляли... Первые дни были настороже, потом расслабились, потом начали по вечерам потихоньку пить водку, потом уже не только по вечерам. А не так давно пристрастились палить. Придут в нашу рощу с железными палками и давай молнии метать!

Но попадают редко — во-первых, пьяные, а во-вторых наши, завидев их, разлетаются, кто куда. А недавно мы набросились на одного и повыщипывали ему все перья на голове. Он так верещал! Пусть знают: мы в обиду себя не дадим!

— А что боги?

— Истуканы светятся по ночам, а так — больше ничего. Пришлые их обмотали проводами, суетятся, но, по-моему, у них ничего не выходит.

Иногда пришлые собираются в стаи и заходят поглубже в лес. В центре — те, что с проводами, по краям — те, что с железными палками. Ходят, высматривают. Ёлман над ними издевается, как может. У них есть такая штука, они называют ее компасом. Так Ёлман приноровился им в этом компасе стрелку крутить, они и ходят кругами, а потом ругаются. А ещё Ёлман научился кричать: «Гу!». Он иногда как крикнет у них над головами, они тут же накладывают в штаны и начинают палить вверх. Им на головы сыплются ветки, да Ёлмана разве из железной палки убьешь? Надьсь он завел их в большую лужу перзофиля, ох, мы и наохотались!.. Ш-ш-ш!!! Слышишь, палят? Идем, глянем на этих придурков, похоже, что-то происходит на самом берегу... А-а-а, вон пришлые. Видишь?

— В кого они стреляют?

— Ваши называли их комароулитками... После того, как люди ушли, те опять расплодились. Не знаю, откуда они берутся, и Ёлман не знает. Нам самим они — как кость поперек горла. Иногда они забредают в лес и оставляют противные слизистые следы — жгучие сопли. Однажды пробовали охотиться на нас, но у них ничего не вышло... Ты летать умеешь?

— Нет.

— Жаль, а то ходить пешком долго и неинтересно. Давай, попробую тебя поднять... Какой ты тяжелый!

— Карл, мы можем осмотреть брошенные жилища и пещеры?

— Там уже все излазили эти, с железными палками и проводами. Но, если хочешь... С чего начнем?

— С пещер, с макета Паруса.

— Я попробую пронести тебя через верх.

Через десять минут.

— Где мы?

— Если можно так выразиться, на чердаке. В день, когда люди ушли, случилось землетрясение, и открылся еще один, невидимый ни снаружи, ни изнутри, вход в пещеры под самым потолком. Ты умеешь видеть в темноте? Нет? И я не очень... Лучше я подожду тебя здесь, дальше я тебе не помощник, спускайся сам. Видишь вдали какие-то отсветы? Возможно, это то, что ты ищешь.

Не буду рассказывать, как я спускался с, примерно, трех- или четырехметровой высоты в крошечной темноте по стенке пещеры. Все закончилось подвернутой ногой, разорванной рубахой и парой огромных ссадин. Зато — вот он, передо мной, Парус. Вернее, его дубликат. Вокруг никого, из небольшого озера бьют в потолок пять лучей, пять, немислимим образом свернутых в трубочку, радуг... Вдруг они повернулись ко мне, я зажмурился, и...

— Ну, слава богу! Тебя не было целых полчаса, я уже не знала, что и подумать! Иди в ванную, помойся. Где ты так извозился? Рубашку придется выбросить...

Я стоял возле своего письменного стола аккуратно на том самом месте, откуда отправился в путешествие, и держал в руке сердолик. Первый эксперимент можно было считать

удачным.

На следующий день, выспавшись и как следует отдохнув, я решил приступить к эксперименту номер два. Заглянув в «глазок», я увидел мускусную рощу, но ни одного карка в ней не было. И я позвал: «Карл, Карл, Карл!!!». Почти сразу раздался шум крыльев, и Карл — но скорее всего, кто-то другой, похожий на него, подняв тучу пыли, приземлился у меня перед глазами. В носу закололо иголочками; и я, стараясь не отрываться от «глазка», спросил: — Ты Карл?

— Для тебя — да! — Ответила птица.

— Как это? Поясни!

— Не могу, — ответила птица. Мы знаем только, что каждый день кто-то из нас — Карл, говорящий и думающий. Почему это происходит, не знает никто. Скорее всего, это следствие колдовства Перенег.

— Пробовали ее вызывать?

— Неоднократно каждый из нас трижды произносил ее имя, но она ни разу не отозвалась.

— Ты владеешь магическим зрением?

— Куда мне! А вот ты должен владеть, ведь у тебя есть магический артефакт.

— Он остался дома.

— А вот и неправда. Что у тебя в руке?

Я скосил глаза вниз: камень был зажат в кулаке. Как же я его не заметил?

— Пробуй! — скомандовал Карл.

— Давай вместе! — отозвался я. — Три-четыре... Пе-ре-не-га!!!

По макушкам мускусных деревьев пробежал ветерок.

— Еще раз... Пе-ре-не-га!!!

Ветер дунул сильнее, посыпались листья и мелкие ветви.

— И еще: Пе-ре-...

У ближнего дерева со звуком выстрела обломился толстенный сук. Я приложил камень к глазу и заметил возле себя туманное облачко, отдаленно напоминающее человеческую фигуру.

— Ты Перенег?

Облачко ничего не ответило, только быстро сжалось и растаяло.

— Бесполезно, — буркнул Карл, мы уже много раз пробовали... Тихо! Сюда идут... Эти, с железными палками. Наверное, они что-то услышали. Можешь исчезнуть?

Я инстинктивно приложил сердолик к глазу, увидел свою комнату и через мгновение уже опять стоял возле своего письменного стола.

III. Ключ ко всем замкам

Весь день я размышлял не столько о том, как вселить кого-нибудь на свободную жилплощадь планеты Гея, сколько о том, как работает мой сердоликовый портал. Я думал: не может одно и то же событие происходить одновременно в разных мирах, то есть, должен существовать некий, пусть ничтожно малый, промежуток, разделяющий его на две части. Между «я здесь» и «я там» обязан существовать «я в тоннеле», или «я в кессоне»... Или как это назвать? И я принялся робко проходить сквозь камень туда-сюда, пытаюсь ощутить зону перехода — безуспешно. Между «я здесь» и «я там» промежуток не обнаруживался... Пока я однажды в момент переноса не открыл второй, обычно зажмуренный, глаз.

Вокруг оказался теплый, бархатный, ослепительно-черный космос, а мое сознание представляло собой парящую в нем бесконечно тонкую, графитово-блестящую пленку, с одной стороны которой находилось «я здесь», с другой — «я там». Было весело и приятно. Я пошевелил пальцами «здесь», пошевелил «там» — по поверхности пленки пробежали легкие волны.

— Слышь, ты почему-то понравился моему пацану! — Сзади подошел крутой дух, каких сейчас много. — Так ты это, пригляди за ним! — Он так же быстро удалился, а я почувствовал, что в воплощенном варианте он при этом позванивал бы ключами не менее чем от «Феррари».

— Научи меня летать! — вдруг сказал пацан.

Я хотел деликатно отказаться, но вспомнил, как летал во сне в молодости, и даже не успел повторить всю процедуру взлета, как оказался летящим — точь-в-точь как полста лет назад. Меня охватила волна приятных детских воспоминаний — не столько каких-то конкретных событий, сколько чистых ощущений. Детство, оказывается, никуда с возрастом не исчезает, оно присутствует в нас всегда, нужно только дать ему возможность проявиться. Потом пришли и воспоминания — фотографически яркие и стопроцентно реалистичные. Шестидесятый год, мне четыре. Я вдыхаю запах канифоли, и лака, наблюдая, как папа паяет для меня немислимую новогоднюю гирлянду. Он все любил делать сам... Шестидесят второй год, мне шесть. Я упиваюсь восхитительной смесью запахов крымской сосны, морского прибоя и стоящего в соснячке крымского санатория служебного автобуса модели ГАЗ-651... Шестидесят третий год, мне семь, меня готовят в первый класс. Бабушка растворяет в полулитровой банке горячей воды содержимое двенадцатикопеечного пакетика сухих фиолетовых чернил. Странно, но высыхая, некоторые их разводы, написанные с разным нажимом, могли приобретать красивый зеленовато-золотистый оттенок....

— Ну, ты где был? Давай будем летать?

Я подхватил его под мышки сзади, приподнял и вместе с ним повис в воздухе. Затем разжал руки.

— И это все?

— Дальше ты сам сейчас узнаешь. Пробуй.

Он несмело поднялся на полголовы, повернулся влево, вправо и стал медленно оседать.

— Не страшно. Ищи внутри себя то, что тебя поддерживает. Не торопись, не бойся и не суепись. Если нашел — отдайся ему, дай ему тебя приподнять... Вот и все!

И я полетел дальше сам. Когда спустя какое-то время крутой дух, встретив меня, спросил: «Где мой пацан?», я ответил ему просто: «Ты ему больше не нужен». И полетел

дальше.

Вернувшись домой, я огляделся: не видит ли жена, отошел в дальний угол кабинета, повторил процедуру взлета — и со всего маху чвякнулся носом в противоположную стену метрах в двух от пола. Чуть повыше — и закатил бы лбом в потолок. Ух ты!!! Вошла Света.

— Что это упало? Ты? Почему?

— Сейчас попробую тебе показать. Только не смейся!

Я опять отошел в угол и запустил процесс, но состояние ума было уже совсем не то.

— Почему ничего не происходит? — подала голос жена.

— Сейчас, сейчас... Не получается настроиться...

— Ты летать собрался? Ах ты, мой дорогой!..

Она с улыбкой вышла из комнаты. А я вздохнул и с кислой миной вышел покурить на балкон. Там я немного постоял, как бы раздумывая: курить — не курить, потом прикурил, затанулся, глянул вниз и увидел двух мужчин, как мне показалось, глядящих в мою сторону.

Как же я сразу не догадался: за нашей квартирой и за нами самими следят! Они уже наверняка знают, что я побывал на Гее, беседовал с карками и проникал в пещеру Сторожевой горы! Что я могу предпринять? То же, что в свое время делал Вовка, он же Витослав: вел дневник и частями отдавал его мне на хранение и обработку.

Я вернулся в дом, описал все происходящее, на что ушло не более получаса. Затем сохранил файл в облачном хранилище и отправил его адрес и пароль с сопроводительным письмом электронной почтой хорошему знакомому. Потом почесал лысину и отправил ему еще три своих книги про Витослава. «Теперь, — промелькнула злорадная мысль, — пускай выслеживают!».

Затем я попытался воплотить в жизнь идею, которую тогда счел просто великолепной. Я подумал, что, если кто-нибудь из ушедших захочет дать о себе знать, то он оставит какую-нибудь весточку в своей бывшей квартире. Первым делом я поехал к Володе-Витославу, благо он жил относительно недалеко от меня.

Подъезд Витослава за почти двадцать лет изменился очень мало. Панели стали еще более ободранными, побелка — еще более серой, содержание настенных надписей и рисунков — еще более эротическим, их количество — еще более впечатляющим. Первое огорчение я испытал, взглянув на его почтовый ящик. Похоже, никто не знакомился с его содержимым, как минимум, несколько месяцев. С некоторых пор я очень боюсь советских самопадающих и самозастревающих лифтов, поэтому поднялся на его этаж пешком. Здесь меня ждало второе разочарование: входная дверь в квартиру оказалась перегороденной крест-накрест полосатой полицейской лентой с глупой надписью: «Проход запрещен!». Я тихонько потрогал ее одним пальцем — она была свежая и яркая. За моей спиной щелкнул замок двери. Я вздрогнул и обернулся.

— Вы кого-то ищите?

Спрашивающий был заметно старше меня, небритым и в разных тапочках.

— Да, я ищу Володю.

— А вы кто?

— Друг детства. Раньше мы были соседями.

— Раньше — это когда?

— До тысяча девятьсот семьдесят восьмого года.

— Нету Володи, уже давно нету.

— Как давно?

— Раньше он иногда появлялся... С женой... У нее странное имя, но красивое — Лагода... Я ее все Ладогой называл... Они появлялись, забирали почту, оплачивали счета, делали уборку и опять исчезали. Однажды я спросил у него: «Ты теперь живешь в другом месте?». Он сказал: «Да, Михалыч...» — сосед сделал паузу, вытер руку о штаны и протянул мне: «Михалыч!».

— Володя, — ответил я, — что он говорил еще?

— Я спросил: где?

— Он сказал: О-о-о, далеко. Я так думаю, он за границу уехал. Потом приходили эти... Кэбээшники и милиция... Вернее, полиция. Задавали много вопросов, некоторое время жили в его квартире, я давал подписку...

— И уже нарушили.

— Вы первый, кто про него спросил, и я как-то не сообразил...

— Ничего, я никому не скажу.

— Правда? Спасибо!

— Пожалуйста... И до свидания.

Я протянул руку, он пожал ее, явно сдерживая желание сказать что-то еще. Я сделал паузу — он смолчал. Я вздохнул, повернулся и потопал вниз, прислушиваясь к звуку его замка. Наконец, тот щелкнул. Я машинально пробурчал: «Ахали цели!», потому, что успел к этому моменту спуститься на три этажа, и двинулся обратно наверх. Я уже знал, что буду делать. Подойдя к Володиной двери, я извлек из кармана сердолик, и...

— Вы будете входить? Можно, я с вами? Я буду тихо. Или мне вызвать полицию?

Трижды ахали цели!!!

— Ладно, держитесь за мой ремень сзади!

— Зачем?

— Или я буду стрелять!

— Хорошо-хорошо, уже держусь... Вот!

Я глянул в сердолик.

В квартире не горел свет — в распределительном щитке была отключена фаза, вода из кранов не текла — были предусмотрительно перекрыты входные вентили, газ не загорался, окна и форточки были плотно закрыты, а на кухонных полках не было ни крошки съестного. Помещение было законсервировано со знанием дела. Тишину нарушали только часы. Но это — не показатель, хорошей батарейки может хватить на несколько лет... Хотя... Часы-то механические, советские, «Весна», высшей категории точности... Их пружины хватает на месяц... Зацепка! Я подставил табурет и аккуратно снял часы со шкафа. На них, в отличие от поверхностей остальной мебели, было слишком мало пыли.

— Ну, что там? — вдруг подал голос Михалыч.

— Тихо! — рявкнул я на него громким шепотом. Он умолк, а я продолжил осмотр. На пыли на корпусе часов едва заметными штрихами было что-то написано. Я поднес их к окну, слегка отдернул штору, и надпись стала различимой, это был номер телефона. Машинально глянув вниз, я увидел стоящую возле подъезда черную машину, и во мне шевельнулось нехорошее предчувствие. Я поставил часы на место, смахнув с них пыль вместе с номером.

— Михалыч, идем!

— Я, вообще-то, не понял, как мы сюда вошли!

— А вам и не надо ничего понимать, держитесь за ремень!

И я заглянул в сердолик.

— А теперь — быстро домой, и сидеть тихо, как мышь. Сейчас сюда придут и могут устроить допрос с пристрастием.

— А вы?

— Это мои проблемы!

И я опять заглянул в сердолик.

Дома я первым делом записал телефонный номер в блокнот и принялся его изучать. Единственное, что мне удалось узнать в результате этой медитации, это то, что номер — не сотовый, а стационарный городской. Интернет заявил, что он ни в каких списках не значится и услужливо предложил мне заполнить этот досадный пробел. А что, если...

Я вышел из дома, сел в первый попавшийся автобус, проехал пять остановок и нашел телефон-автомат. Но, с трепетом набрав номер, я не услышал ничего, кроме коротких гудков. И еще раз, и еще... Через четверть часа у меня заныл палец, и я оставил эту затею. Что теперь? Ехать к Валику-Боголепу? Звонить с сотового? А может, это не телефонный номер, а, скажем, координаты или время? Ахали цели!!!

— Буня! Буня! Буня!

— Ась?

— Как ты думаешь, что это за цифры?

— Ща, свяжусь с тамошним домовым... Это — номер квитанции и дата. Хозяин недавно сдавал их в ремонт.

— Зачем ему ремонт, если он ими не пользуется? Хотя... Постой... Знаешь, где находится это часовое ателье?

— Ща, свяжусь с тамошним домовым... В соседнем доме. Там всё — ремонт обуви, ремонт часов, изготовление ключей, ремонт телефонов, ремонт зонтов, вставка змеек...

— Достаточно, я понял!

— Там еще ломбард и кофе на вынос!

Через полчаса я был на месте.

— Конечно помню, — сказал мне местный мастер-на-все-руки, рассматривая часы. Я ему говорю: «Номер квитанции напишу на бирочке», а он: «Нет, царапай прямо на корпусе!».

— А еще что-нибудь он говорил?

— Сказал, что, возможно, приедет лысый толстый бородач в очках с кривыми зубами... Тебя как звать?

— Володя.

— Вот-вот. И будет его спрашивать.

— И что?

— Он просил передать... М-м-м... что вроде: «Мертвый воскреснет...».

— «Мертвый восстанет, убьет воскресившего и прославит его имя вовеки»?

— Да.

— Ахали цели!!!

— А что это значит?

— Это, по-грузински, Новый год... Если захочется выругаться, надо сказать это словосочетание, и желание пропадет.

— Тогда ахали цели!

III. Беяна

Вот так на свет Божий опять выплыло загадочное пророчество, обнаруженное Барицким еще в октябре две тысячи первого. Теперь ничего не оставалось, как попытаться нанести визит и Боголепу. Для этого будет нужно проехать почти через весь город... Стоп! Зачем ехать? Я отошел в сторонку, огляделся — никто на меня не смотрит — и приложил сердолик к глазам. В последнее мгновение мне показалось, что кто-то попытался схватить меня за рукав, но я уже стоял у Валика в подъезде и пугливо озирался. Вроде бы, все спокойно. Подождав, пока сердце перестанет б'ухать на весь подъезд, я тихонько подошел к Валиковой двери. Вопреки опасениям, ее не перегораживала красно-бело-полосатая полицейская лента. Нащупывая в кармане сердолик, я сделал шаг поближе, и... Что такое? Вокруг меня шумит сосновый лес! Шаг назад — и я опять на лестничной клетке. А вот и сук, обозначающий порог. Я смело переступил через него и через минуту понял, что лес тянется бесконечно во всех направлениях, хочешь — иди, хочешь — беги. Как ему удалось? Похоже, автор усовершенствовал свою первую разработку. Дул легкий ветерок, где-то щебетала невидимая птица, под ногами из мха торчали шляпки грибов. Я наклонился и сорвал один из них: похож на боровичок... Какой чудесный запах! Рядом краснели ягоды земляники.

— Не вздумай это съесть!

— Кто здесь?

Из-за дерева ко мне вышел Карл.

— Привет!

— Как ты здесь очутился?

— Скорее, как очутился здесь ты? Этот проход открывается только для посвященных. Боголеп соорудил его втайне от всех.

— А что происходит с остальными, переступившими порог?

— Они просто попадают в квартиру. Кстати, здесь недавно побывали такие же люди, как и пришлые на Гее. Перевернули всю мебель, поставили штучки для подглядывания и ушли. Ты не бойся, эти штучки нас не видят и не слышат. Ну что? Куда направишься теперь?

— Попробую посетить усадьбу Ядринца... Или нет, поищу Беяну. Она-то никуда не ушла?

— Никто не знает, где она, а к Ядринцу не советую, там все опутано проволоками, заставлено разными ящиками, и наполнено охраной. Там мышь не проскользнет. Может, наведаешься к Парусу?

— Я был у Паруса. Он очень деликатно, и совсем недвусмысленно отправил меня домой.

— Ты постарайся добиться у него аудиенции. В конце концов, это он увел всех людей с острова. Ответы на все вопросы только у него.

— Я все-таки попробую найти Афиногена, Репеха или Беяну. Покажешь дорогу?

— Репеха вообще никто никогда не может найти специально, Афиноген и Беяна живут на Земле, а я с Геи — ни на шаг.

— Что так?

— Невозможно ни пройти, ни пролететь. Я пробовал перемещаться через известные мне проходы, тем более что пришельцы их разблокировали — и никак. Будто натыкаюсь на глухую стену.

— Хочешь, попробуем вместе?

— Страшновато... Ну, давай.

— Хватайся сзади за ремень!

— Где мы?

— В городе, я тут живу... Все мы тут живем.

— Какой ужас! А где деревья? Какие здесь птицы обитают? Что кушают? Небось, живут впроголодь?

— Думаю, им здесь весьма неплохо, еды на мусорниках вдоволь. Разве что, кошки...

— Мама, мама, смотри: дрессированный гриф!

— Это про меня, что ли? Я не гриф, я карк!

И он каркнул настолько оглушительно, что у меня зазвенело в ушах, а у проезжающего мимо автобуса лопнуло колесо.

— Зря ты так! Идем отсюда быстрее!

— Давай, лучше я тебя понесу!

— Мама, мама, смотри: гриф уносит дядю! Он его съест?

— Доставай свой камень и нацеливайся на дом Беляны, иначе я тебя скоро уроню, уж больно ты тяжелый! Видишь большой дуб, а рядом старый дом? Нам туда!

Во дворе царило запустение. Перекошенная калитка была открыта, бельевая веревка оборвана, тропинка, ведущая к входной двери, заросла спорышом. Сама дверь была приотворена, а на крыльце возле нее сидела старая черная кошка с желтыми глазами. Карк взгромоздился на дуб и пропал в ветвях, а я взялся за ручку двери, глянул на кошку и ступил внутрь. Кошка вошла следом. В избе было прохладно, пахло сыростью и йодом, повсюду, куда ни глянь, на всех свободных поверхностях стояли сверлящие меня глазами истуканчики. Я вспомнил, что нужно их поприветствовать, неуклюже поклонился, и их взгляды потеплели.

— Эх, киска, что-то не везет мне сегодня, — сказал я кошке и протянул руку, чтобы ее погладить. Но рука уперлось в грудь невесть откуда взявшейся старухи.

— Я тебе не девка, ты руки-то не распускай! — проскрипела она, но в ее голосе не было укоризны.

— Вы кто? Вы Беляна?

— А ты, выкрест, чьих будешь?

— Я друг Витослава и Боголепа!

— И еще один друг прячется на дубе? Когда это вы успели сойтись?

— Карл мне помогает!

— Не место ему здесь, на Земле, беда может случиться. Чего ты от меня-то хочешь?

— Помощи. Я хочу знать, куда ушли мои друзья.

— Не знаю, никто не знает, даже Репех не знает. Их увела сила, во многожды большая моей. Давай так: ты верни Карла в его рощу и приходи ко мне, будем чай пить и думать. Хочешь стать родновером? Тогда приходи с иконой и петухом.

— Так сразу?

— А че тянуть? Ты уже посвящен, хотя это и неправильно. То есть, по сути, ты уже родновер. Теперь просто нужно соблюсти формальности. Кстати, приходи вместе с женой, она тебе верит. Ну, че стоишь? Ступай, я жду.

Отправить карка в его рощу было минутным делом, но со Светой вопрос решаться никак не хотел.

— Если надо, я стану родноверкой.

— Что значит, «если надо»? Кому надо? Выбор веры диктует личная насущная необходимость!

— Я не чувствую этой необходимости, мне и так хорошо. Но, если ты скажешь...

— Главное — твое собственное желание.

— У меня его нет. Но, если ты попросишь...

Так мы ни о чем и не договорились.

Назавтра с петухом в мешке и иконой в сумке я появился на пороге Беляны.

— Че это ты такой раздраженный?

— Меня петух клюнул три раза сквозь мешок!

— И это все?

— Я не смог уговорить жену.

— Ты и не пытался.

— Я не хотел лишать ее свободы выбора.

— А может, ей и не надо в родноверы... Может, ей будет лучше у Афиногена. Какая разница? Все мы одно дело делаем.

— Странно как-то.

— Религий много, религиозное чувство одно. Нужно просто отбросить мусор.

— Что есть мусор?

— Непонимание, неверие, оголтелость, следование обычаям и привычкам, страх... Да мало ли. Идем к алтарю.

Через десять минут я был официально принят в родноверы.

— То, что случилось с общиной, — сказала напоследок Беляна, — либо очень хорошо, либо очень плохо. Или она получит новую силу и невиданные возможности, или канет в лету. И решать ее судьбу выпало тебе. Я гадала вчера три раза, и все сошлось. Главное, слушай свою совесть и сохраняй трезвомыслие.

— Совесть зависит о воспитания, — робко возразил я.

— Только тогда, когда нет своего опыта, — парировала Беляна, — садись, призовем Афиногена.

И я своими глазами увидел, как образуется известный магический экран «два на три».

— Что? — спросил, едва появившись, Афиноген.

— Вот, человек пришел, ищет нашу общину.

Афиноген посмотрел мне в глаза так, что у меня все внутри перевернулось.

— Он не готов. Как тебя звать? Владимир? Очень хорошо. А что у тебя есть еще, кроме... Что там у тебя? Алатырь? Сердолик? Очень хорошо, что сердолик: алатырь горяч и опасен... И это все? На что же ты надеялся? Значит так: на днях я буду по делам службы в епархиальном управлении, потом заеду в гости. Это будет поздно вечером. Посмотрим, насколько ты подкован практически и теоретически. Готовь спальное место.

— Записывайте адрес...

— Не записывайте, а записывай — это раз. А во-вторых, твой адрес у тебя на лбу написан каллиграфическим почерком.

— От Репеха нет вестей? — это он обратился уже к Беляне. — Судя по всему, его возможности далеко не безграничны, и община оказалась в области, для него недосягаемой.

— Разве такое бывает?

— Репех силен только в трехмерных пространствах, вернее, в пространствах с мерностью, кратной трем... Ты кто по специальности?

— Конструктор. Инженер-конструктор. Три-дэ моделирование, там — Автокад, Солид воркс... (Афиноген поморщился). На досуге пишу книги...

— Это уже лучше. Что пишешь?

— Фантастику, сказки...

— Про Витослава ты написал? Занятно, но не всегда правдиво.

— Ну, как же без красного словца? — вступилась за меня Беяна. — Наши все читали, всем понравилось. Рада на английский язык перевела.

— И в конторе твои книги популярны, — добавил Афиноген. — Они там в качестве учебного пособия. По ним законы и обычаи родноверов изучают, магию... А в широкую продажу твои книжки не поступают, они официально запрещены... Ладно, до встречи!

Он, побряхтывая, протиснулся обратно в магический экран и махнул рукой.

— Ты на него не серчай, — произнесла Беяна примиряюще, — он знает много такого, о чем ты даже не догадываешься. Скажу по секрету: он обожает вареники с картошкой и шкварками, а из крепкого — водку по два восемьдесят семь под кислые бочковые огурчики.

— Такой водки уж лет пятьдесят, как не существует.

— Ох, время-то как бежит! Кажись, только вчера «Смирновскую» пила, от поставщика двора Его Императорского Величества!.. А как насчет огурчиков?

— Огурчики будут. В общем, я все понял; сделаем в лучшем виде.

— Только не покупай вареники в магазине, лепите их сами!

— Само собой!

— Ступай, и да помогут тебе боги!

IV. Первый урок Афиногена

— Смотри, что я купила!

Света развернула пакет.

— Нюхай!

— Ну, сало...

— Украинское, я специально на рынок за ним ездила. Оно самое вкусное! Дорогой гость должен чувствовать себя комфортно. Кто он по национальности?

— Ядринец — поляк. Афиноген — его двоюродный брат. Наверное, он тоже поляк. Может, купить польской водки? В нашем маркете есть «Выборова».

— А она хорошая? Еще, не дай бог, отравим гостя! Купи «Столичную» — и не прогадаешь.

Афиноген пришел, как и обещал, вечером. Он не влетел в квартиру по воздуху, как это делал Витослав, и не возник ниоткуда, как Буня. Он просто позвонил в дверной звонок. У него был явно утомленный, но весьма счастливый вид.

— Можете меня поздравить. Я награжден правом служить литургию с отверстыми Царскими Вратами!

— Поздравляем... Только мы в этом ничего не понимаем.

— Это — награда за добросовестный и непорочный труд на поприще служения господу в течение не менее тридцати лет.

— Каков ваш стаж?

— Реально — почти семьдесят лет, по скорректированным документам — чуть более тридцати. Кстати, у патриарха были вопросы по поводу моей биографии по причине несовпадения моего возраста с внешним видом. Он, как говорится в дипломатической среде, выразил по этому поводу недоумение, и мне пришлось рассказать ему правду: что, мол, по непонятным причинам, я не старею, или старею медленнее, чем остальные люди. Прежний патриарх видел в этом перст божий, а нынешнего гложут сомнения, но обвинить меня в каких-то грехах он не может. Тем более что мои паспортные данные были изменены официально в связи с, якобы, ошибкой в свидетельстве о рождении.

— В связи с награждением у вас появились какие-то привилегии?

— В служебном плане — совершенно никаких. В социальном тоже, но мой энергопотенциал заметно увеличился, и я намерен использовать этот факт на благо общему делу. Я решил провести с тобой несколько занятий, призванных обеспечить твою духовную безопасность. До сих пор тебе везло, но мы не имеем права полагаться только на случай. Это касается также и твоей жены. Она готова?

— К чему?

— Пройти обучение защите от агрессивных воздействий!

— Света, ты готова?

— А можно без меня? Я боюсь!

— Не получится, вы оба уже ввязались в историю. Для вас это займет несколько дней, остальной мир за это время переживет несколько минут, сейчас мы войдем в безвременье...

За окном потемнело, но уличные фонари не зажглись. Улица обезлюдела, машины исчезли, птицы умолкли, наступила ватная тишина.

— А теперь посмотрите по сторонам и в окна. Все, кого вы увидите, живут и прекрасно

себя чувствуют в безвременье. Как видите, их довольно много. Большинство — низшие бесплотные... Вот ваш Буня (Буня помахал рукой и ослабился) и с десяток помельче. Они — как ваши кошки. На улице — уличные и дворовые и тоже полно мелких. Узнаёте своего дворового? Видите: он вам кланяется. Это за то, что не мусорите, пропалываете палисадник у подъезда и сажаете цветы. Помашите ему рукой и улыбнитесь.

— Они опасны?

— Эти нет, они просто выполняют свои обязанности. Если, конечно, вы не нарушаете правила.

— Что за правила?

— Обычные. Например, появившись на какой-либо территории, вы должны хотя бы мысленно поприветствовать ее хозяина. Приехали в какой-либо город — приветствуете хозяина города, на улице — хозяина улицы и так далее.

— А в театре, магазине?..

— Везде есть свой хозяин. Если вы будете делать это искренне, у вас никогда не будет неприятностей. То же самое — с представителями различных профессий: зашли в автобус — приветствуете общество извозчиков, проходите мимо стройки — приветствуете общество каменщиков...

— А когда сажусь за компьютер — общество программистов?

— Да... Только оно слишком молодое, хотя и очень активное. Надо смотреть в корень и знать, кто от кого произошел. Вот основные древние европейские общества: бондари, гончары, землекопы, знахари, извозчики, каменщики, кузнецы, купцы, лицедеи, маляры, мельники, могильщики, музыканты, мясники, охотники, пастухи, пекари, пивовары и виноделы, писари и счетоводы, плотники, портные, проститутки, рыболовы, садоводы, сапожники, скорняки, стекольщики, столяры, ткачи, хлеборобы, цирюльники.

— Программисты произошли от писарей и счетоводов?

— Совершенно верно!

— Получается, что, когда я иду по городу, я, в основном, только и занимаюсь тем, что раздаю направо и налево приветствия?

— Да. Ты хочешь сказать, что раньше использовал свои мозги более продуктивно?

— Нет, но...

— Продолжим. Перейдем к высшим бесплотным — богам, управляющим разными сторонами человеческого бытия и природными явлениями. Насчет стихий, я думаю, все ясно...

— Но нас учили, что бог один!

— Это абсолют, который есть причина всего, и до него слишком далеко. Можешь приветствовать и его, но это бессмысленно. Я имею в виду локальных божеств. В христианстве они называются архангелами, ангелами и святыми-покровителями, но суть от этого не меняется.

— Почему нельзя приветствовать абсолют?

— Не нельзя, а бессмысленно. Разницу чувствуешь? У абсолюта нет желаний, ибо, если ты чего-то хочешь, значит, тебе чего-то не хватает. У абсолюта есть все, и ему совершенно фиолетово, приветствуешь ты его, или нет, чего нельзя сказать про остальных божеств.

— Но, ведь он нас любит?

— Не более чем ты, как автор книг, любишь своих персонажей. Они у тебя и страдают, и торжествуют, и борются, и побеждают, и погибают... Иначе книга получается пресной и

никому не интересной.

— А как же сатана и прочая нечисть?

— Волк — сатана для зайца, а для волчицы — кормилец и благодетель. Проводи параллели.

— Но ведь в христианстве...

— Много ты знаешь о христианстве! Возьмем книгу Иова: «И был день, когда пришли сыны божии предстать пред господа; между ними пришел и сатана. И сказал господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана господу и сказал: я ходил по земле и обошел ее». Согласись: этот диалог мало похож на спор двух непримиримых врагов. В синодальном переводе евангелия от Матфея Иисус говорит сатане: «Отойди от Меня». Но в более древних текстах, например, в Елизаветинской библии в этом месте мы найдем: «Тогда глагола ему Иисус: иди за мною, сатано». Древнему переписчику было непонятно, зачем сатане нужно следовать за Иисусом, и он «исправил» это место по своему разумению. Таких «исправлений» в писании очень много. Можешь на досуге почитать в Интернете про «книжную справку», чтобы мы не тратили на этот вопрос драгоценное время.

Поэтому вот тебе первое наставление: дабы не входить в конфликты, всех приветствуй и со всеми договаривайся. А теперь можно и немного расслабиться. И еще: когда я — не протоиерей, а просто член общины, сделай милость, называй меня на «ты»! Кстати, водка уже в холодильнике? Накрывай поляну!

Второе, что ты должен уметь делать — это совершать жертвенную трапезу.

— Это как?

— Я буду действовать от твоего имени, а ты, наблюдай и запоминай. Сначала выбирается какой-нибудь предмет, который будет играть роль жертвенного блюда, например, вот эта креманка, и он ставится во главу стола — но так, чтобы во время трапезы над ним не мелькали ничьи руки. Затем от каждого блюда берется маленький кусочек и укладывается в эту креманку. Что у нас на столе? Хлеб черный, батон белый, сало, вареники с картошкой, соленые огурцы, сервелат, голландский сыр. Берем по кусочку каждого продукта и кладем в жертвенное блюдо. Кусочки хлеба макаем в водку и кладем сюда же. Теперь внимание: мысленно ты сажаешь себя прямо в это блюдо.

— Я же в него не помещусь!

— Свою, если можно так выразиться, уменьшенную копию. Ты должен почувствовать одновременно себя здесь и себя там. Получается?

— Да... Немного странно и очень страшно.

— Это с непривычки. Поехали дальше. Теперь ты приглашаешь гостей, сначала людей — Свету и меня. Ты должен почувствовать нас рядом с собой в креманке... Ну как?

— Ох! Я даже вспотел! Извини...

— Все отлично. Теперь приглашаешь бесплотных по старшинству — сначала богов...

— Как?

— Так, как можешь себе представить. Не мешает при этом проговаривать какие-нибудь слова — например, молитвы. Жесткого регламента на это дело не существует. Дай волю своей фантазии и не бойся... Ага, пришел Иисус... И все? Ладно, не пыхти, приглашай низших бесплотных. Так... Пришел хозяин квартиры Буня, пришел хозяин дома, хозяин двора, хозяин города... Молодец! Достаточно. После окончания трапезы не забудь помочь им покинуть креманку...

— Знаешь, что-то похожее проделывала Беяна, только на подносике лежал жареный

петух, а хлеб был смочен отваром каких-то трав.

— Знаменитый Белянин травяной чай... У нее много рецептов, и каждый раз она подбирает самый подходящий к конкретному моменту. Теперь наливай, а я скажу тост. Предлагаю выпить за благополучие хозяев и благоденствие всех собравшихся за этим столом. Чокаться можно и нужно!.. Теперь ты тостуй: предложи выпить за взаимопонимание между всеми присутствующими. Хорошо! Как правило, третий тост посвящается цели, ради которой ты всех собрал. Подумай, как бы правильнее ее сформулировать?

— Я хочу выпить за успех предстоящего дела, за то, чтобы чаяния всех были, по возможности, удовлетворены.

— Тостов, а правильнее, здравиц, должно быть нечетное количество, но не менее трех. Далее — по желанию. Продолжим?

Через полчаса.

— Здесь осталась только на одну рюмку.

— По сколько мы выпили?

— По четыре. Нужно еще по одной.

— У меня есть другая водка, правда, она распечатана.

— Неважно, неси.

— Вот, «Утиная охота»!

— Кто ее выпускает?

— Белоруссия.

— Им можно верить.

— Хлеб макать?

— Не стоит, водка — всегда водка. После этого сразу завершишь трапезу. Всех проводишь к выходу в обратном порядке, сам отключишься последним. Потом завернешь содержимое в бумагу, можно в газету, и мы выйдем во двор. Его нужно будет сжечь, предав богу огня, он в любом списке — последний. Если все будет сделано правильно, остатки трапезы сгорят полностью, до седого пепла.

Я стоял, смотрел, как огонь пожирает содержимое креманки, и удивлялся: пламя становилось то оранжевым, то синим, то, почему-то, временами проскакивал даже зеленый цвет. Афиноген, молча, стоял рядом, сложа руки на груди, Света — чуть позади. Когда последний язычок огня вспыхнул и погас, Афиноген пошевелил палочкой золу и удостоверился, что огонь сожрал все. Затем он поклонился тому, что осталось от костра, и промолвил каким-то не своим голосом: «Вот и все. Идемте домой». Мы поднялись наверх, и я заметил, что на улице опять стало светло, зашумели машины, зачирикали птицы и зашаркали ногами прохожие. Жизнь продолжалась.

V. Второй урок Афиногена

Афиноген долго рассматривал из окна улицу, будто чего-то ждал, а потом сказал:

— Хорошо, с этикой поведения в духовном мире ты дальше разберешься сам, с жертвенной трапезой, я думаю, тоже. Здесь просто нужна практика. А завтра мы поговорим о фаритоне.

— О фари...

— О том камешке, который ты постоянно носишь в кармане. Длительный контакт с ним сначала обостряет духовное видение, и, в конце концов, ты сможешь обходиться без этого артефакта. Но, если продолжать носить его по привычке, то наступит привыкание, и уже не ты будешь его хозяином, но он — твоим, как алкоголик становится рабом бутылки. И это произойдет незаметно.

— Сколько времени у меня в запасе?

— Не знаю. Во всяком случае, до наступления привыкания проходит как минимум несколько месяцев, а то и несколько десятков месяцев — у кого как. Откуда он у тебя?

— Его сделал Витослав незадолго до всеобщего исхода. С его помощью я видел все.

— Он не предупредил тебя, что с помощью этого артефакта ты не только можешь перемещаться сам, но и перемещать других и разные предметы?

— Об этом я догадался.

— Ты кого-то уже перемещал?

— Да, Михалыча, соседа Витослава... Я его всего лишь на несколько метров... В квартиру Витослава и обратно... А потом карка из квартиры Боголепа в город...

— С карком — ладно, а вот, Михалыча — это ты зря, теперь он может тебя выследить! Фаритон оставляет следы.

— Не сможет, он совершенно постороннее лицо, он вообще ничего не понял.

— Тогда кто-то сможет через него. Сотри следы переноса!

— Я не умею.

— Дай-ка его сюда.

— Как он работает?

— Как и все магические предметы, а он из всех — самый простой, сканирует вероятности и выбирает ближайшую подходящую. То есть, с его помощью ты не сможешь переместиться, скажем, на Марс, потому что такой вероятности не существует вообще. Кроме того, фаритон работает только в физических мирах. Многие с его помощью пытались входить в сны, сказки, фантазии, мечты и прочие эфемерные пространства — и исчезали бесследно. Ты еще не пробовал разыскать с его помощью ушедших? И не пробуй. Для этого нужен другой артефакт.

— Какой?

— Кто же его знает?

— Может, такого не существует в природе?

— Сны и фантазии существуют? Свою энергию они имеют? Значит должно существовать нечто, умеющее этой энергией управлять, но из нее не состоящее. То есть, это — обязательно материальный предмет. Мой жезл такого тоже не умеет, хотя он, как в свое время чемоданчик Боголепа и жезл Ядринца, может откатывать время. Кстати, я был незадолго до тебя на Гее и пытался пройти к Парусу, но он меня не принял, деликатно

развернув на сто восемьдесят градусов. Я уверен: он знал, с чем я хотел к нему пожаловаться. Ладно, идем спать, завтра — еще один день занятий.

Но назавтра Афиноген сказался больным. Накануне мы со Светой положили его улыбающегося и розовощекого, на складном диванчике в прихожей, постелив свежее белье. Но наутро он был бледен, а простынь под ним оказалась взмокшей — хоть выкручивай.

— Что с тобой?

— Неожиданная проблемка.

— Простуда? Грипп?

— Неважно. Это — следствие того, что я вчера что-то сделал не так.

— А что ты мог сделать не так, и как должно быть «так»?

— Скорее всего, сказал что-то лишнее... То, что вам знать пока не полагалось. Теперь лежу, перебираю в уме весь наш вчерашний разговор. Если найду причину, поправлюсь за несколько минут. Не найду — отболею на всю катушку.

Когда я заглянул к нему через час, то понял: он не нашел.

— Знаешь, я просмотрел весь вчерашний день... Все чисто. Здесь что-то другое... Возможно, это связано с работой. У нас в епархии есть такие умельцы — настоящие чернокнижники, хотя формально они служат иереями, протоиереями, иподиаконами и диаконами.

— Какое отношение они имеют к тебе?

— Самое непосредственное. Отчего люди становятся на путь духовного преступления? В основном, из зависти, жадности, неудовлетворенных амбиций. Меня любят и уважают мои прихожане, а для священника это едва ли не самое главное. Пастырь олицетворяет для них всю церковь, всю систему, всю веру.

— Что конкретно предпринимают чернокнижники?

— Мелкие пакости, иначе это не назовешь. В данном случае, я подозреваю, что кто-то поставил мне свечу за упокой.

— Чем это грозит?

— Рвется там, где тонко. Как видишь, у меня случилась сильная простуда, если бы я имел зубы с кариесом, меня могла бы сразить сильная зубная боль, при слабом сердце — сам понимаешь...

И нет никакой возможности защититься?

— В православной церкви экзорцизм не практикуется уже очень давно и совершается только с благословения епископа, ибо Лаодикийский собор 364 года постановил: «Не произведенным от епископов не должно заклинать ни в церквях, ни в домах...». А специальный чин отчитывания в требнике митрополита Петра Могилы семнадцатого века имеет католическое происхождение, и у нас практически не применяется.

Поэтому оставь меня пока одного, я попробую помочь себе сам, а если понадобится, я позову. В евангелии от Матфея сказано о злых духах — энергетических воздействиях: «сей род изгоняется только молитвою и постом». Извини. Но по поводу фаритона мы поговорим обязательно, я не могу пустить этот вопрос на самотек. Магические предметы действуют по несколько иным, нежели физические, законам.

— Например?

— Они не всегда подчиняются законам гравитации, законам сохранения и превращения физической энергии и вещества, они могут накапливать и обрабатывать бездну информации в не цифровом, а аналоговом виде, и много чего еще. И пожалуйста, не беспокой меня до

полудня, не завтракай обильно и спиртного не пей.

И я вернулся к жене, вкратце передал ей содержание разговора, мы обильно не ели, спиртного не пили, разговаривали вполголоса и всё прислушивались, не позовет ли нас Афиноген. Но за дверью было тихо.

— Ты можешь ему как-нибудь помочь? — спросила Света.

— Только одним: не мешать.

Около полудня дверь неожиданно отворилась, и Афиноген вошел в кухню. Он был еще бледнее, чем утром, но улыбался слабой улыбкой.

— Ты победил?

— Надеюсь, что да.

— Надеешься?

— Поначалу результат неявный — при неудаче первое время возможно небольшое облегчение, а при успехе — угнетенное состояние. Давайте завтракать!

За столом Афиноген понемногу оживился и разговорился, и мы поняли: странная болезнь миновала.

— Ну что, вернемся к фаритону? Во-первых, нужно научиться его включать и выключать.

— Витослав сказал, что это не нужно, что он неиссякаем, и достаточно просто поднести его к глазу.

— Он действительно неиссякаем, но во включенном состоянии он слушается любого, взявшего его в руки. Поэтому, когда он не нужен, его следует отключать, это своего рода техника безопасности. Вот, он включен. Рассмотрим его хорошенько, покрути в руках, пощупай... Теперь я его выключаю. Разницу чувствуешь?

— Чувствую, но не пойму, в чем она заключается.

— А еще раз?..

— Все равно не понимаю... Хотя нет... Кажется, он, то живой, то неживой...

— Он может спать или бодрствовать. Скомандуй ему: «Спи!».

— Спи!

— Не так. Во-первых, не кричи, ты можешь делать это мысленно. Во-вторых, сначала назови себя... Давай!

— Я Вова. Спи!

— Отлично. Кодовое слова для включения: «Проснись!». Не забудь себя назвать.

— Я Володя. Проснись!.. Почему он не работает?

— Все просто: усыпил Вова, а пытался разбудить Володя. Будь внимательнее!

— Я волнуюсь... Я Вова. Проснись! Уф!.. Теперь я для него навсегда Вова?

— У тебя есть никнейм в сети?

— Да. В сети я — Анданте.

— Уложи его спать под этим ником.

— Я Анданте. Спи!

— Вот и все. Кто усыпил, тот может и разбудить. Идем дальше. Техника безопасности предлагает тщательно следить, чтобы при перемещении по мирам не было прицепов. Прицепы — низшие бесплотные, которые могут пытаться переместиться вместе с человеком, что им строжайше запрещено. Я так вижу, на твоём счету уже есть один «заяц»?

— Не знаю... Хотя, однажды мне показалось, что в момент перемещения кто-то пытался схватить меня за рукав.

— И ему это удалось.

— Можно ли определить, кто это был?

— При определенном умении... Сейчас посмотрим... Ба! Да это известная личность. Его зовут Вритра, он уже давно работает на контору. Поздравляю, дружище: ты под колпаком, контора за тобой следит. Куда ты направлялся, когда почувствовал его прикосновение?

— Я перемещался к Боголепу домой.

— И попал в лес? А там он тебя не касался?

— Не помню, кажется, нет. Потом появился Карл. Я думаю, он бы его заметил. Мне это чем-нибудь грозит?

— Тебе, в любом аспекте — как в социальном, так и в духовном, нет, а вот пойманный с поличным при незаконном перемещении, бесплотный сразу может быть разжалован на одну-две ступени вниз. Другое дело, если вы договоритесь, и он пойдет к тебе на услужение на год-два-три. Обычно, по истечении срока хозяева повышают слуг до домовых и амбарных.

— Я не умею повышать и понижать бесплотных.

— Умеешь, просто не догадываешься, как. Когда придет необходимость, ты сразу поймешь. Советую тебе взять в услужение кого-нибудь из геянских. Они все равно сейчас шатаются без дела. Ты знаком с кем-нибудь из них?

— Лично нет.

— Мне импонируют трое. Выбирай: Анчутка, Чоп или Пых. Если сговоритесь приглашай всех. Могу даже познакомить с ними. Кстати, у них есть привилегия: им уже давно разрешено свободно путешествовать между Геей и Землей. Ты готов к диалогу? Давай, покажи, как ты перемещаешься!

Я приложил камень к глазам и успел сказать: «Света, мы ненадолго...», как все смазлось, мелькнули звезды, лицо крутого духа, до сих пор разыскивающего своего пацана, и мы оказались в роще карков. Из-за дерева, будто он нас поджидал специально, вышел Карл.

— Привет, Володя, мое почтение, Афиноген. Очень хорошо, что вы теперь вдвоем!

— Кому хорошо?

— Не цепляйся к словам! Тут такое было! Недавно приходили люди с железными палками, и ихний главный спрашивал, кто из нас умеет говорить, а не то он даст команду всех нас расстрелять. Мы, во-первых, сделали тупые выражения лиц, а во-вторых, собрались защищаться и их всех заклевать. Они ведь даже не догадываются, на что мы способны. Но вышел другой ихний с планшетом и сказал командиру, что нельзя уничтожать уникальную фауну, и что он доложит об этом какому-то большому начальнику, и командир отменил приказ. Мы сразу решили, если что, в знак особой благодарности заклевывать этого, с планшетом, в последнюю очередь. А командира обгадили, как сумели, и, представь, он все стерпел.

— Хорошо. А теперь скажи, вы действительно способны на что-то серьезное, или только хорохоритесь?

— О-о-о! У нас есть специальная тактика. При встрече с неприятелем мы становимся невидимыми и гадим, гадим, гадим!!!

— На него?

— Ну да. Загаживаем вровень с землей!

VI. Анчутка, Чоп и Пых

— Знакомьтесь! — Афиноген сделал церемонный жест рукой, — это Анчутка, Чоп и Пых, а это — Володя... Э-э-э, ты чего? (Это мне).

— А что такое?

— Ты протянул им руку для приветствия?

— Да, что здесь особенного? Они что, заберут у меня энергию?

— Какая, ахали цели, энергия? Бесплотных так не приветствуют, их нельзя баловать, они должны знать свое место! В духовном мире свои правила!

— Мне эти правила не нравятся. Если это не опасно для меня, я буду пожимать руки всем бесплотным — если, конечно, у них добрые намерения. Я всегда с детьми, животными, растениями и даже с рыбками в аквариуме разговариваю на равных. Кстати, у этих ребят руки теплые, как у людей.

— Это они сделали специально для тебя, вообще-то у них руки буквально ледяные. Бр-р-р... Сказано — нежить! Твои друзья с ними были запанибрата, они чай вместе пили, да и не только чай... Ян рассказывал, как Витослав летал за тридевять земель, спасал своего домового Зюзю от развеивания... Эх, куда катится этот мир!

— Со своей стороны, Афиноген, я не ожидал от тебя такого махрового расизма... Или как это назвать?

— Дискриминации? Сегрегации? Для бесплотных человеческие понятия не подходят! Они даже устроены совсем не так, как мы; настолько не так, что ты не можешь даже вообразить!

— Так расскажи, просвети меня! Послушайте и вы, наши прозрачные друзья!

— Ты сидишь в лодке и орудуешь веслами. Присмотрись: там, где весло вошло в воду, образуется маленький водоворотик. Как ты думаешь, сколько он живет?

— Не знаю, секунды две... Три?.. Пять?.. Минуту?

— Несколько десятков минут, даже при сильном волнении и быстром течении. Душа любого организма — такой же водоворотик в эфирном, нематериальном пространстве. Она относительно неизменна благодаря поддерживающему ее физическому телу. Но у бесплотных стабильность души ничем не поддерживается. Она может принимать любые формы, иметь любые качества, любые черты характера и все такое прочее. Жаль, что ты не знаком с Репехом, который довел умение владеть своим обликом до совершенства. Это зависит, как от личного желанья, так и от внешних обстоятельств. Рукопожатие, например, сильно и надолго стабилизирует душу бесплотного в приятной для тебя форме, сохраняет ее гомеостаз. Но нужна ли эта стабильность лично ему, или законам, которые им управляют? Сам того не ведая, ты вмешиваешься в совершенно иной мир.

— Я понял, в чем дело! Ты незаметно для себя пропитался христианством, которое считает всех бесплотных, если не ангелами, то исчадиями ада. Ведь верно? Расслабься, когда-то они родятся людьми, и, я уверен, окажутся добропорядочными членами общества. Пожми им руки!.. Попробуй, попробуй! Ну, вот... И улыбнись.

— Ладно... Итак, ребята, согласны ли вы пойти к Володе в услужение на три года с возможностью досрочного расторжения договора по соглашению сторон?

— Что нам надо делать?

— Во-первых, всяческими образами не давать Вритре следовать за Владимиром, а тем

более, ему мешать. Во-вторых, все, что скажет сам Володя.

— Мы согласны! Володя, ты в курсе, как нас вызывать?

— Назвать имя любого из вас три раза?

— Совершенно верно. Итак?

— Первое задание: обеспечить мне свободный доступ к статуям богов и Парусу. То есть, любыми доступными методами сделать так, чтобы люди из конторы меня и Афиногена не замечали хотя бы полчаса.

— Ну, ты задачки задаешь, барин... Нам надо подумать... Как срочно это надо сделать?

— Чем раньше, тем лучше.

— Мы удаляемся.

Афиноген покачал головой. — Лихо ты взялся за дело! Там, в пещерах возле Паруса сидит маг по имени Сихаэль — тот, который с планшетом. Кабы он их не засек...

Я промолчал.

Прошло более получаса. Все это время карк топтался возле нас и вздыхал. Наконец, Афиноген не выдержал.

— Карл, тебе нечем заняться?

— Пока вы здесь, я с вами, это такое правило.

— Кто его придумал?

— Не знаю!

Прошло еще полчаса.

— Смотрите! — вдруг воскликнул наш добровольный провожатый, указывая крылом на восток.

Вдали из-за деревьев поднимались густые черные клубы дыма.

— Лес горит! — заволновался Карл, — надо удирать!

— Не стоит, — возразил Афиноген, — ветер с запада, он погонит огонь, если это пожар, на восток, к Эльбурзу.

— Анчутка, Анчутка, Анчутка! — проговорил я магическую формулу.

Через мгновение Анчутка появился передо мной.

— Это ваша работа?

— Наша. Это горит озеро перзофиля и немного леса вокруг...

— Какой в этом смысл?

— Озеро длинное, все пришлое — с той стороны. Ёлман следит, чтобы не загорелось лишнее и не погасло нужное. В пещере три человека — Сихаэль и двое дежурных. Все спят. Давай, шевелись!

Я шевельнулся, и наша шестерка в мгновение ока появилась возле пещерной копии Паруса. Я воспользовался фаритоном, Афиноген жезлом, бесплотные просто исчезли в лесу и появились в пещере, Карл, воспользовавшийся традиционным птичьим способом, отстал не более чем на минуту.

— Ну и быстро же они летают, — с уважением подумал я о карках.

— И беззвучно! — дополнил карк мою мысль.

— Карки читают мысли?

— Ты только сейчас это заметил? — ехидно осведомился Карл. — Запросто. Но только тот, кто в данный момент может думать.

Анчутка подошел к спящим и над каждым из них сделал руками несколько странных пассов. Тотчас рядом появились его маленькие и более симпатичные копии, которые тоже

стали размахивать руками.

— Мои аватары, — пояснил он нам с Афиногеном. — Они навевают сон поглубже. В разных странах их зовут по-разному. В Дании это — Оле Лукойе, в Греции — Морфей, в Западной Европе — Песочный человек... Володя, Парус — вот он, перед тобой. Удачи!

Я сделал несколько шагов и оказался на берегу маленького озера, из которого били вверх пять красивых, отливающих радугами, лучей. Средний чуть наклонился ко мне, и у меня перед глазами поплыли ласковые разноцветные круги. Моей последней мыслью стало: «Ах, как мне хорошо!», и я провалился во что-то теплое и мягкое.

Я сидел на удобном, поросшем мхом и лишайником камне, а вокруг, насколько хватало взгляда, простирался туман. Небо было чистым, Солнца видно не было — оно, то ли недавно скрылось за горизонтом, то ли еще не взошло. Издалека доносился приглушенный рокот морского прибоя. Недалеко от меня на таком же выступе скалы, приложив ладонь козырьком ко лбу и разглядывая горизонт, сидел человек.

— Здравствуйте! — я закашлялся. — Вы кто?

— Здравствуй, Владимир — ответил он, — я Сераф.

— Где-то я слышал это имя. — Я порылся в памяти и извлек оттуда совсем не то, что ожидал. — Кажется, так звали охранника пифии в фильме «Матрица»...

— Может, сразимся? Хотя, ты — явно не Нео.

— Но и ты — явно не тот, киношный Сераф.

— Счет: один — один. Диалог будет продуктивным. Чего ты хочешь?

— Я хочу узнать, куда ушли мои друзья.

— Допустим, ты это узнаешь. Что потом?

— Попробую их вернуть.

— Для чего?

— Бесплотные просили... Я не знаю...

— Наверное, ты хочешь, чтобы все стало, как прежде?

— Точно!

— Но ты прекрасно понимаешь, что это невозможно. Поэтому, у тебя есть выбор: либо отправиться домой, либо попробовать узнать, что случилось с твоими друзьями, но тогда для тебя тоже все станет не так, как раньше.

— Я сейчас подумал о жене...

— «Не так» — это не значит «хуже». У тебя восхитительная жена. Решай.

— Я тебе верю, но ты все-таки ответь: что будет со Светой... И, кстати, с Афиногеном, Анчуткой, Чопом и Пыхом, если... Короче, если я сильно изменюсь?

— Света и Афиноген тоже изменятся, а бесплотные получают обещанное.

— То есть, никто не пострадает?

— Будь уверен!

— Тогда я хочу узнать, что стало с моими друзьями!

— Да будет так.

И я опять оказался в пещере на берегу озера с бьющими из воды лучами.

— Так я же... — Я осекся на полуслове. Видимо Сераф решил, что аудиенция закончена. Ну и ладно, я буду действовать по собственному усмотрению! Оглянувшись: Афиногена нигде не видно, а за моей спиной бесплотные устроили целую пантомиму. В полной тишине они размахивали руками, стараясь дать мне понять, что я произвожу слишком много шума. Я сделал жест, означающий: «Валим отсюда!», и, убедившись, что

меня правильно поняли, приложил сердолик к глазам.

Оказавшись в роще карков, первым делом я задал вопрос: «Кто знает, где Афиноген?».

— Мы не знаем, — ответил за всех Карл, — он шагнул в луч паруса вслед за тобой.

Разве вы там не встретились?

— Я думаю, пространство, в которое мы попадаем, войдя к Парусу, бесконечное и многомерное. Наверное, Афиноген сейчас беседует с каким-то другим ангелом.

— Ангелом?

— А кем же еще могут быть, все эти Аитиры, Астерии, Ноэсы, или сегодняшний Сераф?

— Не обязательно ангелами. Высшие бесплотные бывают всякими — серафимы, херувимы, века, воинства, силы, начала, господства, престолы, архангелы, ангелы...

— Где ты только слова такие находишь?

— Хайоты, офанимы, арелимы, хашмалимы, малахимы, элохимы...

— О боги! Достаточно! Сколько же их всего?

— Ишимытаршишимы, шинаннимы...

— Хватит!!!

— Как скажешь, ты спросил — я ответил...

Рядом со мной из ниоткуда вынырнул Афиноген. Его лик был печален, чело нахмурено, взор туманен. Он почесал темя, затем грудь, наткнулся на большой нательный крест, посмотрел на него с каким-то недоумением, поскреб всей пятерней затылок, потом правую филейную часть, и в конце медленно и с выражением произнес: «Ахали цели!». Мы облегченно вздохнули. Он отверз уста и изрек:

— Я видел мир!

— Какой мир?

— Весь!

— То есть?

— Я сказал, весь — значит весь, вообще весь...

— Расскажи подробнее!

— Я есть хочу, пить и спать!

— Может, тебе еще и женщину?

— Есть женщину? Это отвратительно!

— Мы совсем не это имели в виду

— А что? А-а-а... Володя, Полетели к тебе... Только я не смогу, у меня страшно кружится голова...

— Держись за мой ремень!

И я извлек из кармана фаритон...

VII. Карта всего

Афиноген лежал навзничь с приоткрытым ртом и тихонько похрапывал. По его лицу медленно полз солнечный зайчик — результат многократного отражения от различных мебельных поверхностей проникшего из соседней комнаты лучика. Амебоподобное пятнышко света неторопливо переместилось со лба над правой бровью на переносицу, а затем переползло на слегка дрожащее левое веко. Святой отец, хрюкнув, повернулся набок и открыл глаза.

— А, это ты... Сколько я спал?

— Ты не поверишь, почти сутки.

— Меня могут хватиться. Где мой телефон? А еще мне очень надо в туалет...

Еще плохо ориентируясь в пространстве после пережитого, он сгреб лежащий рядом на стуле телефон и, натыкаясь на углы, двинулся в комнатку с одним сидением. Я зашел к Светлане на кухню.

— Как он?

— Вроде, ничего...

— Ты говорил ему?

— Еще нет. Потом... Нужно улучшить подходящий момент.

Сегодня на рассвете кто-то разбудил его телефонным звонком, и, обычно добродушный в жизни, протоиерей, будучи, как с похмелья, явно не в себе, наговорил собеседнику такого... А в конце неоконченной тирады вдруг затих и захрапел.

— Как ты думаешь, он что-нибудь помнит?

— Скорее всего, нет.

Я слышал, как в конце разговора его визави кричал в трубку, часто повторяя слова «епитимья» и «отлучение от евхаристии». Наверное, это было что-то серьезное. Я тогда поднял выпавший из рук айфон, ушел с ним в соседнюю комнату и попытался объяснить звонившему, что батюшка очень нездоров, и я приношу за него глубочайшие извинения. Но утренний возмутитель спокойствия, видать, решил, что Афиноген просто напился в стельку и не вяжет лыка, послал меня подальше и отключился. А я еще несколько секунд машинально прислушивался к коротким гудкам.

Из туалета батюшка вышел уже почти ровной походкой, и его лицо сделалось более розовым, но, чтобы описать выражение этого лица, к десяти «ахали цели» не помешало бы присовокупить несколько «едрит растаких-то матерей».

— Володя, мне звонили? Я смотрю: разговор длился пятнадцать минут... Судя по номеру, это был один из членов комиссии епархиального управления персоналом... Ничего не помню... Ты можешь что-нибудь сказать по этому поводу?

— Я... Это... Могу...

— Ради бога, не тяни!

— Ты его посылал...

— Куда?

— Ну, куда... По-простому, по рабоче-крестьянски, на чистом русском народном языке... А он несколько раз громко повторил непонятные слова «епитимья» и «отлучение от евхаристии». Потом ты, не договорив очередной адрес, куда ему следовало бы идти, вдруг уснул, а я взял трубку и попытался загладить конфликт, что, мол, ты сильно болен...

— Ты никогда не слышал, как ругается матом протоиерей?

— Не доводилось.

— Если хочешь, закрой уши!

И он с чувством проговорил шикарное многоэтажное ругательство, которому позавидовал бы боцман с тридцатилетним стажем, увидевший, как юнга плюнул на только что вымытую палубу. Оно состояло из множества сложноподчиненных предложений, наспигованных причастными оборотами, в основном, сексуального характера, отвечающими на вопрос: «Какой?». Потом он резко осекся и заявил:

— Придется откатить время.

— На когда?

— Допустим, на момент моего появления здесь... Какой кошмар, ахали цели! Опять начнется это головокружение.

— У меня есть таблетки вестибо. Появившись здесь, сразу выпьешь парочку. Только, пожалуйста, сохрани нам со Светой память.

— А ты, пожалуйста, не давай мне уснуть сразу. Делай, что хочешь. Не знаю... Ну, бей меня по щекам и задавай неудобные вопросы.

— Получится что-то вроде допроса в гестапо.

— Только ты того, не очень изгаляйся. Человеку плохо, а к нему еще кто-то лезет в душу, и этот кто-то называет себя его спасителем... Готов? Раз, два, тр...

— Ох, ох!..

— Я придумал: тебя не надо бить по щекам, достаточно просто отпустить. И ты будешь сам биться башкой обо все встречные предметы. Вот, как сейчас...

Бум!

— Ох! Как же это я?..

Бац!

— Ох, лучше, держи!

— Щас, еще разок...

Шварк!

— Мы договорились бить по щекам, а не ронять на пол!

— Ладно, держу и задаю вопросы. Вот, например: мне всегда было интересно, что ты чувствовал, когда плевал в лицо Иисусу и говорил на него хулительные слова? Я вспоминаю свои ощущения... Вот их я точно хотел бы забыть. А ты, как-никак — священник!

— Ахали цели! Нашел, о чем спросить! Ладно, скажу так. Мы, сами об этом не догадываясь, делим все сущее на святое и не святое. А где пролегает граница между тем и этим? Найдя ответ на этот вопрос, ты поймешь, чем настоящие родноверы отличаются от псевдохристиан, коих подавляющее большинство.

— Это называется игрой в подкидного дурака. Мол, ты зашел — ты и отбивайся! Я не собираюсь сейчас ковыряться в твоих философских вывертах, а жду от тебя прямого ответа! Итак!.. Эй, не спи!

Бабах!

— Ты опять меня уронил!

— А ты не спи, ты отвечай!

— Ох!.. Ладно. Все просто: очевидно, что истинно святое попать невозможно. Сравни Иисуса, у которого не было ничего, и сердце которого было отверсто для всех, и облаченного в золото патриарха. Над Иисусом надругаться невозможно, даже убив его, над патриархом —

гм... Соприкосновение со святым очищает. Вдумайся: не я, или ты, но наши плевки, соприкоснувшись с истинно святым, сделались освященными. Что плевком! Святым стало даже само орудие казни — крест, на котором был распят Иисус. Ты никогда не задумывался об этих вещах?

— А я?

— Что ты?

— Выходит, мой плевком освящен... А я?

— А ты слижи его со святого лика, и тогда, возможно, произойдет чудо, как при поцелуе. Плюя на образ, на самом деле ты плюешь на собственное ложное представление о святости, и это, в известной мере приносит пользу.

— Не верю!

— Это может и сильно навредить: если традиционное представление окажется сильнее озарения истиной, у тебя случится большой внутренний конфликт, и ты в глубине души будешь чувствовать себя последним предателем. Так бывает со всеми дерзнувшими, но не понимающими сути происходящего.

— Но у родноверов представление о святости совпадают с таковыми у христиан! У вас... То есть, у нас, есть истуканы, которым надлежит молиться... Зато у евреев... Помнится, в заповедях...

— Это из второй: «Не сотвори себе кумира, и всякаго подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах под землю: да не поклонишися им, ни послужиши им». Евреи наступают на другие грабли. У них тоже есть объекты почитания — их писания, традиции и законы, идущие от бога. А по поводу наших истуканов... Я думаю, что однажды пришло время, и Парус сам увел людей туда, где они смогут избавиться от ложных ценностей.

— Ты давно так думаешь?

— Да. Уже... (посмотрев на часы) час с четвертью.

— Это случилось после нашего к нему визита?

— Во время, Володенька, во время.

— Кофе хочешь?

Через два часа зазвонил телефон. Афиноген разговаривал учтиво и спокойно, казалось, даже по-дружески. Он сослался на неожиданное недомогание и принес извинения. На том все и закончилось.

Затем мы расселись на кухне с чашечками ароматного и недорогого «Нескафе» в руках.

— Афиноген, я теперь от тебя не отстану, я желаю продолжить разговор по душам. Ведь, когда тебя посвящали в родноверы, ты думал совсем по-другому?

— Признаюсь, я страшно боялся, у меня дрожали руки и ноги, мне все казалось, что сейчас с небес грянет гром, меня разорвет на клочки, и на месте, где стоял бедолага Афиноген, в земле останется зиять огромная яма!

Света сразу предположила худшее.

— Что-нибудь случилось?

Афиноген. Случилось. Но — хорошее... Только мы пока еще сами толком в этом не разобрались. И спать более не хочется...

— Но, если ты не устал, расскажи, почему ты опьянел и объясни свою фразу: «Я видел

весь мир».

— Это трудно... Даже невозможно передать словами... Если совсем кратко, то бытие устроено так, что нет ничего такого, что могло бы включать в себя все остальное без остатка и искажений.

— Сам-то понимаешь, чё сказал? Поясни.

— Не существует и не может быть единого бога для всех. Надеюсь, это понятно?

— Я бы поспорил.

— Спорить будешь потом... Если будешь! Не существует и не может быть единственно правильного мнения по любому поводу.

— Я бы опять поспорил.

— Почему? Ты мог бы привести абсолютно верное утверждение?

— Сколько угодно. Например, я существую — это раз...

— Не забывай про кота Шредингера. Я тебе позвонил, и, пока ты не снял трубку, ты для меня не существуешь! То есть, твое существование истинно только для тебя самого, оно не абсолютно. Так? Идем дальше.

Не существует и не может быть единой теории, описывающей все явления природы. Это ясно?

— Ну...

— Не может быть единой карты для всей земной поверхности, не имеющей искажений.

— Это точно!

— Не может быть единого, полностью устраивающего всех, общественного строя и единой морали.

— М-м-м...

— Этот перечень можно продолжать до бесконечности. То есть, в нашем, материальном мире ни для чего нельзя подобрать общий знаменатель — ни в большом, ни в малом. Парус явственно мне это продемонстрировал. А потом взял, и показал общего бога — как абсолютную истину, как теорию всего, как единую карту, как общую идеологию, как общий знаменатель. Только каким-то другим способом: я просто ощутил это нутром, почувствовал все это в себе. Как карту, состоящую из множества мельчайших перекрывающих друг друга частей, как реальность, на которую смотришь через бесконечное число граней кристалла, как полифоническую фугу Баха, как фрактальную фигуру... Меня стошнило, и у меня закружилась голова.

— Да-а-а... Вопрос о причине твоего псевдоопьянения отпадает сам собой. А не хочешь ли пережить настоящее опьянение? Я думаю: то, что произошло, этого стоит. Давай, выпьем за здоровье всех присутствующих, за всеобщее духовное прозрение...

— За прекрасных дам...

— Обязательно!

— И за все хорошее!

Дык, я побежал в магазин? «Выборову» будешь пить?

VIII. Точка приложения

— Что будем делать теперь?

— Я заберу тебя к себе. Будешь послушником.

— Что это значит?

— Послушники бывают разными. Они могут быть священосцами, звонарями, певчими, алтарниками, старостами храма или чтецами, В качестве чтеца ты не годишься — для этого надо знать порядок богослужения, в алтаре ты прислуживать не сможешь, в певчие не подходишь, а священосец — по-гречески, депотат — это будет как раз то, что надо.

— А может, я это... дома останусь? А как же Света?

— Как она сама решит. А тебя я забираю, на тебя контора уже положила глаз. Я так понял, ты ничего не замечал... Тут такое творилось... У меня ты будешь в относительной безопасности.

— Не хочу называться депотатом, это похоже на депутата!

— Неприятно? Правильно! Ладно, есть еще одно слово, тоже греческое: параекклисиарх. Придется заучить его наизусть! Но это будет не сразу, поначалу будешь депотатом. Извини...

— Расскажи, пожалуйста, что ты имел в виду, когда сказал: «Тут такое творилось»?

— Важно не то, что я сказал, а важно то, что без своего камня ты не видишь тонких структур, и, чем дольше ты будешь им пользоваться, тем сильнее будешь запечатывать свое духовное зрение. Пройдет еще какое-то время, и никакие ухищрения не смогут тебе помочь. И я решил пойти на рискованный шаг... Сядь!

Эта команда прозвучала, как выстрел. Я вздрогнул и сел на краешек табурета.

— Сядь хорошо, всей задницей! Закрой глаза!

Я повиновался и сразу же почувствовал такой сильный удар по лбу, что в моей голове все поплыло. После недолгой борьбы с собственным вестибулярным аппаратом равновесие было полностью утеряно, и я, не раскрывая глаз, шваркнулся на пол.

— Плохо! — резюмировал Афиноген. — Очень плохо! Но ничего не попишешь, придется потерпеть.

— Долго?

— Не знаю. Думаю, несколько дней. Несколько часов — наверняка.

Я открыл глаза. Комната вокруг меня качалась и вертелась, а желудок поднялся к горлу и робко постучал изнутри. Я замычал.

— Хочешь выйти?

— М-м-м...

— Давай!

Афиноген подхватил меня под руку и потащил в туалет.

— Чем ты меня так?

— Приложил к твоему лбу свой крест, и он открыл тебе зрение. Извини, это варварский метод, но у нас просто нет времени.

— Просто приложил? Такое ощущение, что ты меня поленом...

— Полено такого эффекта никогда не даст, хотя иногда срабатывает и такой прием. Здесь лучше помогает удар по затылку... Что, никогда ни обо что не бился затылком?

— Бился, и не раз, особенно в детстве, когда проказил — куда-то влезал, откуда-то

спрыгивал, падал на льду...

— И что, духовное зрение ни разу не включалось?

— Обычное отключалось... Как правило вместе с сознанием.

— Здесь важна не столько сила удара, сколько направление, и точка приложения. Тебе просто не везло.

— А оно не закроется?

— Первое время не ешь всего, что является зародышем — зерно, особенно пророщенное, яйца, икру...

— Не есть икру — это запросто. А зерно... Это значит, и хлеб нельзя? И яичницу?

В мире еще много всякой снеди, не попадающей под ограничения — молоко, чай...

— Кофе?

— Кофе — из молотых семян. Это зародыши! Мясо, сало и рыба, сметана, творог и кефир, всякая зелень...

— Огурцы, помидоры...

— Если вынуть все косточки... Дальше додумывай сам... Ну, открывай глаза, не бойся, что видишь?

— Кухонная мебель водит хоровод.

— Скажи спасибо, что не танцует вокруг тебя акробатический рок-н-ролл! И это все?

— Вижу Свету. Она курит, дым вокруг нее клубами... Да так густо! Или это не дым?

— Это аура, она живая — видишь, дышит?

— Я боюсь, мне страшно! Выключи, выключи!!!

— Света, дай ему выпить сырое яйцо... Сейчас все ненадолго пройдет. Расслабься. Ты — первый из всех, кому я включал видение, и кому стало страшно. Обычно в таких случаях люди испытывают восторг, проявляют любопытство, сразу бросаются экспериментировать, что-то шупать руками...

— Приложи крест и к Свете.

— Я не хочу, Афиноген, не надо! Я как-нибудь обойдусь!

— Не буду. Ладно, Володя, сколько времени тебе надо на сборы?

— С учетом моих головокружений, час... Нет, два... Мне еще надо все это описать и кое-кому отправить.

— Ты хорошо это придумал, только почта твоя не дойдет, контора уже начала блокировать все твои контакты.... Пиши, а потом я сяду за комп и попробую что-нибудь предпринять... Пиши!

Через два часа Афиноген мягко, как кот, вошел в кабинет и стал у меня за спиной.

— Ну, что? Готово? Так... Так... Про надругательство над патриархом не стоило бы... Не поймут-с, зашорены — дальше некуда... Ладно, твое дело... Сейчас мы переместимся — но не в сам храм, а в служебное помещение во флигеле. Там у меня кабинет и маленькая спальня. Давай попробуем без камня, ладно?

— Нечестно! Ты наверняка воспользуешься посохом!

— Можешь взять его в свои руки. Посох нужен мне, в основном, только для того, чтобы откатывать время. Остальные магические манипуляции я, по возможности, провожу без инструментов.

— Как часто ты откатываешь время?

— Если честно, по несколько раз в неделю.

— Зачем?

— Хочу сделать мир лучше. Читал «Конец вечности» Азимова? Вот, что-то вроде этого.

— И как, получается?

— По правде говоря, не очень.

— Как давно ты этим занимаешься?

— Лет десять-двенадцать. Кстати, первопроходцами в этом деле были Ян с Витославом.

Однажды Ян мне рассказал про эти эксперименты, и я сразу догадался, в чем состояла его главная ошибка.

— Они не сразу сообразили, что надо отпускать серебряную нить.

— Не только. Согласись, что вернуться назад в повествовании может только тот, кто его пишет. Удалил несколько строк, а то и несколько страниц, нажал кнопку «сохранить» — и все. Ядринец же играл роль программного сбоя, своего рода компьютерного вируса. Некто пишет книгу, и вдруг — раз — и из нее пропадает несколько строк! Что этот некто будет делать? Естественно, он наберет их еще раз, а если они пропадут опять, он включит антивирус... В общем, кое-кому мало не покажется.

— Но ведь, у тебя получается?

— Не всегда. Некто, пишущий книгу, часто продумывает разные варианты, и мне иногда удается навести его на мысль...

— Чем он руководствуется?

— Во всяком случае, не стремлением к благополучию персонажей. Ему важна интрига. Книга должна быть увлекательной. Когда мне удастся подсказать ему более захватывающий сюжет, он откатывает время. Скажу откровенно: вместо второго исхода вся история могла просто завершиться захватом острова и пленением членов общины. Тогда того, кто пишет книгу, очень огорчил сбой, вызванный самоуправством Боголепа. Тому, во-первых, удалось погрузить в небытие машинный разум, а во-вторых, устроить противоречащее законам физики падение метеорита. Хорошо, что он выбрал для этого события отдаленные время и место, и теперь вот уже более ста лет земные ученые ломают головы над вопросом: «Что это было?». Боголеп, как, впрочем, и Ян родились в рубашках, но никто не ведает, кого и куда заведет новая сюжетная линия. Однажды они даже уговорили Мокошь... Я про историю с пророчеством.

— Помню ее... Ты можешь сам писать свою книгу?

— Для этого нужно иметь качества суперкомпьютера, какого еще не существует в природе, мне по силам только добавлять или убирать микроскопически малые штрихи на общей картине.

— Суперкомпьютера?..

Мы с Афиногеном переглянулись, и обоим в голову пришла одна и та же ужасная мысль.

— Ты намекаешь на МР? — спустя некоторое время тихо спросил Афиноген. Это невозможно. МР — то бишь, машинный разум — тоже один из персонажей великой книги!

— А ты не допускаешь мысли о матрешке?

— То есть?

— О возможности существования книги в книге?

— О боги!!! Что ты предлагаешь?

— Ты можешь создать локальное пространство, отдельный от всей реальностей мир для двоих, со своим течением времени, и перенести нас туда? И, чтобы ни одна живая душа...

— Я подумаю! А пока, как позавчера, сожму наше личное время.

— Я не понял: ты растягиваешь общее, или сжимаешь личное?

— Конечно, сжимаю личное. Это настолько же укорачивает жизнь, но дает возможность не торопиться и все как следует обдумать. Это просто. Смотри!..

Вокруг опять потемнело, снова не включились уличные фонари, пропали люди, машины и птицы. А еще я заметил, что воздух стал как будто более густым и вязким.

— Афиноген, что случилось с воздухом?

— С ним все в порядке. Это тебе, начавшему жить в сто раз быстрее обычного, он кажется более плотным.

— В сто раз?

— Ну, примерно... Твой пульс сейчас — около семи тысяч ударов в минуту, кровь гораздо более густая... Будь осторожен: все мягкое для тебя стало очень твердым. Видишь, газета? Аккуратно попробуй ее сложить вдвое, скомкать... Только смотри, не сломай пальцы!

— Ох! Это не газета, а листовое железо!

— И не делай резких движений! В момент удара твой кулак будет двигаться со сверхзвуковой скоростью. Во-первых, в таком случае ты рискуешь порвать связки, а во-вторых, решив похлопать по спине, пробить человека насквозь. Давай, потихоньку присядем и начнем заниматься делом: то есть, думать.

— А че думать? Надо попасть на аудиенцию к тому типу, который пишет книгу.

— Это практически невозможно. Он находится вне времени и пространства, которые автоматически создаются в процессе написания, когда он пишет — что, где и когда.

— А ты можешь поместить нас в такое пространство... Ну, где нет пространства и времени.

— Сам-то понял, че сказал? Наши тела и наш разум не могут существовать вне времени и пространства!

— А ты попробуй! Ведь мы ничем не рискуем. Не получится — значит, не получилось. Подумаешь!..

— А если получится? Это смертельно! Не торопись, может, у тебя появятся какие-нибудь другие предложения?

— Может, есть кто-нибудь рангом пониже? Должен же кто-то следить за уровнем чернил... Короче, должен же быть обслуживающий персонал?

— Я знаю одного, кстати, ты с ним тоже заочно знаком. Его зовут Мрэк. Его обязанность — поедать ненужные события и пространства, не вошедшие в большую книгу.

— Он съедает все-все?

— Кое-что, которое, как он считает, может еще понадобиться, он складировает у себя. Как говорится, мало ли... Но основную массу заглатывает. Ты смотрел фильм «Ланогольеры»? Вот, что-то в этом роде.

— Он один такой?

— Есть еще другие, ребята называли их серыми. Никто не знает, сколько их. Они — нечто среднее между полицией и министерством чрезвычайных ситуаций. Если хочешь, можно попробовать войти с кем-нибудь из них в контакт. Ты готов?

IX. Тоннель

Перед глазами замелькали разноцветные, приятные на ощупь теплые бархатистые пятна, потом мы весело проскользили по спирально закручивающемуся в трех плоскостях неощутимому желобу, затем вдруг резко остановились, и стало больно. Меня очень удивила эта боль, потому что было непонятно, откуда именно она исходит. Я мысленно просканировал себя с головы до ног: нигде ничего не давило, не жгло, не щемило и не саднило, и, тем не менее, жуткая боль существовала во мне, как нечто самостоятельное — как существуют внутри нас печаль и радость, тревога и сомнение. Она не принадлежала никакому органу или части тела и была как бы самой по себе. А еще она сопровождалась шедшим из самого моего естества странным гулом и вибрацией. Я глянул на озабоченное лицо Афиногена и понял, что он чувствует то же самое.

— Афиноген, что это?

— Не знаю, но это — не естественный процесс. В нем чувствуется умысел, чья-то воля.

— Против нас ополчились астральные силы зла?

— О боги! ты действительно веришь в то, что существует зло, как таковое, зло само по себе? Я уже начинаю сомневаться в том, что такие увлекательные и, в общем-то, правильные книги про родноверов написал ты!

— А что, разве не существует?

— «Зло» и «добро», «хорошо» и «плохо» придумали люди. Мы уже говорили об этом.

— Да, но...

— Никаких но! У наших предков уже существовали добрые и злые боги, потом эстафету приняло христианство, и тогда церковники всерьез пытались решать вопрос: кто сильнее — бог или сатана? Тогда многие ставили всемогущество создателя под сомнение...

Нашу духовную, наполненную непонятной болью дискуссию, прервало появление третьего действующего лица.

— Афиноген, умничаем, как всегда? А кто это с тобой?

— Это человек, написавший три известных тебе книги о родноверах.

— Тебя как звать?

— Владимир, я писатель. А тебя?

— Гагтунгр, исполняющий пульса де-нура.

— Но ведь пульса де-нура — это чисто иудейское проклятие, — вмешался Афиноген!

— Оно неотвратимо действует на любого! Пророк Елисей проклял именем всевышнего насмехавшихся над ним отроков, и их тут же разорвали медведи. В талмуде рассказывается о рабби Шимоне бар-Йохае, которого преследование римлян вынудило скрываться в пещере. Выйдя, наконец, оттуда, он нашел предателя, и тот под взглядом праведника обратился в кучу костей.

— Дык, это когда было!

— Тридцатисемилетний архитектор Эяль Рагонис проектировал и контролировал строительство роскошного элитного комплекса «Гиват-Андромеда» в Яффо. Он разгневал иудеев за то, что возвел это мирское здание на святой земле, на месте старейшего иудейского кладбища, а это попрание законов и великий грех. Он умер от сердечного приступа через две недели после наложения пульса де-нура. Археолог Эхур Нецер в две

тысячи десятом нашел усыпальницу царя Ирода. Правоверные иудеи предупреждали ученого, что открывать могилу нельзя, это большой грех. Естественно, тот ослушался предупреждения, за что и заслужил пульса де-нура. Кара настигла его почти сразу же. Нецер упал с вершины горы в пропасть, поскольку вылетели крепления парашюта, о который он опирался.

— То есть, астральные силы зла все-таки существуют?

— Гагтунгр, будь так любезен: прекрати эту дурацкую боль и ответь Володе. А потом объясни, зачем ты нас остановил?

— Пульса де-нура — не есть то, что ты называешь силами зла. Это порка огненными розгами, в первую очередь — наказание провинившихся ангелов. Она является метафорическим описанием божественной кары для понимания ее сущности простыми людьми. По сути, этот обряд не управляет Божьим гневом, а представляет собой лишь апелляцию в суд Божественной справедливости. И гнев Бога падет на голову несправедливо обвинившего, если проклятый окажется невиновным.

Кстати, пульса де-нура в свое время подверглись даже премьер-министры Израиля — Ицхак Рабин в девяносто пятом и Ариэль Шарон в две тысячи пятом. Об этом заявляли раввин Йосеф Даян и публицист Авигдор Эскин, которые накладывали эти проклятия. Рабин понес наказание спустя месяц после наложения: он был застрелен иудеем-экстремистом Игалем Амиром, а впавший в итоге в кому Шарон — в четырнадцатом. Согласно обряду, необходимо поставить в известность человека, что против него совершился пульса де-нура. Таким образом, ему дается возможность раскаяться и исправить ошибку.

— Все это очень интересно и поучительно, — заметил Афиноген, — но есть ли возможность увидеть сам ритуал и услышать произносимые при этом молитвы? Иначе все, что ты рассказываешь, воспринимается просто как страшная сказочка.

— Увы, ни вы, и никто другой не имеет права увидеть само таинство, — пожал плечами Гагтунгр. — Здесь и объяснять ничего не надо.

— Ладно... Из всего сказанного я делаю вывод, что на одного из нас, или на обоих было наложено пульса де-нура, верно?

— Не совсем... Пульса де-нура было наложено на нескольких ушедших... Их имена, естественно, я не скажу. Я притормозил вас только с одной целью: немного задержать. Присутствие сильного мага может исказить воздействие, и пульса де-нура, либо не произойдет, либо состоится в неполной мере.

— Согласно никем не писанным законам, проклинаемого следует ставить в известность, и месячный срок начинает отсчитываться именно с этого момента. Что происходит за это время?

— В течение месяца ничего, а затем собираются шесть Сил — их еще называют архонтами — и выносят вердикт, который может быть обжалован еще в течение месяца. Для этого следует обратиться к любому из Начал... Я думаю, вам достаточно. А теперь я объявляю вас — как хотите: почетными гостями, или временными почетными пленниками. Настаиваю на первом. Главные условия: не пытаться удрать — это бесполезно, и не пытаться связаться с кем-нибудь извне — это бессмысленно. В противном случае, из почетных вы превратитесь в... как бы это сказать?

— Понечетных...

— Да, и еще: не надо со мной шутить. Понятно?

— Более чем... Можно узнать, кто эти шесть, вершащих судьбы?

— Их имена вам ничего не скажут, кроме, разве, одного. Покровитель нижнего мира, он же Великое Ничто, король Белиал, он же Агриэль. Слышали о таком?

— Я знаю это имя, — глухим голосом отозвался Афиноген. — Он правитель не одного, а всех нижних миров. Он, будучи еще в возрасте пятнадцати лет, умел просчитывать вероятности одновременно нескольких цепочек событий на тысячу лет вперед, учитывая любые катаклизмы и случайные воздействия. Он прирожденный логик, математик и инженер.

— Совершенно верно, я даже немного удивлен. Откуда такие малодоступные простому смертному знания?

— Все члены общины, кроме меня, в той или иной мере знакомы с ним лично. Он известен нам под именем Мр'к.

— Ишь ты, какие у вас знакомые! Ну, и насколько вы близки, ха-ха?

— И ты с нами не шути. Во-первых, лет, эдак, пятнадцать назад мы произвели его в наши боги, во-вторых, он с тех пор не раз оказывал нам помощь, а однажды мы продали ему бесхозный мир. Если не веришь, спроси у него сам — хоть сейчас.

— Куда катится все сущее: покровитель нижнего мира стал божеством в мире верхнем!

— Скажи: «Ахали цели», и сразу полегчает!

— Что это за формула такая странная?

— Ее создал Ядринец, повелитель стихий верхнего мира. Это земная фраза на грузинском языке, изначально означавшая просто: «С новым годом». Немного легкой магии, и теперь она действует, как успокоительное. Такая вот вышла таблеточка... Да ты пробуй, пробуй!

— Ахали... Бред какой-то... Ахали цели... Смотри-ка, помогает! Не мудрено, что Белиал был очарован вашими хитростями и вопреки всем законам и правилам согласился стать вашим богом.

— Скажу честно: поначалу он категорически отказывался, но, вишь ты, ребята его все-таки уломали!

— Ну, что же, милости просим в нижние миры. Есть три пути: можно просто переместиться, как это делают все посвященные, можно воспользоваться лифтом...

— А лифт-то зачем?

— Никто не знает, зачем. Это замысел Белиала, но он своими идеями никогда ни с кем не делится. А можно пешком, через тоннель. Там красиво... Хотите? Не пожалеете! Если надоест — переместимся.

— Давай через тоннель. Где вход?

— Перед вами. И еще: вы намереваетесь взять с собой своих слуг? Здесь могут возникнуть проблемы. Анчутка — один из наших... В смысле, бывших наших. Если вы его не защитите, ему, как изменнику, будет уготовано наказание.

Анчутка попятился.

— Мы берем его под свою защиту и опеку!

— А эти двое кто такие?

— Чоп и Пых. Они геяне. Анчутка — мой слуга, а геяне — у Володи на подряде.

— Гм, ладно. Но, геяне, учтите: от хозяина не отходить далее, чем на семь метров!

— Мы не согласны на такие условия, — наконец, подошла и моя очередь подать голос.

— Насколько я вижу, Гея, как и Земля, находится в верхних мирах, и в нижних для них есть опасность ненароком развеяться...

Теперь попятились Чоп с Пыхом.

— Поэтому для них будет безопаснее находиться в пределах твоего поля, — закончил Гагтунгр.

— Ладно, — изрек Афиноген, — где вход?

— Перед вами.

Мы оглянулись и увидели обычную дверь со вбитым в нее толстенным ржавым гвоздем, изогнутым наподобие дверной ручки. Афиноген взялся за него, и вопросительно глянул на Гагтунгра.

— Входите и ничего не опасайтесь, — ответил тот.

Я ожидал, что дверь заскрипит, но она тихо отворилась, и Афиноген первым шагнул внутрь. За ним юркнули наши дүхи, следом, ощущая, что душа провалилась куда-то в пятки, вошел я. Процессию, сопя, замкнул наш новый знакомый — то ли наш тюремщик и соглядатай, то ли хозяин, принимающий непрошенных гостей и скрывающий досаду за напускным радушием.

Мы очутились в гулком тоннеле, заполненном, как туманом, слегка светящимся воздухом. Дальний его конец был неразличим, а в срезах практически ровных стен тускло поблескивали кусочки, то ли стекла, то ли какого-то пластика. Чоп подошел к ним ближе, вытянул руку, и на его ладони загорелось что-то вроде бенгальского огня. Освещение сразу перестало быть безбликовым и бестеневым, и стекляшки в ответ заиграли веселыми искрами.

— Да, — спокойно прокомментировал Гагтунгр, — это драгоценные камни. Чем глубже, тем их больше.

— Но тоннель, насколько я вижу, совсем прямой, или где-то начинается спуск? — спросил Афиноген.

— Он уже идет вниз, причем, с большим уклоном, а иллюзия горизонтальности создана для удобства. Ведь по прямой идти легче, — отозвался демон.

И мы пошли по прямой вниз. Наши бесплотные сначала взялись за руки, а вскоре и вовсе сбились в один прозрачный студенистый комок. Под сводами тоннеля раздались отзвуки наших шагов, постукивание Афиногенова посоха и сопение Гагтунгра.

— Насколько длинен тоннель?

— Для кого как.

— Сколько мы будем идти?

— Кто сколько.

— Но мы выйдем все вместе?

— Не совсем.

— Я отказываюсь идти в гости таким образом! (Это Анчутка).

— А тебя никто не спрашивает! (Это Гагтунгр).

Афиноген остановился: «Мы должны выйти все вместе!». Кончик его посоха начал светиться, и по стенам тоннеля побежали тени, как от крыльев летучих мышей.

— Конечно, конечно, — с готовностью отозвался Гагтунгр. — Мы уже почти пришли. Видите: впереди посветлело? Идемте!

Комок наших бесплотных придвинулся к Афиногену вплотную.

Х. Битва

Выход из тоннеля произошел неожиданно, раздался легкий хлопок — будто лопнул воздушный шарик — и компания оказалась на пологом, поросшем травой, склоне холма. Я огляделся: позади нас чернела кротовья нора. Но раздался еще один хлопок, и она исчезла, и веселая изумрудная трава, появившаяся на этом месте, оказалась непримятой.

Небо было потрясающе фиолетово-синим, заря (интересно, это восход, или закат?) — карминно-бордовой, трава — фломастерно-зеленой. С противоположной заре стороны, над рыжим, более светлым пояском над горизонтом, висели колючие звезды. Горизонт же со всех сторон был вдали утыкан конусообразными холмами, напоминающими формами и размерами земные терриконы. Сходство еще более увеличилось поднимающимися над вершинами некоторых из них легкими дымками.

— Сейчас утро, или вечер?

— Для кого как. Здесь всегда утро, или всегда вечер — смотря, как смотреть. Белиал здесь не появляется. Во всяком случае, я такого не припомню. Он очень любит жару, палящий зной.

— Что это за терриконы?

— Терри... Как?

— Терриконы. На Земле такие получаются из пустой породы, извлеченной из недр при добыче полезных ископаемых. Вон, и дымки над некоторыми из них.

— Дымки — значит, там колдуют. Это не дым и не пар, это очень плотное энергетическое облако. А что значит полезные ископаемые?

— Ну, уголь, железо, медь, алюминий...

— Они у вас в земле, что ли? Зачем вы их туда засунули? Спрятали? Когда и от кого?

— Они зародились в земле сами. Металлы и минералы — от вулканов, уголь — от деревьев...

— У нас таким сказкам даже дети не верят, они сизмальства знают, что земля нужна только для того, чтобы по ней ходить. А в этих, как ты назвал, ископаемых, даже если они в ней есть, никому нет никакой надобности.

— А самоцветы в стенах тоннеля?

— Они вмонтированы туда для освещения и красоты.

Из чего же вы тогда делаете все предметы — одежду, обувь, украшения, посуду — все-все?

— Не из чего, просто создаем, чем статус демона выше, тем более тонкий и сложный предмет он может создать. Малыши создают камни, чтобы швырять ими друг в друга; те, кто постарше могут соорудить себе какие-нибудь штаны или простеньких кукол. Тинэйджеры умеют создавать причудливую одежду и дешевые ювелирные поделки, чтобы форсить перед друзьями, и так далее. Совершеннолетние, в зависимости от происхождения, выбирают направление своего профессионального пути и двигаются по нему в течение всей жизни.

— Что значит «в зависимости от происхождения»?

— В зависимости от того, какому колену принадлежит тот или иной молодой интерн. Существует двенадцать колен — по шести в верхней части, Лельрам и нижней, Дальрам ... Но это вам знать необязательно.

— Чем занимаются обитатели нижних миров?

— Как все — едят, пьют, совершенствуются в магии, делают свои миры еще лучше. Благодаря хлопотам и попечительству Белиала, жить в нижних мирах гораздо комфортнее, чем в любых других. Здесь самая чистая энергетика, самый строгий порядок, самая совершенная социальная структура и самая надежная оборонительная система. Лельрам, могут жить среди людей, мало от них отличаясь. Люди считают их идеальными — по внешнему виду, здоровью и талантам. Нижние — Дальрам — в средние миры выходят редко, с точки зрения людей более эфемерны, увлекаются атрибутикой. В средние века они лепили себе крылья летучих мышей и хищных птиц, рога, хвосты и прочую фигню, оборачивались драконами и сфинксами. Сейчас они предпочитают крылья от самолетов первой половины двадцатого века с двигателями подмышками, прикидываются летающими тарелками и радиосигналами инопланетян, создают пролетающие неожиданно близко к земле астероиды, или подправляют орбиты уже существующих, портят всякие луноходы и марсоходы.

— Одно не могу понять, — вдруг произнес Афиноген, — чем нижний мир отличается от среднего, от нашего? Кстати, и от верхнего тоже. Наверху, как нас учат, присутствует сплошная благодать, львы едят траву, все улыбаются и нюхают цветы, говорят друг другу: «Спасибо» и «Пожалуйста»... Земных утех не дают; кушать, пить и совокупляться нельзя, попрыгать с обрыва «солдатиком» — тоже...

— Души павших скандинавских героев в Вальхалле только этим и занимаются. Но для этого надо исповедовать скандинавскую веру, — вставил реплику Гагтунгр.

— Короче, тоска зеленая, — продолжил Афиноген, — Смотрю, у вас все красиво, но также однообразно. Или нет?..

Беседу прервали визгливые женские крики, временами заглушаемые звериным рыком.

— Женщина в опасности! — воскликнул Афиноген и взял посох наизготовку. Но Гагтунгр сделал жест, каким ГАИшники, останавливают лихачей, и покачал головой: мол, не стоит. Из-за ближнего бугра выскочил, похожий на дикого кабана, демон и зигзагами, качаясь, побежал вприпрыжку вверх по склону. За ним, задрав подол, помчалась, исторгая из ноздрей пламя, разъяренная демоница со скалкой в руке. До нас донеслись ее истерические вопли: «Скотина!!! Опять надрался!!! Но я найду на тебя управу, я закодирую тебя молитвой Соломона!!!». При словах «молитва Соломона» демон замер, покачиваясь, и через секунду рухнул, как подкошенный, а трава вокруг почернела. Но демоница, вместо возгласа торжества, издала вопль отчаяния, упала рядом и стала, хватаясь за голову, причитать.

— Как видите, — Гагтунгр вздохнул, — никем не писанные законы не обманешь. Что внизу, то и наверху. И наоборот. Мы различаемся только законами природы, физиологией и укладами жизни. Что внизу... Эх!

— У вас тоже пьют спиртное?

— А чему ты удивляешься? Еще как пьют! Только запивают не томатным соком, а кровью. А если попытаться смешать кровь со спиртом, она тут же сворачивается, и получается кровавая колбаса. Кстати, это наше изобретение. И «кровавая Мери» тоже.

— Что такое молитва Соломона?

— Это набор магических фраз из «Лемегетона», одного из наиболее известных гримуаров середины семнадцатого века.

— Мужик лежит, не шевелясь. Она его убила?

— Нет! — Гагтунгр заулыбался, — он просто заснул. А почерневшая трава... У него не хватило энергии, упала температура и заморозила окружающее пространство. Завтра все и всё будет в норме.

— Чем ваше социальное устройство отличается от нашего?

— У нас нет таких понятий, как страна или город. У каждого жителя есть свой бесконечный мир, в котором он сам себе хозяин. Он входит в мир семьи, тот, в свою очередь, в мир, общий для всех родственников, а родственник, в свою очередь, в коллективный. Но и это еще не то, что ты видишь глазами. Бесконечное количество коллективных миров входит в мир внешний. У каждого жителя есть возможность создать общий мир с другими, исходя из общности интересов, или иных соображений. Такая разветвленная структура бытия у нас называется архипелагом.

— А тот, ну, который упал?

— Видимо, он проводил время с друзьями в общем для них мире, потом вернулся в мир семейный, но здесь его не поняли, он выскочил в внешний мир, где и уснул. Все весьма тривиально.

— Честно говоря, мы малость устали... Не пора ли отдохнуть? Веди нас, новый знакомый, в какую-нибудь таверну, или постоялый двор.

— У нас так не принято. Могу помочь вам создать свой мир и в нем расположиться. Например, где вы хотите остановиться: лес, море, горы, дно морское, подземелье, шумный город...

Мы все в один голос: «Только не шумный город!».

— Природа, напоминающая земную? Например, тропические леса, каменистые пустыни, таежные чащи, берега лазурного залива? А может, экзотика: бордовое небо, огнедышащие вулканы, озера расплавленной лавы, удушающий запах серы...

Мы все в один голос: «Только не вулканы и сера!».

— Тогда представьте каждый себе милое его сердцу местечко... А теперь: раз, два, три!

И мы оказались недалеко от моря в умеренных широтах. Красное Солнце медленно опускалась в пучину вод, на берегу отдыхали рыбацьи лодочки и сушились сети, вокруг них бродили ленивые чайки. Из стоящей рядом харчевни проворно выбежала улыбающаяся круглолицая розовощекая хозяйка и жестом пригласила зайти в дом, откуда слышались веселые хмельные голоса. Мы переглянулись и переступили порог. Я заметил: Гагтунгра с нами не было, а бесплотные сделались невидимыми. Хозяйка со странным именем Тильда, вышитым на нагрудном кармашке легкомысленного передничка, профессионально улыбалась и приговаривала: «Заходите, заходите, гости дорогие! Все приготовлено в лучшем виде, не извольте беспокоиться. У вас будут лучшие комнаты и вкусный ужин. Все уже оплачено наперед!».

В зале было дымно, пахло рыбой, брагой, сапогами и водорослями. На дальнем столе стоял большущий, но мелкий аквариум, в котором два громадных уставших краба, сцепившись клешнями, чего-то ожидали. Обступившие стол болельщики всячески их подзадоривали, ведь по окончании поединка побежденный будет сварен и съеден хозяином победителя, да и его гостям, скорее всего, что-нибудь, да перепадет. Мы сели неподалеку, и тотчас через зал к нам быстрыми шагами устремилась хозяйка с пивными кружками.

— Попробуйте наш эль! — издалека начала она. — Его любил вкушать сам господин Гагтунгр, когда останавливался у нас проездом! — И, подойдя ближе, добавила громким шепотом: «А если вам нужны девочки, то я вмиг устрою!».

— Девочки?

— Ну да. Любые. Хотите — человеческие, хотите — демонические.

— А человеческие-то откуда в нижнем мире?

— Из среднего, вестимо. Аккурат сюда проваливаются. Их два вида: первые — это те, которые занимались любовным промыслом и на Земле. Вторые — наоборот.

— То есть?

— Женщины, не исполнявшие женские обязанности — не выходявшие замуж, не рожавшие детей, или их не воспитывавшие, не готовившие еду и не ублажавшие уставших мужей. Мужеподобные женщины — доктора наук, всякие там физики, математики и политические лидеры. Здесь им придется откувыркаться по полной, и в этом заключается вселенская справедливость. Ну что, будете девочек заказывать?

— Не сегодня. Мы очень утомились с дороги...

— Не стесняйтесь, это совсем недорого! Или вы справляетесь одной левой?

— Не надо нас обижать!

— Ишь, не надо... С виду такие приличные!

— Мы действительно очень устали. Лучше, налейте еще эля!

Тильда уже безо всякого почтения хлопнула на стол еще две кружки и побежала на шум, доносившийся от стола с крабами. Мы вытянули шеи, но ничего не увидели: аквариум был окружен плотным кольцом болельщиков. Пришлось, кряхтя, встать и подойти.

Глянув на поле боя, я сразу понял, что схватка перешла в финальную стадию. Краб чуть больших размеров опрокинул на спину своего противника и, прижимая его своим весом, удерживая одной клешней и орудуя второй, как консервным ножом, начал постепенно вскрывать его панцирь, из-под которого появились струйки синей жидкости. Я недоуменно глянул на Афиногена.

— У крабов, как и у осьминогов и некоторых других морских обитателей, кровь синяя, — пояснил тот.

— Я не об этом. Неужели они такие сообразительные?

Между тем, события приняли неожиданный поворот. Меньший, лежащий на спине краб, изловчился, поймал клешней один из усов врага, поднатужился — и отхватил его, будто кусачками-бокорежами. Казалось бы, потеря была небольшая, но нападающий на секунду опешил и ослабил хватку. Этим воспользовался меньший, и следующим движением он с такой же ловкостью перекусил сопернику стебелек с глазом. Тот втянул второй глаз и дал задний ход. Трудно было сказать, на что он рассчитывал — скорее всего, ни на что. Но воспрянувший духом, малыш рванул вперед и, оставляя за собой синюю муть, фехтовальным приемом глубоко поразил соперника в грудь. Тот несколько раз дернулся и затих. А победитель повернулся к нам, и — о боги! — клянусь: он нам подмигнул. И тут я непостижимым образом узнал в нем нашего нового знакомого. Это был Гагтунгр!

XI. Патá

Ночь прошла без происшествий. Несмотря на странность нашего положения, мы отлично выспались и смотрели в будущее с оптимизмом. Попрощавшись с вечно улыбающейся хозяйкой, мы вышли во двор харчевни, название которой «У веселой Тильды» заметили только сейчас, и остановились, оглядывая окрестности.

— Надо же, православный священник разгуливает по Тартару! Володя, ты будешь писать об этом книгу?

— Некоторым образом, я ее уже пишу.

— Интересно, как мы отсюда выберемся?

— Не знаю... По идее, тот, кто нас сюда упек, должен нас отсюда и вызволить. А ты как думаешь?

— Предлагаю послать Анчутку искать Гагтунгра, ведь это не возбраняется? А сами пока погуляем вдоль берега, осмотрим окрестности. Анчутка, слышал? Выполняй, пожалуйста!

Анчутка проявился, шаркнул ножкой, повернулся и опять исчез.

— Ну вот, мы сделали все, от нас зависящее. Боюсь, мы рискуем застрять здесь на неопределенное время, любоваться пейзажами и крабьими боями, кокетничать с Тильдой, упиваться элем и развлекаться с девочками, и никто на свете не узнает, где мы. И еще непонятно, как соотносится местное время с временем Земли?

— Может, попробуем сами отсюда выбраться?

— То есть, попросту говоря, сбежать? Запрещено нашим джентльменским соглашением!

— Может колданешь? Кстати, где твой посох?

— При мне, он просто невидим. Нет, я колдовать пока не буду. Подождем еще немного... А вот и Анчутка. Кто это с ним?

— Представляете, я случайно встретил друга детства, товарища по всяческим проказам. Знакомьтесь, это Пупик.

— Случайно ли?

— Не волнуйтесь. Мне десять тысяч лет по земному летосчислению, ему — три. И ровно столько мы знакомы. Я помню его еще во-от таким сопляком... Мы прозвали его скульптором, и вот почему. Было время, когда он, как и все дети, лепил из песка куличики. Наполняет песком формочку, быстро ее переворачивает — и хлоп! Перед вами песочная звездочка, песочная птичка, песочный демонíшка... Однажды он попробовал залить смолой отпечаток выброшенной морем на берег рыбки, таким образом создав свою первую самостоятельную игрушку. Результат его окрылил, но более-менее удачные слепки у него больше не получались. Потом он подрос, стал овладевать демоническими умениями, научился запускать извержения вулканов, и однажды, около двух тысяч лет назад, пока никто из взрослых не видел, он устроил извержение Везувия. В результате целый город оказался засыпанным пеплом, похоронившим под собой людей и животных — бери и заливай в образовавшиеся полости расплавленную магму и получай самые натуральные скульптуры. Но старшие демоны не дали ему завершить эту задумку. Мало того, его наказали: на целый день оставили без сладкого и строго-настрога запретили сотворить такое вновь без разрешения взрослых.

Но он нашел выход из положения. Закопает в землю, скажем, курицу, сделает сверху дырочку и нальет туда магмы. Вся курица выгорает, магма застывает — и пожалуйста: у вас в коллекции точная каменная копия этой птицы. У него когда-то весь двор был заполнен каменными фигурками — птиц, зайцев, ежей... Были и крупные звери — слоны, бегемоты... А сейчас он — известная личность, выполняет заказы именитых высших демонов, делает для них скульптуры не только современных земных, но и всяческих доисторических и инопланетных тварей. Иногда он отливает скульптуры самих демонов, хотя те жалуются, что это очень неприятно. Еще бы: тебя, обездвиженного плотной глиной, заливают раскаленной магмой!

— Но ведь, демоны от этого погибают?

— Если перед этим не переселяются во вновь созданное свежее тело. Для высших демонов это совсем несложно.

— Пупик, это мой хозяин и его друг!

Пупик, смущенно: — Здрасьте... Друзья моего друга — мои друзья. Чем могу быть вам полезен? Хотите, сделаю для вас скульптуры? Или из вас? Бесплатно!

— Ты хочешь сказать, что можешь залить магмой какого-нибудь живого духа?

— Только высшего. А что тут такого? Я таким способом делаю скульптуры выдающихся демонов, желающих себя увековечить. Согласитесь, это более впечатляет, чем картина маслом. Главное, потом их натуралистично разукрасить. Они получаются, как на Земле у мадам Тюссо, только твердые.

У меня закралось подозрение, что Афиноген что-то задумал. Но что? Уничтожить Гагтунгра, погрузив его в глину и залив лавой? Просто припугнуть, чтобы добиться изменения договоренности и немедленного освобождения? Но как заставить его влезть в глину, воспрепятствовав созданию запасного тела? Абсурд!

— Спрашиваю, не где ты берешь глину, а где ты берешь лаву? Не сотворишь же ты каждый раз вулкан?

— Почему нет? Вот, пожалте...

Под нашими ногами раздался гул, у нас застучали зубы, заложило уши, вокруг поднялись султанчики мелких вихрей, земля зашевелилась и начала пучиться.

— Давайте, отойдем, не ровен час...

— Не бойтесь, нам большой конус не нужен, нам главное, чтобы лава пошла... Вот, как-то так.

Верхушка небольшого — метра полтора — холмика задымилась и зашевелилась, затем из-под нее стало пробиваться оранжево-красное свечение. Как если бы кто-то, копая колодец, вдруг наткнулся на зарывшийся носом вниз автомобиль с горящими стоп-сигналами. Свет быстро становился все ярче и желтее, и наконец, нахлобучив эту верхушку на голову, наружу выплеснулся раскаленный киселеобразный поток и, булькая, неторопливо заструился к нашим ногам.

— Ахали цели! — в один голос сказали наши бесплотные.

— Согласен! — ответил Пупик.

Все отошли на десяток шагов. И тут появился тот, которого искали, но не ждали.

— Вы что здесь делаете, вулканы запускаете?

— Господин Гагтунгр, я приветствую вас... Это я демонстрирую друзьям приемы своей работы, — низко кланяясь проговорил Пупик.

— Афиноген, разве у тебя есть друзья в нижних мирах?

— Как видишь!

— Ну, ладно, этот предатель, — Гагтунгр кивнул в сторону Анчутки, — мы еще до него доберемся.

— Я пообещал ему неприкосновенность!

— Знаю, знаю...

— А этого ты как приманил? — он махнул рукой на Пупика.

— Мы с первого взгляда прониклись друг к другу симпатией! Пупик, хочешь с нами?

— Куда?

— Назовем это обзорной экскурсией по нижним мирам.

— Будет интересно?

— С этим господином — Афиноген кивнул в сторону Гагтунгра — не соскучишься!

— А чем вам здесь плохо? — Гагтунгр лукаво усмехнулся.

— Тем, что это просто комфортабельная тюрьма. Если ты опять исчезнешь, или будешь противиться, мы сами быстро найдем способ, как нарушить наше с тобой соглашение и уйти.

— Хорошо. Куда двинем? Предлагаю к Ваалу, королю Востока.

— Как скажешь. Расскажи о нем.

— По происхождению он — херувим, причем, не просто херувим, а херувимский принц.

— Как же так получилось, что...

— Перефразируя Ильфа и Петрова, скажем так: «Судьба играет херувимом, а херувим играет на трубе». Творец породил Ваала еще до создания материальной вселенной из светоносного бесплотного духа. Он сделал его умным, мужественным, смелым, красивым и обаятельным. Он дал ему бесконечное множество имен, самые известные из которых — Люцифер (Сын утренней зари), Баал (Господин, повелитель) и Вельзевул. Он может выглядеть, как угодно — как человек, как кот, как жаба, как первое, второе и третье одновременно. Он — мастер и учитель невидимости. Несмотря на свою принадлежность к стихии огня, он — бог бурь, ветра, дождя, и воздуха — вообще климата.

Его жену зовут Лилит, она родила ему троих сыновей — Молоха, Асмодея и Бельфегора... Он правит в стране под названием Патá — бесконечной в длину, ширину, высоту и глубину. Все готовы? делаем шаг вперед: раз...

Нас объял туман — плотный, хоть на хлеб намазывай, совершенно непрозрачный и немного пахнувший одновременно копченой колбасой, кофе, коньяком, арбузом и дымом сигарет «Кэмел». У Афиногена забурчало в животе. Туман, как ему и положено, был сизым и вдобавок немного светился.

— Опять туман, — буркнул Афиноген, — здесь туман, в тоннеле туман... Не удивлюсь, если следующее место, которое мы посетим, тоже будет окутано туманом... Где Гагтунгр?

Все присутствующие синхронно пожали плечами. Пупик смачно потянул носом.

— Ты чё?

— У меня аллергия на туман!

— Он какой-то особенный?

— Обычный, взвешенные в воздухе мелкие капельки влаги.

— Володя, включайся в работу, ты ведь тоже обладаешь духовным зрением? Вот и давай, неча прятаться за спины!

Я не ожидал такого подвоха от Афиногена и не был уверен в своих силах, поэтому полез в карман джинсов и извлек на свет сердолик.

— Это ты зря, — отреагировал Афиноген и забрал у меня фаритон, — смотри

духовными глазами!

— Я сосредоточился и, сам не знаю зачем, немного свел глаза к переносице. И тут появилось видение. Оно показывало, что откуда-то издалека к нам по воздуху направляется стая каких-то существ — то ли мелких летучих мышей, то ли крупной саранчи. Точно также инстинктивно я протянул ладонью вперед правую руку, будто давая понять: «Стой, дальше дороги нет!», и мышесаранча остановилась, зависнув в воздухе, но не садясь на землю.

— Так, — вдруг произнес протоиерей, держи их, держи... Неча тут понты колотить!

— Святой отец, вы перешли на блатной жаргон?

— Да за ахалицелили уже эти нижние миры своим выпендрожом! Ага, это мелкие демончики, совсем как насекомые! — Чего надо? — зычным голосом обратился он к стае. Из толпы выделился один насекомыш, подлетел ближе и сел возле правой афиногеновой туфли.

— Мы по делу, — пропищал он, — нас послал управляющий, бдящий границы территории господина Сына утренней зари!

— Мы в гости по приглашению господина Гагтунгра, — ответил Афиноген, хотя сам господин Сын утренней зари нас не приглашал. Такая вот пикантная ситуация.

— Мы знаем, но необходимо соблюсти формальности. Оружие, яды, наркотики имеете?

— Нет!

— А не желаете ли приобрести? Вам, как почетным гостям, будет скидка. Например, мы недавно получили несколько новых образцов ковыряющего оружия, оглушающих презервативов...

— А кого они оглушают, мужчину, или женщину?

— Мы еще сами не разобрались, скорее всего, обоих! Есть еще газированный раствор цианистого калия со вкусом грейпфрута, рогатка, стреляющая термоядерными зарядами... Ах, да: вот еще зубовыдергиватель мгновенного действия.

— То есть?

— Одним движением выдергиваешь у оппонента все его зубы. Правда, он немного недоработан: при неловком движении есть опасность вывихнуть себе руку. Желания и действия противника большой роли не играют. У нас есть директива испытать некоторые из образцов на вас. Готовьтесь защищаться!

— Надеюсь, это будет не оглушающий презерватив?

— Я тоже. А чем собираетесь драться вы?

— У нас тоже большой выбор. Например, самоподставляющийся кактус длительного действия. На выбор: недельного, месячного, или годового. При любой попытке противника пошевелиться в течение указанного периода, оный кактус обязательно будет тут же оказываться под его сидением.

— Вы думаете, что этой фигней можно драться?

— Через пять минут вы убедитесь, что это — далеко не фигня. А про остальное я вам пока не скажу, пусть это будет приятным сюрпризом. Ну что, поехали?

XII. Геянская война. Начало

При этих словах Афиногена насекомьш отпрянул от его туфли, но и самого святого отца на этом месте уже тоже не было, и откуда-то издалека донесся только его голос: «Вот кактус, о котором я говорил».

– Ой-ой-ой!!! – завопили вразнобой насекомьши, подпрыгивая на месте и хватаясь за задницы.

– А мы пошли, – продолжал голос Афиногена, – приятно было познакомиться!

– Стойте! – пропищал самый главный чертенок, – это нечестно!

– А что, по-вашему, честно?

– Поочередный обмен ударами.

– Ладно, бей, ответил Афиноген, – только куда ты будешь бить?

– Покажись!

– Ага, а может, еще и мишень себе на заднице нарисовать?

– Согласен, я пропускаю ход. Что у тебя есть еще?

– Зима в русском городе.

– А это как?

– Вечером выпадает мокрый снег, ночью тротуары и проезжую часть прихватывает мороз. Дворники, как им и положено, спят. Утром ты выходишь из дома, и...

– И что?

– Сделай шаг!

Вж-ж-жик!

– Бля-а-а!.. У тебя неумная фантазия!

– Это всего лишь одна из мелочей жизни нашего среднего мира.

– Таких жестокостей нет даже у нас, в мире нижнем!

– То, что нас не убивает, делает нас сильнее!

– Я знал одного кастрированного кота по имени Мурзик, так он с некоторых пор перестал соглашаться с этой формулировкой!

– Игра слов. Короче, мы пошли. Пока!

– А что мы скажем хозяину? Он может остаться недовольным результатом поединка!

– Если он захочет общаться, пусть покажется сам! И еще: советую тебе вообще в разговорах с хозяином или коллегами не умять достоинства соперника. Если он окажется сильнее, значит, ты проиграл достойному; если победил ты, твоя победа оценится еще выше.

– Совершенно верно! – Неожиданно прозвучал совсем рядом чей-то густой баритон. Не смею вас задерживать доле. Вы свободны, и, при желании, можете, либо остаться гостями господина Сына утренней зари на любой срок, либо продолжить путь.

Возле совершившего два шага назад Афиногена едва заметно задрожал воздух, и на этом месте возник симпатичный атлетически сложенный козлоногий демон. Я глянул на Афиногена: тот стоял абсолютно спокойно, немного улыбаясь и картинно подбоченясь.

– Рад приветствовать вас, принц! – произнес он, чуть ли не радостно. При этом полы его одеяния слегка раздвинулись, будто взмахнул крыльями гигантский махаон.

– И я не менее рад вашему появлению в наших краях, о, брат повелителя стихий верхнего мира, светлейший герцог Валефор – отозвался тот, – что лишний раз подчеркивает условность понятий «черное» и «белое». Чем могу быть вам полезен?

– Я ишу своего кузена. Если коротко, то некий, как я полагаю, сверхразумный нерукотворный фактор, вступивший во взаимодействие с ним и его друзьями, заручившись, однако, их согласием, скрыл их от посторонних глаз, переместив в неизвестное место.

– Обращаю внимание на твою же фразу: «...заручившись их согласием». В чем же тогда проблема?

– А я обращаю твое внимание на первую часть моей фразы: «...как я полагаю». Никто не знает, что же произошло на Гее на самом деле.

– Гм... Вы ведь не торопитесь? Тогда милости прошу к моему шалашу.

Вмиг небо над нами стало черным, усеянным маленькими бриллиантиками звездных россыпей, над горизонтом повисло ночное светило, в несколько раз превосходящее по размерам земную Луну, А вокруг, насколько хватало глаз, простерлось морское побережье, на которое с тихим шумом набегали крохотные светящиеся морские волны.

– Да, принц, вы умеете создать неотразимое впечатление! Володя, знакомься...

– Пожалуйста, без титулов, попросил наш новый знакомый.

– Почему? – удивился я.

– Потому что их перечень займет чуть менее семи часов и чрезвычайно тебя утомит. Лучше я коротко представлюсь сам. Я – принц Вассаго, один из распорядителей «Лемегетона», или «Малого ключа Соломона» – и все. Так будет лучше.

– Я не очень сведущ в магии. Если можешь, поясни вкратце, что такое ключ Соломона?

– Скажите, Валефор, как этот человек вообще попал сюда? Извините, любезнейший...

– Владимир.

– ...любезнейший Владимир, что говорю при вас о вас в третьем лице... Ладно, постараюсь быть кратким. Все достаточно просто. Полагается считать, что ключ Соломона – это книга, но книга непростая. Она содержит сведения об истинных именах высших бесплотных – скажем, демонов, а, как известно, тот, кто владеет именами демонов, подчиняет себе самих демонов.

– А как обстоят дела касательно воплощенных?

– Каждый воплощенный также обязательно имеет несколько имен, но истинным, то есть главным, то бишь духовным, также является только одно, и оно, естественно, держится втайне.

Я взглянул на Афиногена и тихонько произнес: «Валефор»? Тот кивнул: «Но оно – не главное!».

– Кем является тот, кого на Гее называли Парусом?

– Это – загадка для всех нас. Существование мага такого высокого уровня не может оставаться незамеченным, значит, наверняка должен найтись тот, кто его знает. Я надеюсь разгадать этот ребус буквально за пару-тройку часов.

С этими словами принц сделал легкое движение рукой, и на берегу появились вкопанные в песок столы, уставленные разными яствами и напитками. Один стол, как я понял – для принца, Афиногена и меня, второй – для бесплотных. Ассортимент напитков и закусок был небольшим – нарезанное ломтями холодное мясо неизвестного мне животного, твердые сыры и бутербродики с паштетом с воткнутыми в них шпажками, овощи, фрукты и мороженое, сухое и крепленое вино. Зато их количество превосходило всяческие ожидания. Appetit участников необычной трапезы тоже внушал, как минимум, уважение. Я никогда не думал, что могу за один присест положить в себя такое количество нежного и очень аппетитного мяса.

– Все дело в том, – объяснил мне потом Афиноген, – что мы ели, если можно так выразиться, «бесплотное» мясо, без физической составляющей, своего рода, «чистый мясной дух». Он усваивается организмом без остатка и не дает отходов.

– А сыр, паштет, вино?

– То же самое.

– Такое возможно в нашем мире?

– Бывает при определенных навыках...

– Часто?

– У тебя были случаи, когда принесенный из магазина, с виду аппетитный ломоть чего-либо вдруг оказывался невкусным, как бумага?

– Ну, бывало...

– Очень может быть, что ты оказывался жертвой энергетического вампира верхнего мира. Такому вовсе необязательно касаться лакомого кусочка физически, он умеет поедать его духовное содержание...

И тут в разговор вмешался, замолчавший было, принц Вассаго.

– Стоп!!! Он замолчал, к чему-то прислушиваясь, – у меня есть новость... Сейчас... Сейчас я вас удивлю. Похоже, что духовный статус интересующего нас субъекта не ниже, чем у Короля Белиала, более известного нашему уважаемому Володе, как Мрэк.

– Что из этого следует?

– В игру вмешалась третья сила... Непонятно? Володя, слушайте. Повторять не буду. Итак, совокупность всего сущего и все, что сверх того – суть абсолют. Он эманурует на две составные части, – инь и ян, черное и белое, мужское и женское начала. Одновременно с этим, он эманурует на три составные части, три гуны – радость, тьму и свет. Точно так же он делится на четыре направления в пространстве, пять стихий, семь первоэлементов и так далее на все большее количество равных частей. Но, возможно, сложившаяся за тысячелетия гармония была нарушена появлением неизвестного фактора, который люди назвали Парусом, и картина мироустройства постепенно начала изменяться. Поэтому я с удовольствием присоединюсь к вашим поискам при одном, однако, условии: мы будем вместе только до тех пор, пока наши интересы будут полностью совпадать.

– С чего предлагаешь начать?

– С единственной ниточки, за которую мы можем ухватиться – с храма Паруса в пещере сторожевой горы на Гее.

– Там сосредоточены регулярные подразделения земной службы безопасности и какой-то маг со своими подопечными. Они тоже ищут то же, что и мы.

Я заметил, что при упоминании о маге и службе безопасности принц как-то криво улыбнулся.

– Оставьте этот вопрос мне.

– Только, принц, постарайся обойтись без жертв! (Это Афиноген).

– Здесь от меня мало, что зависит. Если мне удастся их уговорить, тогда...

– А ты их напугай!

– Я принц, а не пугало!

– А я настаиваю на предельной бескровности! Смири гордыню и не дай пострадать общему делу.

– Почему ты считаешь, что оно пострадает, если я укокошу несколько десятков придурков?

– Они просто выполняют свои обязанности.

– Где это видано, чтобы в чьи-нибудь обязанности входило мешать мне выполнять задуманное? Мне, принцу Вассаго! Если только это – не проделки кого-нибудь из моих родственничков.

– Кто из них, теоретически, способен на такое?

– Да кто угодно! Например, губернатор Буер, или герцог Астарот! Эти средоточия похоти спят и во снах видят... Гм, ну ладно...

– При чем здесь похоть?

– Эти ублюдки иногда сами входят, или побуждают входить в контакт и с особями мужского пола.

– Ай-ай-ай, однажды они обидели принца?

– Пытались, но я пресек их намерения... И моя месть была воистину ужасной!.. Итак, займемся делом?

– Попробуй все-таки поначалу договориться.

Звезды погасли, небо стало голубым, мы оказались в роще карков, а невдалеке проступили контуры Сторожевой горы. Принц сделал несколько шагов, и до нас донесся властный голос.

– Стой! Кто идет?

– Принц Вассаго! – ответил принц.

– Стоять! Руки за голову! – рявкнул невидимый страж.

– Ты хорошо подумал, прежде чем отдавать мне такие приказания? А ну, как я обижусь?

– Я выполняю приказ. Стой, буду стрелять!

– Стреляй, – улыбнулся Васаго и сделал еще шаг.

Щелкнул выстрел. Пуля прожужжала шмелем и запуталась где-то в зарослях бороды принца.

– Стреляй еще, – ласково посоветовал тот.

Вторая пуля угодила господину Васаго прямо в лоб, не причинив, естественно никакого вреда.

– А вот, теперь я обиделся, – заявил принц.

Магическая сила выудила стрелявшего из-за скрывающих его камней, подняла в воздух и вмиг лишила его не только одежды, но и кожи.

– Смотрите все! – провозгласил принц, – и не делайте глупостей.

Но, несмотря на предупреждение, из-за камней опять донеслись выстрелы.

– Смотри-ка ты, какие упрямые попались, – буркнул принц. Он мгновенно стал выше ростом, его голова стала напоминать ослиную, а в руках появилась трость, тут же обратившаяся в змею. Но в ответ окрестности озарил лиловый свет, висящий в воздухе солдат вновь обрел кожу и одежду, умолк и плавно приземлился обратно за камни, а принц принял прежний облик и прохрипел.

– Кто ты? Назови себя!

– Еще не время! – прозвучал ответ, и стало тихо.

XIII. Высшее растение

Пауза длилась несколько минут, затем принц Васаго глубоко вздохнул.

— С самого дня сотворения мира я не переживал такого позора! Я экстренно созываю военный совет!

Я вздрогнул от неожиданности, потому что мы вдруг оказались в громадном зале, показавшемся мне бесконечным, единственными предметами интерьера которого были стоящие на выложенном оливковыми плитками полу пурпурные колонны. Ряды колонн простирались во все стороны и терялись вдаль, стен не было, потолка тоже. Зал заполнился гулом голосов, но никого из говорящих не было видно.

— Это неучтиво! — сделал мне замечание Афиноген, — переходи на астральное зрение.

Я скосил глаза к переносице и увидел несколько десятков демонов, прохаживающихся между колоннами и неспешно беседующих друг с другом. Один из них явно был главнее прочих. Он носил тяжелый рогатый шлем, а ноги его напоминали ноги краба, и их было восемь.

— Это король Баал, — шепнул мне Афиноген, — сын утренней зари и повелитель сущего.

— Господа! — громко произнес Баал, — прежде чем мы начнем рассматривать вопрос по существу, нужно определить насколько к этой процедуре могут быть допущены люди — что им можно будет слышать и понимать, а что нет. То же касается и низших бесплотных.

Низшие бесплотные жалобно пискнули.

— Их пригласил сюда я, — ответил принц Васаго, и я же распространяю на них свое покровительство. Пусть слышат и понимают всё!

— Влипли! — шепнул Афиноген. — Знание возлагает на знающего ответственность, таковы здешние правила.

— А у нас разве не так?

— В смысле, у людей? Конечно не так. У нас закон распространяется на всех, знаешь ты его, или нет. А здесь незнание — индульгенция. Не знаешь — с тебя и взятки гладки. И никаких исключений.

— Например?

— Например, есть закон, гласящий: «Тебе надо — ты и делай». Ты его только что узнал, и отныне, если ты белый, за каждое его несоблюдение будешь нести наказание.

— От кого?

— Там увидишь.

— Что значит белый я?

— Обязанный выполнять законы по-белому.

— В смысле?

— В том виде, каком они написаны.

— Сколько всего законов?

— Двенадцать.

— Ну, это еще терпимо... Есть ли черные люди? Сколько их?

— Ровно столько, сколько и белых. Они, как ты догадался, должны выполнять законы наоборот, и у тогда них все будет хорошо.

— Белые — это добрые и порядочные, а черные — злые и коварные?

— Совсем нет.

— Тогда я не понял...

— Ты идешь по улице и слушаешь в наушниках любимую песню — это по-белому. В другой раз ты едешь на машине, открываешь все окна и делаешь звук погромче: мол, пусть все насладятся твоей любимой песней. Это — по-черному. Не понял? Ты увидел переползающую через дорогу улитку. По-белому — ты через нее переступил, по-черному — перенес на противоположную сторону...

— Опять не понял. Расскажи об остальных законах!

— Не стоит, в таком случае на тебя со всех сторон обрушатся несчастья. Незнание — лучшая защита. Хотя, везде есть лазейки...

— Итак, господа, — послышался голос Баала, — налицо нарушение устоявшегося веками равновесия. Некоторое время мы считали, что это — мелкий дефект, присущий одной лишь Гее. Первые сомнения появились тогда, когда некто Парус развеял слугу всеми нами уважаемого герцога Элигоса, которому принадлежал тамошний мир. Тогда Элигос из благородства уступил Гею переселенцам... Ведь так было?

Один из демонов кивнул: «Она была мне без надобности!».

— Потом людям не без помощи Паруса удалось, применив откат времени, ликвидировать еще одну потенциально опасную для него, созданную на Земле новую зарождающуюся силу — машинный разум, и это была еще одна серьезная заявка на право любого вмешательства в ход истории по-крупному. Очень странно, что деятельность Паруса пока ни разу не приводила к появлению катаклизмов — несплошностей пространства, временных сбоев, тайфунов, землетрясений и прочих необычных явлений природы, что лишний раз говорит о его мощи. Он ведет себя бесконфликтно, не расталкивая окружающее, а как бы просачиваясь в мельчайшие зазоры между составляющими его элементами. Предлагаю вынести вопрос о праве существования пресловутого Паруса на высший суд. Какие будут мнения?

Я не слышал, чтобы кто-нибудь что-нибудь произносил, но интерьер снова изменился, и мы оказались в мрачной зале огромной пещеры. Тусклый, неизвестно откуда берущийся свет выхватывал из мрака сталактиты и сталагмиты в десятки и сотни метров длиной, их обломками был устелен пол, и среди этих обломков... Мне поначалу показалось, что это были статуи, но потом я понял, что это — живые люди. До невероятности худые, они сидели в йоговских позах, их глаза были закрыты, волосы так длинны, что свисали до пола, впивающиеся в ладони ногти рук были под стать волосам, а цвет тел практически не отличался от цвета сталактитов. Они, либо не дышали, либо дышали так слабо, что заметить это не представлялось возможным.

— Это статуи? Покойники?

— Это архонты, люди, достигшие духовного совершенства, но не ушедшие из мира, а оставшиеся в нем, дабы своими флюидами помогать человечеству постигать истины.

— Они живы?

— И живы, и не живы. Это третье, неведомое простым людям состояние души. Они в сознании, но ни о чем не думают. Они держат баланс сил. Малейший — даже не мысль, а намек на нее, проскочивший у кого-нибудь из них, способен вызвать катастрофу космического масштаба и таких же последствий.

— То есть, с ними нельзя разговаривать?

— С ними невозможно разговаривать. Хочешь? Попробуй!

— Как же они будут вершить справедливость?

— Они ее уже свершили.

Я увидел поднимающихся с колен демонов и понял, что аудиенция окончена.

Мы опять оказались в зале с пурпуровыми колоннами. Почти все демоны исчезли, остались мы с Афиногеном, наши бесплотные, король Баал и принц Васаго.

— Придется идти на переговоры, — буркнул тот, глядя на Баала.

— Иного выхода нет... Пока нет, — изрек король.

И первым сделал шаг по направлению к пещере.

— Стой! Кто идет? — окликнули его из-за камней.

— Король Баал! — ответил король.

— Стоять! Руки за голову! — оклики стража не отличались особым разнообразием.

— Неужели ты не усвоил урок? — полюбопытствовал король.

— Какой урок? Стоять? Не разговаривать! Руки за голову!

— Десять минут назад ты висел в воздухе без штанов и кожи!

— Не припомню такого!

У короля отвисла челюсть.

— Ахали цели, — подсказал я ему шепотом.

— Ахали цели! — рявкнул король. — Немедленно доложите своему руководству о том, что прибыли парламентарии.

— Оставайтесь там, где стоите, — ответил охранник, включая рацию.

Через минуту мы вошли внутрь. Навстречу нам шагнул маг с планшетом, он склонил голову и коротко представился:

— Сихаэль.

Стоящий рядом с ним военный также сделал шаг и назвал себя:

— Полковник Шалимов.

— Недавно я уже представлялся, — заявил принц. — Ну, ладно-ладно... Я принц Вассаго!

Афиноген легонько толкнул меня плечом, и я понял, что пришло время и мне назвать себя.

— Владимир, писатель.

— Протоиерей Афиноген, настоятель Храма великомученика и целителя Пантелеимона, — завершил процедуру знакомства батюшка.

— Он же светлейший герцог Валефор, — вдруг добавил принц.

— Вот это и есть по-черному, — улыбнулся мне Афиноген, — ведь принца никто за язык не тянул!

— Все равно, я пока не очень... Хотя, начинаю догадываться, в чем дело, — ответил я.

— Цель вашего визита?

— Мы хотим войти в один из лучей Паруса.

— Для чего?

— Для контакта с ним, для консультации... Вы, что, сами ни разу в него не входили?

— Пробовали, но у нас не получилось, хотя были слухи... Послушайте, как вы это делаете?

— Подходим ближе... Видите: один из лучей становится ярче... Значит, нам туда...

Я сделал шаг вперед.

Честно говоря, я ожидал увидеть Серафа, но столкнулся нос к носу с Гагтунгром. Я оглянулся: Афиногена, принца Вассаго и короля Баала рядом не было.

— Как ты здесь оказался? — вырвалось у меня.

— По-моему, правильнее будет задать этот вопрос тебе.

— Но ведь ты — Гагтунгр, исполнитель пульса де-нура, почему ты в Парусе?

— Ты еще не догадался? Тот, кого ты видишь перед собой, не совсем Гагтунгр, вернее совсем не Гагтунгр. Я — лишь его проекция в твоём сознании.

— А Сераф?

Гагтунгр улыбнулся и развел руками.

— Разговаривая со мной, Серафом, или кем-нибудь еще, ты, на самом деле, беседуешь с самыми глубинными слоями своей психики.

— Что или кто тогда Парус?

— Ну, это совсем просто... Это цветок, в смысле, растение, высшее растение... Можешь его так называть. В привычных для тебя мирах высшие ступени развития занимают животные, в неведомых тебе — случается, что и растения.

— Кто его посадил? Люди?

— Конечно, нет. Его спора, подгоняемая звездными ветрами, проделала немалый путь, пока не достигла Геи. По времени это совпало с появлением переселенцев — Ядринца с его людьми, и, возможно, это произошло не случайно.

— Где сейчас эти люди?

— В раю.

— Так уж и в раю?

В мире, в котором они сейчас пребывают, воплощаются самые дерзновенные мечты и заветные желания. Там можно все и ничто не слишком. Считай, что это Вальхалла.

— Я чувствую подвох...

— Совершенно верно. Через некоторое время они попадут в место, полное обмана, отчаяния и боли, где их души пройдут закалку и только после этого предстанут перед теми, кто вправе решать их дальнейшую судьбу.

— Перед архонтами?

— Архонты — это не то...

— Я был у них в пещере. Это потрясающе!.. А перед кем?

— Ты задаешь слишком много вопросов. Еще не время получать на них ответы. Ты уже понял, что проходишь такой же, как и они, курс обучения, но экстерном?

— Догадывался. А что Афиноген?

— У него тоже не все просто... скоро ему придется делать выбор: или остаться протоиереем, или так же с головой окунуться в неведомый мир... Ты можешь ему помочь, и для этого ничего особенного не требуется. Просто будь более активным и ничего не бойся.

Он хитро подмигнул, обернулся вороном и выпорхнул в открытое окно, и это было окно кухни моей городской квартиры. Я обернулся: позади меня стояли Афиноген, принц Вассаго и король Баал, и выражения их лиц наглядно говорили, что они прыгать в окно явно не собираются. Света с широко открытыми глазами застыла в проеме кухонной двери. Обессиленный, я опустился на табурет.

XIV. Репетиция

— Ну вот, торжественно заявил король, — теперь поговорим. Уже вечер... Пропустим ночь? Ни у кого нет возражений?

Он щелкнул пальцами... и настало завтрашнее утро. Я прислушался к себе: самочувствие говорило о том, что я прекрасно выспался. Что ощущала Света, мне было не понять. Во всяком случае, дверной проём она так и не покинула.

— Ты все еще продолжаешь делить мир на хорошее и плохое? На демонов из преисподней и ангелов из поднебесья? Первые стремятся похитить человеческую душу, вторые — ее спасти... Не кажется ли тебе, Владимир, что эта, пахнувшая нафталином история, придумана людьми и для людей? Человечество существует что-то около — ни много, ни мало — двухсот тысяч лет. Разделение мира на рай и ад — всего три тысячи. Люди, как могли, стремились постичь тайны строения вселенной, но не сумели быть в мире с самими собой. Они устраивали войны, прикрываясь именами богов, объявляя то одних, то других врагами рода человеческого, возвеличивая избранных и низвергая неугодных. Божество одного народа становилось демоном для другого и наоборот. И тогда демоны ушли в нижние миры без людей, а Первоверховный Сущий дал людям веру, основанную на разделении, и появились ангелы господни и демоны из преисподней. Потом он разделил ее на три части... Ну, дальше ты знаешь. С тех пор любая нынешняя вера — вера страха. Не так ли, Афиноген?

— Не обязательно страха...

— Как же? А ну как сатана окажется сильнее господя? Чем тогда закончится Армагеддон? Кто будет низвергнут в озеро огненное и серное? Мораль и этика, любое законодательство, литература и искусство и даже, в известной мере, наука зиждутся на идее противостояния добра и зла, на самой концепции возможности существования их в абсолютной форме. Каждому Голиафу — свой Давид...

— Вот так рождается другая идея — понятие богоизбранности...

— Да, об этом откровенно заявлено в одном авторитетном, известном всем писании... Но сейчас не об этом. Появился некий фактор, начавший очень осторожно, но неуклонно рушить сложившуюся структуру. Причем, заметьте: он возник не на Земле, а на Гее. Что в этих обстоятельствах требуется от нас? Да ничего, нужно лишь определиться с нашим отношением: либо мы делаем вид, что ничего не произошло, и занимаем выжидательную позицию, либо подыгрываем новой силе, либо вступаем с ней в единоборство. Лично я — за первый вариант!

— Хитер! — я наклонился к Афиногену. А причем здесь богоизбранность?

— В Торе, священной для всех иудеев книге, бог неоднократно говорит Моисею о том, что он избрал для себя народ, из которого впоследствии выйдет спаситель мира, и что между евреями и Богом заключён договор, гласящий, что евреи избраны не за заслуги, а ради того, чтобы спасти — ни много, ни мало — все человечество. И что, в случае опасности, у евреев всегда найдется спаситель из их же рядов. Каждый еврей, впитавший эту доктрину с молоком матери, становится, как гласит популярная теория антисемитизма, пренебрежительным и высокомерным к другим народам, в привилегированном обладании правами и возможностями, которые не даны простому смертному.

— Не думаю... Не уверен...

— Я тоже так не думаю, но теория, гласящая, что все евреи от рождения пропитаны этой идеей, говорит, что именно она стала самой главной причиной нелюбви к ним остальных наций.

— Так что нам делать?

— Ничего. Служить идее, равно как и воевать с ней — занятия неблагодарные... Хотя, согласишься: где-то в глубине души ты ведь тоже недолюбливаешь евреев? Да, или нет?

— Я... Не знаю...

— Оставим пока эту тему... Наблюдай за собой и делай выводы.

— Баал, помоги разрешить привнесенное в мою душу смятение!

— Ты уверен, что его нужно разрешать? Может быть, правильнее, пожить немного с двойственностью внутри? Жизнь — не математика, и правильный ответ может находиться в совершенно неожиданной плоскости.

— Да, действительно все просто! — посередине кухни возник ошалелый Сихаэль, и его голос приобрел трагические нотки. — Грядут перемены, и никто не в силах им помешать. Парус выкристаллизывает вокруг себя новый мир, он приоткрывает завесу!.. Всякое негодное дерево срубают и бросают в огонь!..

— Не увлекайся на ночь мистикой и научной фантастикой! — одернул его Афиноген. — А где Шалимов? В Парусе?

— Последнее, что я видел: луч Паруса качнулся ему навстречу, но Шалимов резко отшатнулся и сделал несколько шагов назад. Возможно, он и сейчас там, на берегу заливчика... С мокрыми штанами... Но это — так, мое предположение.

— Итак, — слово опять взял Баал, — мы покидаем сей гостеприимный дом и даруем его обитателям заслуженный ими покой. Если что, звоните по прямому проводу!

В доме сразу стало тихо.

— Запишу-ка я все, пока свежа память...

Я привычно устроился за столом и открыл крышку ноута. Экран несколько раз мигнул и стал синим. Эх, вот ведь, незадача! Недолго думая, я вызвал Баала. Его физиономия возникла передо мной в виде отражения на боку заварочного чайника.

— Что?

— Да вот... — я повернул ноут экраном к чайнику.

— Другого админа не нашел?

— Дык я...

— Странно, этого быть не должно... Ладно. Ох, уж эти люди!

— Какие?

— Из конторы, они и здесь хотят быть главными и диктовать свои условия. Прочитать их, что ли?

— Только никого не убивай! И потом, они блюдут государственные интересы!

— А кто решает, что ихнему государству во вред, а что на пользу? Сидит там старый хрыч с погонами и лопается от жира и чувства собственного достоинства. А еще делает вид, что он — православный христианин! Значит так: синих экранов у тебя пока не будет... Вритра, я знаю: ты меня слышишь! А по поводу хрыча.... Сихаэль, ты собрался домой?

— Да нет, обратно на Гею, нужно выяснить, как дела у Шалимова и все такое прочее.

— Не торопись. Бери обоих — он кивнул на меня и Афиногена — и дуйте к самому большому начальнику вашей конторы. Я что-то запомнил... Как, бишь, его зовут?

— Александр Васильевич... Ваше величество, господин Баал, мне боязно, я же оттуда

не выйду!

— И мне боязно, — вставил я свои пять копеек, — поэтому у меня начало сильно бурчать в животе, и я рискую опозориться!

— Вот и хорошо! — улыбнулся Баал из чайника, — значит, все произойдет, как надо. Пусть вас не смущают транспортный вопрос, вы попадете прямо к нему в кабинет, но, при желании вернуться, мгновенно окажетесь здесь. Кстати, у Володи есть фаритон. Сихаэль, не обессудь, долги надо отдавать!

— Я что-то тебе должен?

— Должна вся твоя контора, она постоянно нарушает белый тезис — договор между мирами о сотрудничестве и невмешательстве, сует свой нос, куда не следует... Хотя бы эта история с Геей, Парусом и исчезновением целой общины... Ладно, счастливого вам пути!

Последнее слово Баала еще звучало у меня в ушах, а ноги уже ощущали пружинящую поверхность дорогой ковровой дорожки, один конец которой выезжал из-под двери кабинета самого большого начальника, а второй прятался под его необъятным письменным столом, на котором, кроме тонюсенькой папки, не было ничего — ни лампы, ни календаря, ни монитора, ни клавиатуры.

Сидящему за этим столом на вид было за шестьдесят, и он был наполовину лыс. Мы застали его в тот момент, когда он, задумчиво читая какой-то документ, почесывал место, в котором покрывающий его череп лес переходил в лужайку. Затем, с тем же выражением лица он медленно погрузил руку куда-то под стол, и Сихаэль, предупреждая возможную пикантность ситуации, слегка кашлянул. Сидящий застыл, уставившись на нас немигающим взглядом.

— Здрасьте! — почти в унисон промямлили мы с Сихаэлем и Афиногеном, — Вы Александр Васильевич?

Сидящий побледнел и продолжил сидеть, не шевелясь, но его рука начала медленно выползать из-под стола.

— Вы кто и как сюда попали? — наконец спросил он дребезжащим голосом.

— Я Сихаэль.

— Я Валефор

— А я Володя.

Мы соорудили на лицах подобие улыбок. И я вдруг вспомнил про свой камешек — где он? Кажется, в заднем правом кармане джинсов? Мне немедленно захотелось ощутить пальцами его местами ноздреватые поверхности, почувствовать его силу, и это придало бы мне спокойствия и уверенности. И я, не переставая по-идиотски улыбаться, сунул руку в вышеуказанный карман. Жест не прошел незамеченным, и не успел я вынуть фаритон, как наш визави молниеносно выдвинул ящик стола, выхватил из него пистолет и громко и внятно скомандовал:

— Не двигаться, лечь на пол, ноги расставить, руки за голову!

Но теперь не сплеховал и я. Фаритон, выполняя мою команду, чуток нагрелся, свет за окнами померк, и время для нас понеслось раз в десять быстрее обычного. Я спокойным шагом подошел к оставшемуся в прежней позе хозяину кабинета и аккуратно вынул пистолет из его руки. Затем фаритон получил новую команду, мы втроем возникли в роще карков, а к времени вернулась прежняя скорость. Сихаэль ответил на первую половину вопроса:

— Теперь вы знаете, кто мы такие. Сейчас мы возвратим вас обратно, но убедительно прошу вас более не нарушать договоренность между нашими мирами — известную вам, как

белый тезис. Ясно? Внимание, мы перемещаем вас туда, откуда взяли.

Он подмигнул мне, я мысленно подмигнул фаритону, и вся наша компания мгновенно вернулась в кабинет. Но там нас уже встретили с автоматами в руках еще пятеро очень серьезных людей, одетых в камуфляжную форму. И они уже не говорили ничего. Мне подсекли ноги, и я, как куль, повалился носом на понравившуюся мне ковровую дорожку. Что произошло с Сихаэлем и Афиногеном, я не заметил. Через пять секунд все содержимое наших карманов было выложено на стол, а еще через пять я попытался связаться с камнем, и мне это удалось.

— Зря вы так, — только и успел я произнести напоследок, облегченно улетаю.

Света все еще продолжала стоять в проеме.

— С тобой все в порядке?

— Мне думается, не позже, чем через пять минут за нами приедут. Собирайся!

— Как? Куда?

— Будто в турпоход. Возможно, действительно придется некоторое время пожить в лесу. Не забудь документы. Сихаэль, ты с нами?

— А куда я теперь денусь?

— Афиноген?

— Я домой... Скоро служба. Но я останусь на связи.

— Блин, вот и начинаются настоящие приключения!

Но тут мы услышали голос Баала:

— Господа, отбой! Это была репетиция, это был кусочек копии вашего мира, это была копия Александра Васильевича и пятерых спецназовцев... Хотя они сами об этом не догадывались. Вы действительно подумали, что я могу, ни с того, ни с сего, отправить вас на произвол судьбы? Вот, как живучи стереотипы сознания — если демон, значит, коварный враг! Э-эх! Думаю, теперь вам самое время расслабиться и выпить водочки!

Я посмотрел на чайник. С его, то ли хромированного, то линикелированного, то ли вообще нержавеющей бока по-прежнему ухмылялась, сразу ставшая родной и близкой, физиономия короля нижнего мира. Ну, если сам король посоветовал!..

XV. Антропный принцип

Света принялась хлопотать, обустроивая на скорую руку нехитрый обед, расставляя тарелочки и раскладывая салфеточки, а мы с Сихаэлем сразу бахнули по сто пятьдесят и захрустели жгучую жидкость кисло-солеными огурчиками.

— Надо было бы сначала пуджу сообразить, — переведя дух, произнес Сихаэль. — А то как-то неправильно получается!

— Что значит пуджа?

— У христиан малой церкви это — жертвенная трапеза. Но у большинства религий и сект она называется по-санскритски — прасада, или пуджа.

— А что такое белый тезис?

— О, это интересная история. Около трех тысяч лет назад король Баал, как правитель всего нижнего мира, договорился со всеми правителями среднего мира о разделе сфер влияния по очень простому принципу: вы не суётесь к нам, мы — к вам. При смене владыки, Баал вводил его преемника в курс дела и заключал с ним новый договор. Надобно сказать, что нижний мир честно выполнял его условия, а вот, среднему миру постоянно неималось. И две тысячи лет назад Баал, всяческими способами продемонстрировав земным правителям свою мощь, объявил им ультиматум. Это и был белый тезис, который по старинке продолжали именовать договором.

— Об этом договоре в курсе все президенты, премьер-министры, вожди племен, церковники, ученые, силовики?

— Только те, которые могут действительно на что-нибудь влиять в глобальных масштабах.

— И у нас? В том числе и...

— Все!

— Мне кажется, земным правителям и сейчас нейдет?

— Так оно и есть, им всегда мало или власти, или денег, или и того, и другого.

— А если у Баала иссякнет терпение?

— Оно уже сейчас на пределе... Тогда будет война.

— Чем же именно средний мир досаждают нижнему?

— Ты знаешь, что у тебя есть двойник по ту сторону зеркала, ты и он — взаимные отражения друг друга.

— Знаю, Витослав рассказывал. Он видел своего вживую.

— Все двойники живут в нижнем мире, они есть абсолютно у всех, и каждый, живущий здесь, навечно связан со своим двойником, живущим там, и его аватарами. Но современная церковная доктрина учит, что они обитают в душах, как глисты в кишечнике, что они, как могут, им вредят, и что от них надо избавляться, как от тех же глистов. Для этого церковники изобрели таинство экзорцизма. Такой, проведенный по всем правилам обряд, однако, не уничтожает ни основного двойника, ни его аватаров, но сильно их калечит, нанося человеку физический ущерб и причиняя всяческие страдания. А еще люди среднего мира, называющие себя учеными, пытаются всяческими способами получить знания нижнего мира — о магии, иных мирах и пространствах, и все такое, дабы в итоге безраздельно властвовать над обоими мирами.

— А как на это смотрит верхний мир?

— Что ты называешь верхним миром?

— Ну, не знаю... Тот, где боги, ангелы...

— А Баал, по-твоему, кто?

— Демон!

— Переведи это слово на русский язык.

— Ну...

— В переводе с древнегреческого, даймон — дух, божество, совесть, или ангел-хранитель. Верхний и нижний миры — одно. Их разделяет человек во плоти. Над человеком — бесплотные боги, под ним — низшие бесплотные.

— То есть, Баал...

— Старший над низшими, двойниками и аватарами. И все сущее создано ради человека и подчинено ему духовно...

— Так уж и ради!

— Ты уважаешь британского физика Хокинга?

— Да, но я мало, что понимаю, в квантовой физике.

— Так вот, он пишет, что вселенная может существовать только там, где есть жизнь — мало того, жизнь разумная, — и называет это антропным принципом. Даже элементарные частицы не могут быть стабильны в мирах, где нет разума. Кстати, об этом уже начинали догадываться члены общины Ядринца.

— Где он это пишет?

— Ну, например, в «Кратчайшей истории времени». Настоятельно рекомендую прочесть. Очень умная книга, гениально написанная, понятная даже домохозяйкам. А в 1983 году американский физик Джон Уилер, автор популярных терминов «квантовая пена», «замедление нейтронов», «чёрная дыра» и «кротовая нора», сказал: «Наблюдатели необходимы для обретения вселенной бытия».

— Я потрясен! Но это означает, что наблюдение может также и лишить вселенную бытия!

— В Шветашвара Упинишаде говорится, что, когда люди свернут пространство, словно кожу, тогда наступит конец их страданию. Понимай: наступит конец света. Это было сказано за несколько веков до рождения Христа! То есть, вселенная создана для людей и ими же будет уничтожена.

— Мертвый восстанет, убьет воскресившего и прославит его имя вовеки!

— М-м-м... Не подходит. Разве что, с большой натяжкой... Чье это изречение?

— Надпись на камне, лежащем возле дома Ядринца.

— Откуда она там взялась? Кто написал?

— Не помню. У меня в памяти смутно осталась только история о том, как ребята летали в далекое прошлое и будто бы помешали автору написать это пророчество. Камень очистился, и надпись исчезла даже с его фотографии. Я не знаю, кто его написал. Но это не суть важно. Теперь я понимаю Витослава, который жаловался, что после бесед с Ядринцом, у него почти всегда, как он выражался, «клинило мозги»... Еще водочки?

— А сколько мы уже выпили?

— Всю бутылку!

— Я, кажется, не захмелел... А еще есть?

— Только дурак, идя за водкой, покупает одну бутылку!

— Ты гений! Жаль, что придется пить теплую.

— Какую теплую! Я ее сразу положил в морозилку!

— Ты — гений вдвойне! Наливай!

Вторая бутылка возымела свое действие. Когда она наполовину опустела, я спросил:

— Сихаэль, ты, вроде как, нормальный мужик, духовно и научно грамотный. Почему ты не в нашем лагере, почему кормишься у противника?

— Ты сам ответил на свой вопрос, — с набитым ртом отвечал Сихаэль, — ключевое слово «кормишься». У Ядринца все делалось за идею, а я работаю за деньги. И потом, скажи честно: лично я кому-нибудь из ваших хоть раз навредил?

— Особого вреда от тебя не было, но провокации имели место, я точно знаю.

— Я честно отработал долг: это я предупредил общину о предстоящем нападении, это я устроил небольшое землетрясение, чтобы припугнуть и тем задержать спецназовцев, это я заблокировал полет почти всех их пуль... Генерала жаль... Но, по всей видимости, он и его жена не пострадали... Я надеюсь... Так что, моя совесть чиста... Хочешь, слетаем на Гею, и я тебе докажу...

— Как? Чем?

— Не знаю, сориентируемся по месту. Полетели?

Я нащупал в кармане фаритон, и Светин возглас: «Мальчишки, может не стóбит?..» затерялся вдали. Еще через мгновение мы стояли, покачиваясь, у бокового входа в пещеру Сторожевой горы. Сихаэль начал громко икать, и в ответ из темного проема послышался голос:

— Стой, кто идет?

— По-моему, никого нет, — икнув, ответил маг.

— А ты кто?

— Не признал? Да это ведь я! Ик!

— Пароль!

— Ик!.. Вова, я оставил у тебя свой планшет и доску уиджа!

— А без них ты — никак?

— Да постараюсь... Ик!

— Пароль? Стрелять буду! — не унимались из темноты.

— Авалокитешвара! — гаркнул Сихаэль непонятное, скорее всего, санскритское слово.

— Ишварапранидхана! — прозвучал ответ. — Кто это с вами?

— Это мой друг!

— Пусть скажет пароль для входа на объект для лиц, не являющихся сотрудниками!

— Этот не пропустит, — шепнул мне Сихаэль. — Он из новеньких, выслуживается.

— Помнится, Казимирович употреблял много санскритских слов. Некоторые я запомнил. Например... Прабхамандала! — гаркнул я во всю глотку. Сихаэль вздрогнул и икнул.

— Он уже два дня, как заменен другим! Вспоминайте!

Но голос говорящего все же немного подобрел.

— Не могу... Мы выпили... — проямлил я в ответ.

— Тогда вы оба не пройдете! — отрезал говорящий и умолк.

— Я без планшета — как без рук! — выдохнул маг.

— Ладно, — ответил я, — хватайся за мой ремень сзади!

И вынул сердолик. Мгновение спустя мы стояли возле пещерной копии Паруса.

— Не могу поверить, что это чудо соорудил Вовка!

— Ничего удивительного, магия и не такое может! — гордо ответил Сихаэль.

— Я вижу, ты без подручных средств слабоват. Что будешь делать, если охрана сейчас опомнится и прибежит сюда? А она вот-вот начнет нас разыскивать — мол, куда подевались два подозрительных пьяных типа?

— Я ее тогда усыплю, всех — без планшета и доски! Могу сейчас... Надо сотворить заклинание...

Сихаэль начал что-то бормотать, но вдруг затих, растянулся на камнях и сладко захрапел.

— Вот они! — раздался голос того же охранника. — Один уже вырубился!.. Стоять!

Средний луч Паруса наклонился ко мне. Я понял намек и шагнул. Стало темно.

— Ребята, ну, что же это вы? — тихо сказал вкрадчивый голос, — знаете, что сейчас творится снаружи? Они собрались идти штурмом, вызвали подкрепление и связали Сихаэля.

— Сихаэля надо освободить. Как это сделать отсюда?

— Чё это ты раскомандовался?

Темнота рассеялась, и я увидел стоящего в трех шагах от меня человека с голым торсом и в джинсах.

— Ты кто? Игги Поп?

Незнакомец рассмеялся.

— Ценю юмор. Оглянись, посмотри, что происходит вокруг: прибыло подкрепление, и они сейчас будут атаковать. Они уже знакомы с некоторыми примитивными магическими технологиями, но и этого достаточно, чтобы здесь стало жарковато. Не бойся, места хватит для всех, ведь Парус, даже только его модель, бесконечен... Ладно, командуй. Начинаем активные действия?

— Как я могу командовать, не зная, на что Парус способен?

— На все... Но этого еще никто не понял.

— Никого не впускать, никого не убивать, никому не причинять неудобства, Сихаэля переместить сюда! Изготовить гранитную доску с текстом белого тезиса и прикрепить в кабинете самого главного из конторы — так, чтобы ее было невозможно снять!

Спящий Сихаэль появился через секунду. Потянувшись во сне, он обнял меня за ногу и захрапел опять. Но, на возню с ним у меня не было времени, потому что спецназовцы открыли огонь. Я услышал выстрелы и визг рикошетов. Одна пуля просвистела мимо уха, другая чирикнула возле плеча мага.

— Эй, Игги Поп, или как тебя там! Пули залетают сюда! Почему нет защиты?

— Наверное, ты сам этого хотел.

Мною овладел хмельной азарт.

— Тогда сейчас я им покажу! Мне кажется, что этого я тоже хочу!

— В детстве не наигрался в войнушки?

— Щас, щас, проговорил я, заправляя ленту в невесть откуда взявшийся пулемет «Максим» образца 1910 года ...

XVI. Арфин. Геянская война. Продолжение

Когда я открыл глаза, было опять темно. Я лежал на чем-то не очень мягком, дышалось свободно. Пошевелил рукой — все в порядке, второй рукой — без проблем. Ноги слушались, нигде ничего не болело, не считая головокружения, стука в висках и знакомой похмельной тошноты. Я кашлянул и обвел глазами пространство вокруг.

— Эй!

Тишина.

— Эй! Игги, или как тебя?..

— Ни звука.

— Эй, водички бы... А лучше рассолу... А еще лучше пива.

Пошарил рукой вокруг, пощупал пол. Похоже на линолеум... Или нет, на ламинат... Или на лакированный паркет? Рука наткнулась на что-то твердое, напоминающее бутылку. Да, это бутылка, вот и крышечка. Пиво? Открыл зубами. В лицо ударил знакомый, самый лучший на свете запах. Глоток, другой — и постепенно включился свет. Рядом со мной сидел на корточках Игги и сочувственно кивал головой.

— Стыдно?

— Стыдно!

— Ну и правильно. Это стандартная человеческая реакция. Что ты еще желаешь?

— Где здесь туалет?

— Где хочешь.

— Я не могу на пол!

— Где ты видишь пол?

Мы стояли у бокового входа в пещеру Сторожевой горы.

— Где Сихаэль?

— Володь, ну ты ваще... А я кто?

Я протер глаза: рядом со мной стоял маг и часто-часто моргал.

А где этот... Ну, Игги Поп в джинсах?

— Володь, может, лучше глотнешь еще пива? Кстати, где ты его взял? Оно пришлось очень к месту! Полетели домой. Здесь нам делать нечего, во всяком случае, сейчас и в таком состоянии.

Я с наслаждением облегчил душу возле ближайшего куста и нащупал в кармане камень.

Дома я сказал ему:

— Знаешь, я пишу уже четвертую книгу. В первых трех я, насколько мог, литературно обработал заметки и дневники моего приятеля Володи, взявшего в общине имя Витослав. Четвертую пишу от себя. И получается, что в ней не будет крутых поворотов сюжета, захватывающих дух тайн, убийств и всего такого прочего.

— Видимо, все потому, — отвечал Сихаэль, что ее сюжет не выдуман, а взят из жизни. Из обычной жизни, в которой большинство действующих лиц стремится избегать обострений и бессмысленной жестокости. В принципе, ты мог бы описать, например, наш визит в контору более красочно — кто стал бы тебя проверять и опровергать?

— Не хочу врать!

— Это было бы не вранье, а художественный вымысел. А война, если ей суждено случиться, произойдет, и никто не сможет этому помешать, ни ты, ни я, ни Баал, ни

пресловутый Александр Васильевич. И никто также не в силах ее спровоцировать!

— Это, прямо, какой-то фатализм... Или нет; это — обывательский пессимизм.

— Море постоянно воюет с прибрежными скалами, с сушей. Оно шлеп-шлеп волной, а скала стоит. Год, два, три, сто лет стоит. Затем р-р-раз — и обрушилась в море. В другом месте море намыло песчаный остров, а чуть погода ему что-то втемяшилось, оно его и размыло. Потом приподнялась прибрежная часть суши, и там, где кувыркались дельфины, возникла Сахара. Кто этому помешает? А кто поможет? Голландцы, то и дело, строят дамбы... Да и не только голландцы. Так же, как Роттердам, море затапливает Венецию и Джакарту, Хьюстон и Лондон, Мехико и Майами. Если войне быть, ее ничто не остановит.

— Что нам делать?

— Лучший вариант — сидя где-нибудь в Вышнем Волочке, наблюдать за теми, кто в Лондоне.

— Лучший для кого?

— Для нас — он самый спокойный.

— Другой вариант — принять чью-либо сторону и пытаться помочь морю или скалам.

— Какой в этом смысл?

— Никакого... Хотя нет, когда все закончится, ты сможешь, смахивая с лица крупные капли пота...

— Пота?

— Пускай искры или брызги расплавленного металла — это как повезет... Смахивая их с лица, сказать: «Я сделал все, что мог!».

— Как в американском фильме, в конце которого главный герой скромничает: «Ничего особенного, на моем месте любой американец со стальными яйцами сделал бы то же самое!».

— Вот поэтому я не на твоей стороне.

— Но мне хочется найти Витослава, и дело даже не в бесплотных, а в нашей с ним дружбе.

— Это опять к Парусу, но без конфликтов с охраной.

— Мне сходить к Александру Васильевичу за пропуском?

— Нет, попробовать войти в контакт с настоящим Парусом, а не с его копией. Возможно, его стерегут не так тщательно. Давай вдвоем? Денек отдохнем, и...

— Переходи на мою сторону.

— Подумаю до завтрашнего утра.

Раннее завтрашнее утро было малооблачным и прохладным. С берега в сторону моря дул легкий бриз, навстречу ему светило, восходя, одно из Геянских солнц. Волнения не было, не считая мелкой ряби от ветра, вода была прозрачной, и в глубине смутно просматривалось дно.

Нас было трое: я, примкнувший к нашему лагерю Сихаэль и Афиноген, за полчаса до начала нашей операции внезапно возникший в моей квартире. Мы висели в воздухе на высоте около десяти метров недалеко от Паруса. Я спросил Афиногена:

— Какова подъемная сила твоего посоха, как долго он может нас держать? Может, я подключу свой камень?

— Никогда не проводил таких экспериментов. А камень прибереги: может, он понадобится для других целей. Ну что, пробуем?

И мы тихо подплыли по воздуху поближе к Парусу. Гигантский артефакт на это никак не отреагировал, лишь пролетающий мимо карк (откуда он здесь взялся?) хрипло и неразборчиво подал голос.

— Ты Карл? — спросил я его.

— Кар-р-р! — ответил он, и скрылся. Я спросил:

— Ребята, может, действительно призовем Карла?

— Не видим необходимости, — дружно ответили попутчики.

— Мне тревожно... Что хотела сказать эта птица? Я думаю, она прилетела неспроста!

— Давайте лучше приблизимся еще на десяток метров и снизимся! — предложил Афиноген. Сихаэль указал на что-то рукой, набрал в грудь воздуха, но сказать ничего не успел. Из воды показались чьи-то головы в черном, и раздались автоматные очереди.

— Вот тебе и острота сюжета, — хрипло проговорил Сихаэль, и у него изо рта полилась кровь.

— Камень! — Воскликнул Афиноген. Я мгновенно сообразил, что надо делать, и тут же переправил нас в попавшуюся на глаза небольшую бухточку на северном берегу острова. Там мы положили Сихаэля на спину, Афиноген принялся бормотать над ним молитву, а меня охватила ярость. Как же так? Без предупреждения, сразу на поражение! Я приложил камень нужным местом к глазам, через несколько минут разглядел наших обидчиков с высоты птичьего полета, и... Честное слово, я и не подозревал, что эффект может оказаться таким сильным! Почувствовав, мою ярость, фаритон загудел, как рассерженный трансформатор, и где-то на дне возле Паруса произошел взрыв, выбросивший в воздух не менее нескольких тонн воды и пятерых человек в черных комбинезонах.

— Где это бумкнуло? — тоном мультяшного Пятачка спросил Афиноген, не без усилий выпрямляя затекшую спину. — Твоя работа?

— Не сдержался... Как Сихаэль?

— Будет жить. Скоро придет в себя. Володя, ты в курсе, что теперь начнется настоящая война? Круто звучит: трое безоружных магов против вооруженной до зубов конторы!

— Может, я одного из этих переброшу сюда? Ты его оживишь, мы его допросим...

— Там уже некого оживлять... Впредь сдерживай свои эмоции! Можешь дать картинку?

— Как?

— Насколько я могу судить, любой артефакт может. Кольцо Витослава может, мой и Яна посохи, чемоданчик Боголепа — все могут! Самый устойчивый размер — два на три метра. Ну-ка, попробуй!

Я попробовал, картинка включилась.

— Насколько я осведомлен, — задумчиво разглядывая изображение, проговорил святой отец, — это не простые дайверы. У них костюмы с беспузырьковой дыхательной системой «Амфора», бронежилеты четвертого класса защиты, подводные автоматы АПС... Поэтому они попали только в одного из нас — у них кучность невелика, да еще на плаву...

— Откуда ты это знаешь?

Афиноген промолчал, потом сказал:

— Просканируй побережье. У них на этом берегу должна быть база. Они могут сменяться не реже, чем каждые четыре часа. То есть, их должно быть более тридцати — шесть смен по пять человек, да плюс технические службы и медработники.

Через час я заявил Афиногену:

— Не могу, глаза слезятся. Никого не нашел!

— Дай-ка я подключусь... Ну, вот же они, совсем рядом! Удивляюсь, как они нас не слышат... А может, и слышат. Они за этой скалой — он кивнул в ту сторону головой. — Ну что, увидел?

— Увидел! Щас я их!...

— Довольно крови, я им просто сотру память!

Протоиерей положил посох на плечо на манер гранатомета РПГ, постоял так минуту и, снимая его с плеча коротко выдохнул:

— Все!

— Я ничего не увидел.

— Признаюсь, я тоже.

— Откуда тогда ты знаешь, что сработало?

— Пошли проверим. Ты куришь?

— Иногда...

— Оставь Сихаэля здесь и пойдём.

За скалой мы сразу нашли большую хорошо закамуфлированную палатку. Охраны рядом не было. Внутри бесцельно бродило несколько десятков человек, некоторые были с автоматами, а кое-кто — в водолазных костюмах, ластах и масках. Я инстинктивно напрягся.

— Не бойся, — шепнул Афиноген и обратился к ним:

— Ребята, закурить не найдется?

Они посмотрели на него, как совы — круглыми, ничего не выражающими глазами и немного пошевелили губами.

— Перестарался, — констатировал батюшка. — Ну, ничего, через пару-тройку дней к ним вернется рассудок... Должен вернуться. Не убивать же людей только за то, что они выполняют свой служебный долг! А камушек твой хорош! Наверное, Витослав и не подозревал, что создает для тебя такое мощное оружие. А может, он рассчитывал, что ты освоишь его постепенно, в зависимости от обстоятельств. Теперь пора дать ему имя. Поговори с ним.

— С кем, с камнем?

— Ну да. Ты же уже давал ему команды — «проснись» и «спи». Теперь поприветствуй его и попроси назвать свое имя.

— Привет! Как тебя зовут?

— Арфйн, — донеслось откуда-то будто со стороны.

— Хорошее имя, а я Вова!

— Тоже ничего! Ты, ежели чего, не стесняйся — проси, спрашивай.

— Спасибо. Буду иметь в виду.

— Какие будут пожелания?

— Первое — помочь Сихаэлю, второе — попасть нам троим в Парус.

— Сихаэль уже здоров, а с Парусом я сейчас поговорю. Жди.

XVII. Воронка

— Сколько ждать-то?

Арфин не ответил.

— Куда теперь? — спросил Афиноген.

— Заберем Сихаэля — и домой. Видать, у Арфина с Парусом диалог не сложился.

Но мага на прежнем месте не оказалось.

— Сихаэль!

В ответ только плеск волн.

— Сихаэль!.. Как его звать по-настоящему?

— Своего гражданского имени он никогда не называл.

— Сиха... Афиноген, а ты куда пропал? Сихаэль! Афиноген! Где вы оба? Ахали цели,

вашу мать!!!

Вдруг меня сильно припекло сзади. Я сунул руку в задний карман...

— Арфин, ты чё?

— Посмотри направо!

Я посмотрел направо: берег, валуны, прибой, легкие облачка...

— Нет, ты включи духовное зрение!

Я скосил глаза к переносице.

— Не так, смотри рассеянным взглядом, как бы сквозь предметы!

Я последовал совету и увидел непонятно, что. Это «непонятно, что» выглядело, как прозрачная трехметровая горизонтальная воронка, как труба гигантского граммофона, лежащая на прибрежной гальке. Я подошел почти вплотную и заглянул внутрь: в ее глубине плавал сизый туман, и я крикнул в этот туман что было силы:

— Сихаэль! Афиноген!

Откуда-то из немыслимо далеких глубин послышались их голоса:

— Володя, стой там и что-нибудь говори, но никуда не ходи, мы сами выйдем к тебе!

А что говорить? Спеть песню? Но в голову не приходило ни одной — будто начисто отшибло память. Потом откуда-то из подсознания выплыли слова: «Не образумлюсь...». И я подхватил:

«Не образумлюсь... виноват,

И слушаю, не понимаю...».

Так я стоял посреди пустого пляжа, то утрачивая, то восстанавливая магическое зрение, и, запинаясь, читал монолог Чацкого. Наконец, при словах «Карету мне, карету!» из воронки появились мои друзья, и эта последняя строчка была произнесена уже втроем.

Лицо Сихаэля поражало бледностью, Афиногенова физиономия была, наоборот, пунцовой, и они оба покачивались.

— Давайте отойдем! — громко сказал святой отец, — а не то опять затянет!

Мы быстренько отошли и присели на валуны.

— Это что? Портал? Куда он ведет?

— Мы этого не знаем, мы попали в него случайно, и даже посох не смог нам помочь.

Похоже, некоторые из его функций отключились. В метрах ста от входа нас поджидал какой-то человек. Он сидел на камне и при нашем приближении начал медленно вставать.

— Фантом?

— Нет, настоящий. Когда он вставал, из под его задницы посыпались мелкие камушки.

— Как он выглядел?

— Без особых, бросающихся в глаза примет: среднего роста, шатен, лет тридцати пяти-сорока. Еще он был босиком, топлес и в джинсах.

— Он что-нибудь сказал?

— Не успел. Мы услышали твой голос и заторопились обратно.

— Зачем вам нужен был звуковой маяк, то бишь, мой голос?

— Пространство внутри этой штуки так же бесконечно во все стороны, как и снаружи, мы немного заблудились.

— Я думаю, что встречал этого человека раньше: это эмиссар Паруса. Я видел через сердолик, как он уводил общину Ядринца в неизвестность, и я разговаривал с ним во время своих визитов в Парус.

— Как его зовут?

— Не знаю, за глаза я назвал его Игги Поп... Есть такой американский певец — часто выступает голый по пояс... Щас я спрошу у камня...

— Арфин, если мы войдем внутрь, ты выведешь нас обратно?

— Не уверен, но попробовать можно.

— В чем проблема?

— Энергия этой воронки действует на мозги любого, известного мне артефакта.

— Но порождение Паруса в ней прекрасно себя чувствует!

— Я не могу объяснить этот феномен. Идите медленно, я буду пытаться по пути ставить метки. Если что, их должно быть видно духовным зрением.

— А что значит твое «если что?».

— Всякое может случиться... В общем, я готов!

— Только ты не отключайся, все время будь на связи.

— Я и так все время на связи. Ты не знал? Я останусь на связи, даже если ты скажешь: «Спи!». Иначе, как бы я услышал команду «Проснись!»?

— И то верно! Короче, идемте. С нами боги!

И тут же фаритон подал голос:

— Вот те на! Метка-то не наносится!

— Что будем делать? (Это Сихаэль).

— Что делать, что делать... Идем дальше!

Мы сделали еще пару шагов. Арфин вдруг стал горячим, потом мгновенно покрылся инеем.

— Арфин!

Я не удивился тишине, я вспомнил предупреждение Афиногена, что в нематериальные миры с этим камешком лучше не соваться.

— Афиноген, твой посох... никак?

— Увы...

— Что будем делать? (Это Сихаэль).

— Идем дальше! (Это Афиноген).

Глубокий вздох (Это я). Вот уже кое-какая информация об этом мире есть: он не веществен. Грубо говоря, мы полностью окунулись в чей-то сон, мечту, галлюцинацию...

Из глубины слышались хрустящие шаги, и звуки катящихся камешков. Вдали появилась мужская фигура с голым торсом.

— Привет! — крикнул я издали, — Представься, пожалуйста!

— Меня зовут Лад!

— Это твой мир?

— Нет, я здесь из-за вас.

— Где мы?

— В мертвых мирах. Дальше идти не сто́ит, вы не найдете дороги обратно даже отсюда.

Поэтому, если хотите, мы поговорим здесь, удовлетворим ваше любопытство, и я вас выведу.

— Что значит мертвые миры?

— Это внутренние миры тех, кто умер.

— Всех?

— Некоторым образом.

— Даже питекантропов?

— Думаю, таковые здесь отсутствуют, а даже если есть, то они уже давно полностью усохли. Более свежие — от пяти тысяч лет и меньше — продолжают оставаться относительно целостными. Называющий себя Боголепом когда-то создал прибор, способный войти с такими же в контакт и смог увидеть покушение на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда в июне тысяча девятьсот четырнадцатого года глазами толпы.

— Ты сказал: «называющий», а не «называвший». То есть, Боголеп сейчас жив?

— Да!

— Я могу его увидеть?

— При определенных обстоятельствах. Сейчас таковые отсутствуют, и я не в состоянии изменить ситуацию — это неподходящее место.

— Его создал Парус?

— Оно было создано вместе со всей планетой герцогом Элигосом по заказу короля Ваала, потом недалеко возник Парус, потом он победил прихвостня герцога в схватке, потом герцог уступил Гею людям, и король Ваал, всем на удивление, ничего на это не возразил.

— Внутренние миры уже умерших людей... То есть, это — своего рода вход на кладбище?

— Да, это в некоторой степени кладбище, но более — нечто вроде склада... Ибо одна из основных функций Ваала — Мръка утилизация бесхозных миров и их фрагментов. Еще вопросы?

— Как нам быть? Мы хотим встретиться с нашими друзьями.

Лад открыл, было, рот, чтобы ответить на этот самый важный вопрос, но в этот момент дрогнула земля, раздался свист, и сверху посыпались камни. Первым среагировал Сихаэль, он бросился на землю лицом вниз, прикрыл голову руками и воскликнул срывающимся голосом:

— Лечь, всем лечь!

Мы со святым отцом дружно рухнули ничком.

— Чувствую, ты не впервые сталкиваешься с этим явлением, не так ли? — спросил он.

— К сожалению, да. Это работает новая разработка конторы — магическая пушка. Пока она находится в стадии отладки.

— Чем она стреляет?

— Сгустком закрученного спиралью импульса магической энергии. Такой однажды угадал мне по рукам, расколол доску уиджа и отправил Шалимова на больничную койку. А

незадолго до того один из твоих друзей получил от такого же увесистый подзатыльник.

— Сколько таких пушек имеет контора?

— Месяц назад был единственный экспериментальный образец, а сейчас — кто знает?

— А это что?

Сбоку к нам двигались, тихо шурша, несколько полупрозрачных смерчей. Они, как змеи, то сплетались в один толстый жгут, то расходились, и эта картинка, насколько пугала, настолько и очаровывала.

— Что это? — прошептал Афиноген.

Лад поднес кулак к уху, будто там была зажата пчела, и он вдруг захотел услышать ее жужжание, постоял так пару секунд и сказал:

— Это еще один мир спешит к месту своего упокоения.

— Странно, что он один. Учитывая численность населения Земли, миры умерших должны толпиться в этой граммофонной трубе, наступая друг другу на пятки. Как это объяснить?

— Ты сам ответил на вопрос, упомянув слово «Земля».

— Здесь миры не только землян?

— Миров землян здесь нет... Пока нет.

— Миры карков?

Лад улыбнулся и промолчал.

Я повернулся к Сихаэлю:

— Кто создал эту пушку? Ты?

— Не совсем. Над ней трудился целый коллектив магов... Под моим руководством.

Новый свист и колебания земли заставил всех, кроме Лада, мгновенно принять положение «упор лежа».

— Что будет, если не ложиться?

— А ты ничего не ощутил, когда импульс пролетал мимо?

— Мне показалось, что меня обдало волной, то ли холода, то ли жары, и это странное ощущение меня удивило. Ничего подобного я ранее не испытывал и не хотел бы испытывать впредь.

— Если бы эта штука попала тебе в лоб, то, скорее всего, лишила бы тебя рассудка, это как минимум.

— А как максимум?

— Страшно подумать...

— Ну, все же?

Твое тело стало бы бездыханным, а дух погрузился бы в мрачайшие пучины духовного мира.

— Таковые бывают?

— Еще как бывают!

— Ты их видел?

— Я там был... Не смотри на меня так! Как-нибудь потом расскажу...

В этот миг возле его ноги раздался щелчок, и во все стороны брызнули осколки камня. Потом еще, уже ближе, и еще — с другой стороны.

— Стреляют? — полувопросительно заявил маг.

— Ложись! — крикнул Афиноген, бросаясь ничком на пол, но мы с Сихаэлем неожиданно для самих себя рванули вглубь воронки, и тут же сдали норматив по спринту,

как минимум, на первый взрослый разряд (а может, и кандидатский в мастера спорта).

— Кто это стрелял? — немного отдышавшись, спросил я у Сихаэля.

— Сам знаешь.

— Как они нас нашли?

— Вероятнее всего, база, над которой вы с Афиногеном покуражились, находится под их постоянным наблюдением. А может, и воронка тоже. И они быстренько перебросили на Гею отряд.

— Пойдем обратно?

— Я предлагаю обождать, потом поискать Афиногена... Ш-ш-ш!!!

В отдалении за нашими спинами послышались тихие шаги нескольких человек.

— Тихо! Расходимся! Что стоишь? Камень, возьми камень!

И Сихаэль исчез. Я поднес фаритон к глазам и тихо сказал:

— Спрячь меня, если можешь!

Арфин задрожал, нагрелся и звонко треснул пополам. Которая из половинок приобрела свойства материнского камня? Сейчас разбираться некогда! И я сунул оба кусочка в карманы — один в левый, другой в правый. Шаги остановились, но сквозь висевшую в воздухе дымку не было возможности ничего разобрать, кроме чьего-то еле слышного дыхания. Или мне показалось? Я затих. Казалось, сердце билось так сильно, что эхо от его ударов заполнило весь тоннель. По спине и груди побежали ручейки, обильно смачивая пояс джинсов, в носу яростно засвербело. Я зажал двумя пальцами ноздри, перекрывая подступающее желание чихнуть, выдохнул до упора и задержал дыхание. Вдали послышались вздохи, лязг передергиваемых затворов и удаляющиеся шаги. Пронесло! И в этот момент запертый в носу чих вдруг нашел себе выход в другом месте. Шаги на секунду приостановились, но сразу потопали дальше.

— Ага, вот и ты! — в двух шагах от меня из ниоткуда возник Сихаэль.

— Как ты это делаешь?

— Это один из моих персональных приемов.

— А ты мог бы спрятать двоих?

— Не знаю, не пробовал... Дай руку. Любую.

Полагая, что правую руку лучше оставить свободной, я протянул Сихаэлю левую, предварительно вытерев о ее штаны. Сихаэль глубоко вдохнул, задержал дыхание, сделал плавный жест, и... ничего не произошло.

— Нет, не могу, сил не хватает, энергии мало. Я ведь более маг-теоретик, так сказать, кабинетный специалист. В основном, пользуюсь подручными средствами — артефактами, планшетом, доской уиджа. А они в этом странном месте не работают.

— Может, какой-то из них можно настроить? Например, планшет?

— Можем попробовать. Включаю... Загружается... Вот написанная нами программа, мы назвали ее «Свет в конце». Она позволяет одному или нескольким человекам перемещаться в заранее выбранную точку. Вот карта острова, вот место, где расположена воронка, допустим, мы переместимся вот сюда... Жму «Энтер»...

Нас тряхнуло, перевернуло ногами кверху, подержало и отпустило, и мы оказались лежащими в какой-то мягкой тине на дне небольшого водоема. Как ни странно, здесь дышалось легко и свободно, будто мы находились в горах, со дна поднимались похжие на

дымы шейфы и потихоньку окружали нас со всех сторон. Я почему-то понимал, что они живые и движимы только любопытством, но не хотел, чтобы хоть один из них ко мне прикоснулся.

— Кыш! — рывкнул Сихаэль. Он замахал руками, поднял страшную мусть и вмиг оказался в нескольких метрах от прежнего места.

— Мне здесь не нравится. Приготовься, сейчас попробуем еще раз!

Нас опять тряхнуло, шлепнуло по головам чем-то мягким, но увесистым, несколько раз крутануло вокруг своей оси и отпустило.

На этот раз мы снова оказались в воде — чистой и прозрачной, голубоватой, кажущейся тяжелой и более густой, чем обычная. Вокруг нас плавали, то ли картофелины, то ли теннисные мячики, то ли разноцветные апельсины. У них не было ни единой щелки, которая могла бы сойти за уши, рот или глаза, но я явственно ощущал, что они смотрят на нас и весьма недовольны выводами из своих наблюдений. А один мячик подплыл совсем близко к лицу и мелко-мелко закивал головой, будто засмеялся.

— Попробуем еще? — спросил Сихаэль.

Я не успел ответить, как нас вывернуло наизнанку и тут же вернуло обратно. Было жарко и душно. Меня стошнило, маг явно тоже чувствовал себя не лучшим образом. Он смотрел по сторонам мутным взглядом, тщетно пытаясь трезво оценить обстановку.

— Сихаэль, достаточно!

Во рту появился сладко-соленый привкус. Я провел тыльной стороной кисти по губам — она была в крови.

— Хватит, остановись!

Из внезапно образовавшейся между нами трещины брызнул фонтан огня.

— Сихаэль!!!

— Это не я, оно самó!

— Давай назад!

Сихаэль поднес планшет к глазам, но сделать ничего не успел. Перед ним появился псевдо Афиноген — как настоящий, но ростом с трехлетнего ребенка, и огрел его посохом по голове. Затем дубль бросился ко мне. Я инстинктивно прикрыл голову руками, но он в последнее мгновение изменил направление атаки и, тыкнув торцом посоха в лицо, угодил мне в лоб. Перед глазами поплыли сиреневые круги, астральное зрение включилось само, я увидел, что атакующий — не человек, а жгут огненных змей, букет молний, и отчаянно выхватил из кармана первый попавшийся обломок фаритона. На что я рассчитывал — не знаю, скорее всего, на то, что, если магия камня опять не сработает, то я просто запущу его, как обычный камень, в обидчика. Но магия сработала, и призрак Афиногена разлетелся напоминающим бенгальский огонь ворохом электрических искр. Я спросил у камня:

— Ты Арфин?

— Нет, — ответил тот, — Арфин в твоём левом кармане, а я — Архиз.

— Чудные у вас имена!

— У нас все мужские начинаются на «-ар», женские — на «-ари».

— Камни тоже могут быть мужскими и женскими?

— Камни — тоже люди!

— Почему на этот раз магия сработала?

— Здешнее пространство имеют четную кратность, здесь есть длина, ширина, высота, и еще одно измерение — глубина. Зато снаружи моя магия, скорее всего, исчезнет. Тогда

обращайся к Арфину.

— Можешь помочь найти Афиногена и разыскать выход?

— Надеюсь, что да.

— Что за странные формы жизни нам встречались?

— Первыми были разноцветные дымы — сущности, жившие на Гее до ее сотворения.

Вторыми — вечные странники эхи, умудряющиеся бродяжничать даже в мертвых мирах.

Третий — призрак Афиногена. Здесь у каждого из вас появилось бесчисленное множество призраков-отражений. Многие зеркала искажают действительность, и этот — одно из их порождений. Поэтому он маленький и злой.

— Ничего себе, призрак! Он чисто материально чуть не раскроил башку Сихаэлю, да и меня двинул — будь здоров!

На это Архиз ничего не ответил, только вздохнул.

— Привет, ребята!

Я от неожиданности вздрогнул. Перед нами стоял, перекатываясь с пяток на носки и обратно, маленький старичок с лукавым взглядом и ехидненькой усмешкой.

— Я вижу, у вас проблемы?

Что-то в движениях головой старичка показалось мне знакомым.

— Ты эх? Ты был мячиком?

— Первое мимо, второе — ранил! А-а-а-а!!!!

Старичок, схватившись за левую ягодицу, запрыгал на правой ноге. Потом остановился, на мгновение призадумался, схватился за правую и, не переставая вопить, запрыгал на левой.

— Ты кто?

— Я Локи, сын Фарбаути! Но мне больше нравится, когда меня называют Репех!.. Ну, чем уставился? Мой папа Фарбаути — ётун, турс семейства Гримтурсенов, Имир — это мой прадедушка! Понял?

— В общих чертах... Что ты здесь делаешь?

— То же, что и всегда — единственное, что умею: потешаюсь. Давайте это делать вместе!

— Нам бы сначала отсюда выбраться...

— Фу, какой ты скучный и неинтересный. Ну выберешься ты, и что?

— Тогда у меня будет хорошее настроение, и, может быть, я тоже захочу потешаться.

— Так за чем же дело стало? Пошли!

— И я! — встрепенулся Сихаэль.

Все изменилось. Мне стало тесно, темно и неудобно. Потом меня начало что-то толкать сзади, и я двинулся вперед, к свету. Стало совсем светло, и тут я с ужасом понял, что стал червячком зубной пасты, выдавливаемой из тюбика. Сам тюбик лежал на земле, а Локи давил на него ногой. Выдавившись целиком, я вернулся в человеческий облик.

— Ну что? Ты развеселился?

— А где Сихаэль?

— Ты уверен, что он нам нужен? Он — нехороший человек, двуличный, он ни за ваших, ни за наших, я бы его не выдавливал. Если хочешь, выдави его сам.

Я наступил ногой на тюбик так, как это делал мой новый знакомый. Под ногой что-то чавкнуло, потом пошли пузыри, потом полезло что-то желто-коричневое, потом моих ноздрей коснулся специфический запах.

— Репех, почему вылезает дерьмо?

— Это внутренняя сущность твоего друга. Может, такая процедура его немного очистит... Дави, не бойся его повредить!

Через некоторое время цвет содержимого тюбика стал белым, а еще через минуту рядом стоял радостный Сихаэль.

— Знаете, я многое передумал, пока был зубной пастой...

— Ты был не только пастой!

— Значит, мне не показалось... Прошу меня извинить...

Маг умолк на полуслове. Локи указал мне взглядом на тюбик. Я взглянул на него вопросительно, он кивнул. Сихаэль стоял, не шевелясь, как вкопанный, и я нерешительно наступил на тюбик еще раз. Из-под ноги опять чмокнуло, и показалась коричневая капелька.

— Теперь другое дело, — заключил Локи.

А Сихаэль больше ничего не сказал, только вздохнул.

— Нас было трое, — прервал я возникшее молчание.

— Там больше никого не было, — возразил Локи, и тюбик исчез. Кто третий?

— Афиноген...

— Брат Ядринца? Герцог Валефор? Что же вы раньше не сказали! Ваша светлость, прошу вас!

Эти слова были обращены внутрь раструба исторгшей нас воронки, и тот не преминул тут же ответить. Послышался грохот твердых колес по камням, и на берег выкатила роскошная карета, запряженная тройкой пылесосов. Ее дверца отворилась, и наружу буквально выпал ошалевший Афиноген.

— С прибытием, милорд, — торжественно рявкнул Репех, да так, что напуганные пылесосы, дрожа, прижались друг к другу. — Чу, сдается мне, в этой пещере еще кто-то есть!

— Наверное, не стоит его трогать, — робко заметил Афиноген.

— Как не стоит? Я спасу и его! — Воскликнул Репех, и вдруг превратился в лужицу, тут же просочившуюся сквозь прибрежную гальку, а из воронки показался Лад.

— Давайте договоримся: будем общаться без дурацких шуток.

— Он не знал... — начал было Сихаэль.

— Теперь знает, — только и ответил Лад.

— Верни его, пожалуйста!

— Не хотелось бы... Но, уступая вашей просьбе...

И Репех опять появился на прежнем месте.

— Я все понял. Мир?

— Мир, — ответил Лад и исчез.

— Я так взволнован, так взволнован! — заговорил Локи. — Говорят, чтобы успокоиться, нужно глубоко дышать, а еще лучше — надувать воздушный шарик... Знаете, я сейчас подумал: шарик — это фигня. У меня есть кое-что получше!

У него в руках появился большой черный газовый баллон.

— Ты собираешься надувать баллон? — удивился Афиноген.

— Какая разница, что надувать? — спокойно ответил Репех и припал губами к вентилю.

— Не дури! — успел крикнуть Сихаэль...

XIX. Терра

Когда я очнулся, уши оказались заложенными ватой, в голове звонил набат, и страшно тошнило. Интересно, — прохрипел Афиноген, выплевывая гальку, — этот Лад догадывается, чего мы хотим?

— Думаю, да, — ответил Сихаэль, высыпая из-за пазухи песок.

Я промолчал, потому что был занят серьезнейшим делом: вытряхивал из штанов камни. Локи тоже молчал, но по другой причине: у него изо рта продолжал торчать вентиль. Потом, он его вынул, тщательно рассмотрел, опять засунул в рот, стал задумчиво жевать, и при каждом вдохе-выдохе тот принялся издавать трубные звуки: «Бу-бу!».

— Локи! — позвал Сихаэль.

— Бу? — отозвался тот.

— С тобой все в порядке?

— Бу! — утвердительно ответил вентиль.

— Помощь нужна?

— Бу-бу! — отозвался вентиль тоном, каким обычно говорят: «Ну, ты, парень, и скажешь!».

— Слушайте! А что, если мы создадим свою копию Паруса в месте, известном только нам одним?

— На Гее тесно, а на Земле ее не спрячешь!

— Значит, нам нужна своя вселенная!

— Только и всего?

— А что? В нашей компании — три крутейших мага. Не говорите нет, у вас есть время подумать.

— Как говорил Лаврентий Палыч...

— Это кто такой?

— Как говорил Лаврентий Палыч Берия, попытка — не пытка (Это Сихаэль).

— Можно попробовать (Это Афиноген).

— Бу-бу! (Утвердительно. Это Репех).

Я скромно промолчал.

— Тогда приглашаю вас на магический ученый совет (Это Сихаэль).

— Магучсовет! (Это я).

— Бу-бу-бу-бу — торжественно подытожил Репех.

— Локи, будешь председателем? — спросил я.

— Бу?

— Ты, как самый опытный, самый сильный маг...

— Бю-бю, ответил Локи сквозь улыбку.

— Он не маг, он — бог! — заметил Афиноген, — хоть и не самый главный. То есть, из всех нас у него самый высокий статус.

— Бу! — подтвердил Репех.

— Вынь эту хрень изо рта и ответь по-человечески! — не выдержал Сихаэль.

Локи выплюнул вентиль, немного повертел его в руках и засунул в штаны сзади.

— Локи! — опять не выдержал Сихаэль.

— Он не может не дурачиться, в этом его суть, — заметил Афиноген.

— Бу-у-у-у! — подтвердил Локи.

И тут я не выдержал.

— Эй, мы будем заниматься делом?

— Вот ты и будешь председателем, ответили Сихаэль и Афиноген.

— Бу-у-у-у! — согласился Локи.

— Тогда начнем. Сихаэль, с чего начинается создание вселенной?

— Естественно, с сингулярности.

— Это что за зверь?

— Это точка, в которой ничего нет, но она содержит в себе все.

— Локи, можешь создать сингулярность?

— Бу-у-у-у!

— Будь готов. Что дальше?

— Большой взрыв.

— Очень большой? А без него нельзя? Может, достаточно недавнего взрыва баллона?

— Бу-бу-бу-бу! — засмеялся Репех.

— Значит так: взрыв можно, но маленький. И не здесь, а, скажем, в этом раструбе с дохлыми мирами. Афиноген, можешь сделать взрыв точки, в которой ничего нет? Готовься! Что дальше?

— Ждать.

— Долго?

— Не очень. Где-то порядка полумиллиона лет.

— Слишком долго. Сихаэль, даю две минуты...

— Да ты что?

— Ладно, десять. Но не больше! Дальше все действуют по обстоятельствам. Все готовы?

Итак... Три, два, оди ...

Возникшая невдалеке ослепительная точка ужалила меня в глаз, проникла в мозг, спустилась по позвоночнику и остановилась где-то в копчике, оставив за собой тонкий темный след. Немного помедлив, она переместилась обратно в тоннель, обратилась в маленькую сферу, которая надулась, как мыльный пузырь, но не лопнула, а продолжила медленно увеличиваться в размерах и становиться все более прозрачной. Внутри нее загорелись и начали собираться в галактики звезды, и она вся начала вращаться вокруг своей оси. Мы смотрели на это чудо, затаив дыхание и не отводя глаз. Один Репех оставаясь невозмутимым, подошел и щелкнул по одной галактике ногтем. Та завибрировала, тоненько зазвенела, а потом громко загудела, как возмущенный трансформатор. Размеры увеличивающегося пузыря нового пространства стали сравнимы с размерами раструба, затем превысили их и его, ничем более не сдерживаемые края, весело устремились в разные стороны.

— Чтобы новый мир обрел стабильность, его надо как-то назвать.

— Не будем нарушать традиции. Гея, в переводе с древнегреческого — Земля. Предлагаю назвать новый мир Терра. Это тоже Земля, но в переводе с латыни. Возражения есть?

Афиноген обвел взглядом присутствующих. Возражений не было.

В глубине вновь образовавшейся туманной сферы проступили очертания каких-то скал.

— Остается сделать шаг вперед. Ну, что, все готовы?

И Сихаэль отважно, пытаясь унять дрожь в коленях, сделал первый шаг.

Анри Стендалю представшая перед нами картина наверняка не понравилась бы, потому что она содержала в себе только два цвета — синий и черный. Лично мне такая постановка освещения напомнила сразу и синюю медицинскую лампу Минина, и простую лампочку, обмотанную домашним мастером синей изолентой. Иссиня-черные скалы отчетливо выделялись на фоне ночного бархатного неба с мириадами голубых звезд, галактик и туманностей, а вдали, отражая звезды, искрилось море непередаваемого темно-синего цвета. Луны не было, но звезды фосфоресцировали так ослепительно, что при его свете запросто можно было бы читать газету. И, что самое неожиданное, вокруг нас во множестве цвели розы всех оттенков красного цвета, при синем освещении кажущиеся сиреневыми и фиолетовыми.

Мы, как во сне, сделали несколько робких шагов и заметили сидящего на валуне человека. Он был виден сбоку, и мы явственно различали его профиль с редкими волосами, мясистым носом и двойным подбородком. Он обернулся на звук шагов и глухим голосом произнес: «Вер ду бист?».

— Что? — не понял Афиноген.

— Вер бист ду унд вас махт ду хиер?

— Я, кажется, понял, — заявил Сихаэль. — Он немец. Бист ту дойче?

— Яволь. Унд зи?

— Ты че, шпрехаешь по-немецки? — удивился Афиноген.

— Немного знаю идиш, а он похож на немецкий. Итак, продолжим. Их бин Сихаэль, аун дос из Локи, Афиноген аун Вова.

— Аун их бин Йохан, Йохан Бак.

— Кампоузер рекхт?

— Яволь! Йоган Себастиан Бах. Манхмал комме их хихер ум мих инспириарен цу лассен.

— Дружище, мы не так сильны в немецком... Переведи (Это Локи).

— Это композитор Иоганн Себастьян Бах. Он говорит, что приходит сюда за вдохновением. Сейчас я спрошу у него: приходит ли сюда кто-нибудь еще? Кумт нах ахер?

— Яволь. Дитрих Букстехуде.

— То есть, этот мир создали не мы... Я хочу сказать, мир хабн ниht басхафн мельт?

— Найн, абер ду хаст айне тюр дазу гебаут.

— Говорит, что мы соорудили дверь в уже имеющийся.

— Ну и ладно. Главное, здесь нет конторы, маму ее... В смысле, ахали цели!

— Вельхе шпрахе шприхт еа? (На каком языке он говорит?)

— Ин грузиниш. (На грузинском).

— А мне нравится его язык! — заявил вдруг Локи. — Сейчас я ему тоже что-нибудь скажу!

— Локи, не надо! — поняв, что готовится каверза, воскликнул Сихаэль. Но у того уже заблестели глаза.

— Дойче пфэффервурст, айне веспе ан айнер шнур! — задорно выпалил он.

Бах открыл рот, да так и остался сидеть с выпученными от удивления глазами.

— Идемте дальше, — предложил Сихаэль. Локи, я не разобрал, что ты ему сказал?

— Вспомнил старинную скандинавскую детскую дразнилку: «Немец-перец-колбаса, на веревочке оса!».

— Скандинавскую ли?

— Ну, нижегородскую. Какая разница?

Спустя полчаса небыстрой ходьбы Афиноген вдруг сказал глухим изменившимся голосом: «Здесь!». Мы переглянулись. Спору нет: место выбрано удачно. Перед нами открылась небольшая бухточка, окруженная со всех сторон скалами, а ее берега были ровными и песчаными.

— Володя, твоя задача: смотаться к Парусу, взять его маленькую частицу и принести сюда. Фаритон тебе в помощь. Сумеешь?

— Что, вот так, сразу? Зачем?

— Это — как вифлеемский огонь мира, который передается из страны в страну. А по четвергам накануне Пасхи из христианских храмов верующие несут его в свои дома в свечах и лампадах. Короче, что тянуть? Давай. Действуй по обстоятельствам. Не подберешься к настоящему, лети в пещеру, может, там повезет.

Не помню, как в моем кулаке очутился Арфин, и мы полетели. Я заранее сделал ставку на эффект внезапности, и Парус понял меня, наклоня свой луч навстречу по мере моего приближения, и давая мне возможность проникнуть в него, не тормозя. Я даже не успел рассмотреть, есть ли под водой автоматчики в ластах, или нет. Остановка оказалась плавной, тормозной путь — коротким, и навстречу мне, как ни в чем не бывало, вышел Лад.

— Ох, вы и тугодумы!.. Но, в принципе, вы всегда находите верное направление развития ситуации. За это вам полагается бонус!

И он протянул мне маленький шарик. Внешне тот выглядел, как стеклянный, на ощупь был теплый, по весу — тяжеловатый.

— Ступай! — сказал Лад почти ласково, повернулся и исчез.

Сихаэль и Афиноген долго рассматривали артефакт, смотрели сквозь него, нюхали, вертели в пальцах и подбрасывали на ладонях. А Локи хотел сунуть его в рот, но Афиноген оказался проворнее и выхватил шарик из его руки возле самых губ.

— Ну и ладно, — надул губы Репех, — подумаешь, у меня тоже такой есть!

И он вытащил откуда-то такой же точно и сунул себе за щеку.

— Что делать-то будем? Что тебе сказал Лад, как пользоваться этой штукой? — поинтересовался Афиноген.

— Ничего. Дал шарик и исчез.

— Может надо произнести какие-то слова, мантру, молитву, заклинание?

— Я знаю, я знаю! — вскричал Локи: «Дойче пфэффервурст, айне веспе...»

— Заткнись! — рявкнул на него Афиноген. — Ой, я хотел сказать, не торопись! Извини... На, — он протянул шарик мне. Ты его принес, тебе и решать!

— Ладно!

Я взвесил артефакт на ладони: далеко полетит! Размахнулся и швырнул его не столько вперед, сколько вверх. В самой верхней точке он ярко вспыхнул и медленно опустился под воду метрах в двадцати от берега. И тотчас из-под воды в бархатное небо ударили пять перламутровых лучей. Мы обнялись и молча присели на песок, не отводя глаз от сотворенного нами чуда.

Не знаю, как долго мы просидели — по моим ощущениям, чуть больше вечности, но чуть меньше безвременья, но больше с нами ничего не происходило — ни плохого, ни хорошего. Звезды светили, небо вращалось, волны с тихим гулом набрасывались на берег и с легким шипением сползали обратно, лучи Паруса смотрели строго вверх. Первым нарушил молчание Афиноген.

— У этого мира нет солнца? С тех пор, как мы сюда попали, небесная сфера сделала уже больше половины оборота. Вокруг чего тогда вращается эта планета?

— Она обязательно должна вращаться вокруг чего-нибудь еще, кроме собственной оси?

— Не знаю, но в нашем мире всегда так.

— А здесь, похоже, Терра летит сквозь космос по прямой, и будет так лететь, пока ее не захватит какая-нибудь звезда.

— И что тогда?

— Если расстояние между ними будет небольшим, у Терры появится вероятность сгореть. В противном случае, на ней просто станет светлее и теплее.

— Когда это может случиться?

— Не переживай, у нас в запасе миллион лет, а может, больше.

— Не пора ли перекусить?

— Господа маги, я предлагаю соорудить здесь стол с напитками и закусками, а также палатку с кариматами, и сделать это всем сообща. Чур, я делаю стол, стулья и палатку! (Это Сихаэль).

— Тогда я делаю чё выпить и закусить! (Это Афиноген).

— А я — чё посмеяться! (Это Репех). Вова, а за тобой — ложки, вилки, тарелки, салфетки...

— Я не умею.

— Что тут уметь? Оглянись: они действительно за тобой!

— Я обернулся: сзади на камнях действительно валялись предметы сервировки — серебряные ложки и вилки, хрустальные бокалы и салфетки, щипчики, солонки и перчатки, и много, чего еще. И тут меня осенила идея.

— Ребята, давайте позовем Баха?

— Ну, сходи за ним. А со столовыми приборами мы уж сами как-нибудь разберемся.

— Да уж, да уж, — поддакнул Локи.

— А что я ему скажу?

— Скажешь: «Приглашаем на праздничный ужин!», «Мир ладн ир цу а фестив митог!».

Запомнил? Удачи!

И я поплелся к Баху.

На прежнем месте композитора не оказалось. Я поискал глазами: ах, вот он, спит, растянувшись прямо на земле среди роз...

— Герр Бах, герр Бах!

— Вас? Вер бист ду?

— Не понял...

— Что ты не понял?

— Вы говорите по-русски?

— Нет, извольте слышать, я говорю по-немецки.

— А я?

— И вы по-немецки, как и я, с тюрингским акцентом. Чего, собственно, вы хотите?

— Я приглашаю вас на праздничный ужин по поводу рождения еще одного чуда света.

Идемте, вы все увидите своими глазами. Вы не торопитесь?

— В этом мире время идет медленнее, чем на Земле. Здесь я уже два дня, а дома прошло не более получаса. Это очень удобно... Нет, не тороплюсь. Кристиан Людвиг Гогенцоллерн заказал мне несколько светских концертов, причем, попросил, чтобы я сделал ему посвящение, а я все никак не настроюсь... Ведь я пишу духовную музыку. Вдобавок, я не взял с собой никакой еды, поэтому с удовольствием приму ваше предложение, таинственный незнакомец.

Палатку, стол с яствами и друзей, собирающих крабов — так мне показалось поначалу — мы увидели издалека.

— Скажите, чем заняты эти почтенные люди?

— Вроде бы, крабов собирают, или... Я не знаю!

Локи сидел за столом и жевал селедочные кости и шкурку.

— А сама селедка где?

— Я ее выбросил, она невкусная. Вот шкурка — это да! — И Репех причмокнул от удовольствия.

Афиноген и Сихаэль стояли чуть поодаль, согнувшись в три погибели, но, не шевелясь, и употребляя всю свою энергию на ругательства.

— Что с вами?

— Мы хотели собрать вилки и ложки...

— И что?

— Они будто приклеенные, не поднимаются, и пальцы от них не отрываются... Это все он! — Сихаэль кивнул головой в сторону озорника.

— Но ведь, смешно же! — откликнулся тот. — Бах, тебе смешно?

— Нет, — ответил опешивший композитор.

— Локи, кто у нас председатель магучсовета?

— Ну, ты.

— Посему слушай мое распоряжение: данную шутку прекратить!

— А то что?

— Я пожалуюсь Ладу. Ты, кажется, недавно был лужицей?

— Ладно, ладно, все свободны! Хотя, могло бы так статься, что ты не успел бы пожаловаться.

— Успел бы. Я уверен: Лад в курсе всего, что с нами происходит.

— А ну-ка, позови его, если он в курсе, то...

— Лад, Лад, Лад!!!

— И Лад появился. Он вышел прямо из моря, такой же босой, такой же по пояс голый, и, как я заметил, абсолютно сухой. Он остановился в полосе прибоя по колена в волнах и молча уставился на нас. У Баха вспотела переносица и, как он сам потом рассказывал, не только переносица и не только вспотела.

— Что?

— Не побрезгуй нашим гостеприимством, милости просим к столу, надо же отметить такое событие: рождение нового артефакта!

— Благодарствуйте. Ба, да у вас в гостях сам Иоганн Себастиан! Здравствуйте, маэстро!

— Здравствуйте, господин Винкель.

Настал наш черед впасть в ступор.

— Вы знакомы?

— Не отвечая на наш вопрос, Лад продолжал.

— Маэстро, что вы так переживаете? У вас есть шесть неизданных и неопубликованных концертов, написанных еще пять лет назад. Добавьте к ним посвящение — и все.

— Спасибо за подсказку! — заулыбался композитор.

— А сейчас, — продолжил свою речь Лад, — мы сядем за стол, а с неба будет литься ваша музыка, шесть ваших концертов, которые вы, вернувшись домой, назовете Бранденбургскими.

И было так. Мы расселись вокруг стола, разлили вино по бокалам, и с одной стороны бокала оно было красным, а с другой — белым.

— Как интересно, — задумчиво проговорил Сихаэль, вращая бокал перед глазами, — как это получилось, и чем вообще отличается красного вино от белого?

— Технологией, — неожиданно ответил Лад. — Белые вина производятся исключительно путём брожения виноградного сока, в производстве красных используется еще кожица и косточки винограда, которые и придают вину красный цвет. А еще, в кожице находятся танины, делающие красное вино более терпким, и в нем больше витаминов...

— Ты кто? — неожиданно спросил маг.

— Ты угадал, — ответил Лад после секундной паузы. И, повернувшись к святому отцу, спросил: «Это — то самое вино?».

— Да. Это — то самое вино, в которое Иисус превратил воду в Кане Галилейской во время свадебного пира.

— Почему оно двухцветное? Кстати, этого в писании нет.

— Там много, чего нет, но это не значит, что этого нет вообще. Например, в писании нет коал, но, тем не менее, в природе они существуют и здравствуют.

— А как вы считаете, маэстро? — спросил Лад. — В ваших произведениях это выражено достаточно отчетливо. Вы противопоставляете прямое переживание сути христианства его оболочке, выражаете невыразимое и повествуете о неизъяснимом. Как я погляжу, это случается даже в светских концертах. У вас там есть чуждые анданте и адажио.

— А остальное?

— Остальное — балаган... Извините.

— Вы против христианства?

— Ни «против», ни «за». Я за истину. А истина не может быть выражена никакими идеями. Ведь само религиозное чувство — не более чем переживание. А оно одинаково и у христиан, и у иудеев, у мусульман и у кришнаитов.

— И все-таки? Как вино в бокале получилось двухцветным?

— А ты его перемешай!

— Не перемешивается... Понял, это свойство самого бокала! Если он пустой, он белый, если с вином... Здорово придумано! А в христианстве что-нибудь сказано по поводу чудес?

— Косвенно. Например, евангелист Матфей однажды проговорился: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе».

— Где пример?

— Вот! — Афиноген кивнул головой в сторону пяти световых столбов. И столбы еле заметно кивнули ему в ответ.

И тут, как мне показалось, настал мой звездный час, и я спросил Лада, где мои друзья и вообще, вся община Ядринца?

— Ты ведь сейчас не убежишь, не исчезнешь и не испаришься? Стало быть, не уйдешь от ответа. Я не буду спрашивать, кто ты, я хочу только узнать, где мои друзья?

— Я бы рассказал тебе, но ты не готов.

— А когда я буду готов?

— Зависит от тебя.

— Что я должен делать для того, чтобы побыстрее стать готовым?

— Ничего особенного. Проявлять пытливость и находчивость и, самое главное, не лениться постигать новые истины. У тебя хорошее окружение, воспользуйся этим.

— Что мне делать сейчас? Куда идти?

— Куда хочешь, направление роли не играет.

— Можешь дать хоть маленькую подсказочку?

— Будь смелее! Не прячься за чужие спины. Ты можешь многое!

— Я ничего не знаю, я ничему такому не учился.

— А ты пробовал? Давай, вставай, пойдём к морю и посмотрим, на что ты способен. Давай, давай, не ленись!

Я, кряхтя, встал и с кислой миной поплелся к полосе прибоя.

— Субстанции, не имеющие собственной формы, благодатны для творчества, — начал свой урок Лад. — Вот, смотри.

И он повернулся лицом к морю. Тотчас метрах в пяти от него вынырнула его голова, будто сделанная из стекла. Она стала приподниматься, показались плечи, грудь. Лад, стоя лицом к лицу сам с собой, помахал двойнику рукой. Спустя секунду тот ответил тем же. Лад состроил гримасу — стеклянный двойник тоже скорчил рожу, но не такую, как у Лада.

— Скажи что-нибудь, — крикнул Лад.

— Буль-буль, — ответил двойник.

— Ах, вот ведь незадача, ну, ничего сейчас поправим, — и Лад развел руки в стороны ладонями вперед. Двойник стал непрозрачным, его кожа и волосы приобрели натуральный цвет.

— О-го-го! — воскликнул Лад.

— Ха-ха-ха! — залилось смехом его отражение.

— Теперь пробуй ты, — обратились они оба ко мне.

В задних карманах джинсов стало горячо, я сунул туда руки и ощутил, как сильно нагрелись оба камушка.

— Нечестно! — заявили оба Лада. — С фаритонами каждый может!

— Я разок с ними, а потом попробую без, — брякнул я, не зная, что делать дальше.

— Посмотри вверх, — тихо шепнул на ухо Арфин.

Я задрал голову, но ничего особенного не увидел: все звезды были на месте.

— Не так, — шепнул в другое ухо Архиз, — смотри сквозь собственную макушку!

Я хотел спросить у него, как это: смотреть сквозь собственную макушку, но тут же понял, как это делается, и увидел в полуметре над собственной головой самого себя, будто отраженного в громадном зеркале. Мое отражение было прозрачным и невесомым, но каким-то странным образом я ощущал и его самого, и окружающий мир через его органы

чувств. У меня закружилась голова, и я, оглушенный и мгновенно потерявший всякий интерес к происходящему, рухнул в набегающую волну.

XXI. Прелюдия и фуга

Лад позволил мне как следует испугаться, но не дал окончательно захлебнуться. И, пока я, сидя в полосе прибоя, откашливался, отплевывался и отахалицеливался, он стоял рядом и молча смотрел на меня сверху вниз.

— Спокойнее надо быть, спокойнее. Старайся просто помнить, что ты продолжаешься еще на два метра вверх, и будешь это просто чувствовать. Ну что, отmaterился? Что это за странное выражение: «Ахали цели»?

— Его начал использовать Ядринец. Если очень хочется выругаться матом, скажи это словосочетание. По-грузински это означает просто «новый год». И тебя попустит.

— За свою бытность я наслышался всякого — от «гот дэм» и «факен кул» до «аз ох-н-вей» и «эйзэ хара»... Ладно. Спасибо, как-нибудь попробую. Теперь попытайся сделать, как делал я... Э-э-э, стой! Двойника оторвать от себя невозможно!

— А как же я суну его в воду?

— Думай!

— Есть вариант: сделать двойника для самого двойника!

— Замечательно. Вперед!

И вот, через несколько минут мучений из моря высунулась моя голова и ехидно показала язык.

— Покажись весь!

— Прозрачный я выбрался на берег и застыл в ожидании.

— Раскрась его!.. Вова, я просил раскрасить, а не изменять пропорции разных частей тела. Я понимаю: каждый уважающий себя мужчина хочет, чтобы эта штука была подлиннее. Но не будем корректировать природу. Теперь пускай он пойдет за мной, а ты садись, закрой глаза и постепенно перенеси в него свое сознание.

Третье головокружение за один день оказалось перебором, и я попросту вырубился.

Когда я открыл глаза, море выглядело гораздо спокойнее, Лада не было, а мои попутчики, как ни в чем не бывало, сидели за столом и попивали двухцветное вино.

— Он пришел в себя, — констатировал Афиноген.

Я откашлялся, и моими первыми словами были: «Где Лад?».

— Ушел, — ответил Сихаэль, и увел твоего двойника.

— Эйзэ хара! — сорвалось у меня с языка.

— Первый урок Лада не пропал даром? — пошутил протоиерей, и тут же прикусил язык. — Воистину не пропал, — тихо добавил он, рассматривая вынутые изо рта окровавленные пальцы.

— Кажется, я начинаю догадываться, — задумчиво сказал Сихаэль.

— О чем?

— Я ведь был свидетелем того, как уходила община.

— Расскажи.

— Я никому и никогда этого не рассказывал... В общем, те, кто уходили, были не люди. Это были — вон, как двойник его двойника... За Ладом шли фантомы. Генерал со своей зазубой... Они оказались в конце процессии, их убили, а они, как ни в чем не бывало, встали и пошли... И в остальных стреляли, а им ничего не делалось... Лад шел той же самой странной походкой, что и сейчас... Вова, ты ведь хотел встретиться с ушедшими?

— Почему Лад не пригласил и меня? Я очень хочу увидеть своего брата, — возмутился Афиноген.

— Встретим Лада в следующий раз, обязательно спросим об этом. Смотрите-ка: Локи молчит. Репех, на тебя это непохоже. Что-нибудь случилось?

— Когда Вовин двойник высунул из воды голову, я хотел пошутить, но неожиданно оцепенел и не смог, ни пошевелиться, ни, даже что-то сказать. Ох, и силен же этот Лад. Кто вообще он такой?

— Кое-что мы поняли (Это Афиноген). Мы поняли, КАК он увел людей. Осталось понять, КУДА.

— Для этого нужно, используя его методику, сделать двойника и походить им туда-сюда (Это Сихаэль). Авось, что-нибудь получится!

— Я пока пас! (Это я). — Я уже находился... Мне нужен отпуск!

— Я не играю (Это Репех).

— Естественно, ведь ты — не человек. Итак, кто пойдет?

— Предлагаю жребий. Камень-ножницы-бумага. Знаешь такой?

— Раз, два...

Сихаэль предпочел «ножницы», у Афиногена выпала «бумага», и он страдальчески сплюнул.

— Вот так всегда... Локи, подстрахуешь?

Афиногенов двойник вышел мало похожим на человека.

— Что это за каракатица у тебя получилась?

— Вам его видно?

— Видно, и мы его боимся. Неужели, это твоя суть?

— Он изменился, когда я прошел посвящение в лицее Трисмегист. Тогда же я стал герцогом Валефором... Дела давно минувших дней... Потом расскажу.

— Ладно, — лицо Сихаэля изобразило отчаянную готовность ко всему, и двойник его двойника сделал несколько решительных шагов в одну сторону, потом развернулся на одном месте и повторил столько же в противоположную.

— Не та походка! — Крикнул Афиноген. — Больше крути тюрнюр!

— Тюрнюр — это что?

— Подушечка под задницей у дам конца девятнадцатого века.

Сихаэль прошелся еще раз.

— Фигня это все, причем здесь походка?..

— Может, разденешься до пояса?

— А может, полностью?

— Ребята, у нас кризис жанра! Что следует делать в таких случаях?

— Расслабиться и предаться удовольствиям, а когда придет время, идея сама нас найдет!

— Или нет!

— Или нет, но будем надеяться!

И мы снова сели за стол, а с неба тихонько начало журчать восхитительное анданте фамажор. И тут голос подал ранее молчавший Бах.

— Господа, в чем, собственного говоря, проблема? Извините, что я вмешиваюсь...

Все посмотрели, почему-то, на Афиногена, и тот, прокашлявшись, толкнул восхитительную пятиминутную речь, наполненную деепричастными оборотами и

сложноподчиненными предложениями, но никак не проливающую свет на происходящее.

— Тебе бы политиком стать, — не скрывая удивления, заметил Сихаэль, — надо же, так запутать простой вопрос, что даже я, прекрасно зная, в чем дело, увяз в твоём хитросплетении слов.

— Видите ли, — продолжал композитор, — я не силен в магии, но кое-что смыслю в музыкальной композиции, и вот, что я вам скажу. Многие музыкальные произведения, как вы знаете, состоят из двух частей — прелюдии и фуги. В чем разница между ними? Первая более сообщает о факте, отвечая на вопрос: «Что?», вторая склонна обсуждать этот факт, поднимая вопрос: «Как?». Так вот, уважаемый Афиноген, ваше повествование — скорее фуга, содержащая много подробностей, скрывающих от непосвященного ума главную тему. Понимаете, о чем я?.. Попробуйте отбросить полифонию, контрапункты и сосредоточиться на главном. Я достаточно ясно выражаюсь?

— Более чем... Спасибо, маэстро. Итак, суть дела такова. Тот, которого мы называем Ладом, а вы — Винкелем, некоторое время назад увел около сотни человек в иной мир, а мы пытаемся их найти. Мы полагаем, что, найдя ответы на вопросы, которые вы изволили затронуть: «Что он сделал?» и «Как он это сделал?», мы найдем наших друзей. Кстати, откуда вы знаете этого... гм, человека?

— Когда мне было пятнадцать, я увлекся творчеством модных тогда композиторов — Пахельбеля и Фробергера. С большим трудом достал ноты их произведений и стал потихоньку по ночам при свете Луны переписывать их в свою тетрадку. Но, ох этот несносный Иоганн Кристоф, мой старший брат! Он отнял и ноты, и мои записи и сжег их! А следующей ночью мне явился этот странный человек в этих странных штанах и голый по пояс и сказал, что, мол, это все пустое, и что мне стоит заняться глубоким изучением полифонии. И так я стал тем, кем стал. А еще он указал мне дверь в этот мир, где ко мне возвращаются силы, как в молодости. Он представился как Винкель и приходил ко мне еще несколько раз. Больше я ничего о нем не знаю. Кстати, сегодня, он намекнул, что, кроме всего прочего, я просто обязан переписать одну из своих старых фуг... Но, по-видимому, это вам неинтересно. А по поводу вашей проблемы... Сихаэль, мне кажется, дело в том, что лично вы ведете двойную игру... Я это чувствую, хотя вас совсем не знаю...

— Как вы это определяете? — полюбопытствовал Афиноген.

— Я ведь музыкант... По тончайшим оттенкам в интонации, — по лицу маэстро скользнуло подобие улыбки. — Это трудно объяснить словами, но когда-нибудь, если мы встретимся, я продемонстрирую вам свое умение вживую. И, похоже, Винкель об этом тоже догадывается.

— Это вы тоже определили по интонации?

— Конечно... Ну, что же, я, пожалуй, пойду. Спасибо за приятное знакомство, вкусные кушанья и повод для размышлений. Знаете, я наверное, посвящу сегодняшней встрече прелюдию и фугу... И они будут написаны в ре-миноре... Ауфвидерзейн, фраунде!

— Вот и нам повод для размышлений, — проговорил Репех. — Ладно, Сихаэль, давай, колись... В смысле, сознавайся!

— Мне не в чем сознаваться, я бы не назвал это двойной игрой!..

— Что «это»?

— Свои отношения с конторой. Мы же все мыслящие люди! Я рассчитывал, если что, заявить, что внедрялся в вашу банду...

— Банду?

— Для конторы вы — банда... Извините. Должен же я был обеспечить себе путь к отступлению! Но это не значит, что я бы вас предал! Я — за прогресс, за духовное развитие, я вообще за вас... Вы — такие классные ребята!

— А что значит, «если что»?

— Если контора заподозрит меня в сговоре с вами, ну, и все такое.

— Ладно, Сихаэль (Это Афиноген)... Кстати, как твое настоящее, гражданское имя?

— Марк... Марк Фургун.

— Фургон!

— Так меня дразнили в детстве.

— Откуда родом?

— Из-под Могилева. Я потомственный колдун! Мне передала свои умения бабка по матери. Знахарка была, целительница...

— Отныне ты у нас на строгом контроле! — внезапно проявившийся посох Афиногена описал вокруг лица колдуна почти правильную окружность и опять пропал.

— Ой! — воскликнул тот, хватаясь за голову.

— Все нормально. Качественная магия действует лучше любых электронных браслетов. Эта штуковина реагирует не столько на действия, сколько на замыслы. На чистые намерения, добрые чаяния, мечты и фантазии она не отзывается, но, если ты замыслишь что-то дурное, сразу даст мне знать.

— Да кто дал тебе право меня судить? Мало ли, что сдуру втемяшится твоей клюшке? Моя жизнь будет зависеть от прихоти какого-то дрына? Не бывать тому!

Сихаэль сделал несколько движений руками, будто гребков брассом, и затем резко вытянул их ладонями вперед. Раздался глухой звук, напоминающий удар ногой по футбольному мячу, и море покрылось мелкой рябью, как если бы над ним захлопали крыльями птицы. Мне запорошило глаза, но сквозь слезящиеся полуприкрытые веки я увидел, как Репех устроился поудобнее, с лукавым видом закинул ногу за ногу и извлек из воздуха бутылку виски «Баллантайнс» и дымящуюся гаванскую сигару. Афиноген же стоял неподвижно, и, казалось, не обращал на своего визави внимания.

Я хотел встать между ними, и даже сделал шаг вперед, но у меня перед глазами поплыло еще больше, голова закружилась, и, проваливаясь в туман, я еще смог услышать фразу Репеха: «Эй, вы, Володе плохо. Неспроста же этот полуголый увел у него двойника!».

XXII. Отражение

Постепенно туман из серого стал сизым, а потом и вовсе растаял. В голове маршировал полк солдат в кованых сапогах, во рту еще не начали уборку после ночлега стада коров, а желудок и остальной ливер тщательно выкручивали заботливые руки злых уборщиц. Но, самое главное, я был жив, и это не могло не радовать. Я, то ли висел, то ли падал в полной пустоте, а рядом, тем же самым был занят пристально глядящий на меня Лад.

— Долго это будет продолжаться? — мысленно спросил я у него.

— Пока не пройдешь последнее испытание.

— Последнее ли?

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

— В чем оно заключается?

— А в чем заключались предыдущие?

— То есть, ты хочешь сказать, что мне надлежит вот так висеть и чего-то ждать?

— Не хочешь — не виси и не жди.

— Скажу честно: «Мне очень хочется тебя ударить!».

— Что мешает?

Во мне вскипела злость, и со словами: «Что я тебе плохого сделал? Что ты надо мной издеваешься?» я, что было силы, засадил ему прямо в челюсть, интуитивно ожидая, что кулак войдет в пустоту. Однако, Лад, видимо, все же оказался существом из плоти и крови, и в результате удара я лишил его четырех зубов, а себе рассадил руку так, что солдаты в голове на мгновение застыли, а потом, быстро сменив кирзовые сапоги на чугунные, рванули бежать кто куда.

— Жданó! — сплевывая кровь, пробулькал Лад.

— Что?

— Ты все по́няй, ты вы́пойний жада́ние...

Потом ручейки крови в углах его рта высохли, во рту заблестели новые зубы, и он, уже не шамкая, повторил:

— Ты выполнил задание.

— Извини, но ты сам виноват!

— Считай, что ничего не было. Ладно! Милости просим в настоящую духовную реальность!

— В ней же ничего нет!

— А что в ней должно быть? Ангелы? Если хочешь, запускай ангелов, запускай демонов, запускай кого хочешь!.. Здесь ты полновластный хозяин. Вернее, здесь хозяйка — твоя душа; что она возжелает, то сразу же произойдет.

— Я пытаюсь сотворить ангелов, но у меня ничего не получается.

— Если старания идут от головы, они бесполезны. Сейчас ты придешь в себя и начнешь созидать душой, а я буду рядом.

— Все время?

— Неуместный вопрос. Итак!.. Ого, розово-золотой закат на полнеба... Пронзительно-чистый воздух... Паутинки с каплями росы, как с жемчужинами... Да вы, сударь, настоящий поэт!.. А это что? Сломанные ветви прямо вдоль тропинки? ... Я не удивлюсь, если сейчас под ногами появятся обрывки газет, дырявые полиэтиленовые пакеты, окурки и пивные

бутылки! А вот это здорово: киоск с жареными пирожками! Смотри-ка, здесь и с картошкой, и с капустой, и с печенкой!.. Ба! тут и пиво есть! С удовольствием составлю тебе компанию и побалуюсь «Жигулевским»...

— Я закурю?

— Конечно-конечно! В своем мире делай, что хочешь!.. Это твои родители? Сейчас они выглядят не старше тебя.

— Это папа и мама. Мы сейчас в парке. Когда-то мы приезжали сюда каждое воскресенье. Ах, как чудесно!

— Я пока отойду, а вы поворкните...

Мы не стали ворковать, я просто обнял родителей — обоих сразу и простоял так долго-долго, вдыхая давно забытые запахи папиного лосьона после бритья и маминых духов. Они знали все, и потому улыбались и молчали. Я понимал: они знали, что я знаю, что они знают все, и мы молчали о многом, но не обо всем. Кое-каким мыслям я даже не позволял возникнуть у меня в мозгу, хотя мне страшно хотелось спросить, каково им ТАМ, и знают ли они, что их уже нет. Они были, как живые — теплые и добрые; из моих глаз брызнули слезы, и я стал шмыгать носом. Их очертания расплылись, а когда я протер глаза, возле меня никого не было, только неподалеку стоял Лад и взглядом указывал мне на чью-то приближающуюся фигуру. Ее походка показалась мне знакомой, я принялся быстро перебирать в уме имена и образы бывших приятелей и сослуживцев, но так и не угадал, а уже через полминуты пожимал руки улыбающемуся на все тридцать два зуба Валику Барницкому. Рукопожатия сменились похлопываниями по спине, а те, в свою очередь — крепкими мужскими объятиями. На Лада он не обратил никакого внимания.

— Тебе этот субъект знаком? — вопрошаю, указывая на него.

— Какой субъект?

— Да вон же стоит, голый по пояс.

— Я никого не вижу... Ну, да ладно. Ты-то как здесь оказался?

— Где это: здесь?

— В парке, разумеется... Какое у тебя странное выражение лица!

— А парк где?

— Как это, где? В нашем городе. С тобой все в порядке?

— Ты ведь был на Гее? А сюда как попал?

Валик посерьезнел.

— Ты мне не нравишься! Знаешь, что: иди домой и для начала померяй температуру.

— Ладно, я пойду домой, но ты мне сначала скажи: ты хорошо помнишь свой сегодняшний день?

— Конечно. Утром мне позвонил коллега и просил проконсультировать по вопросу новых микросхем, которые поступили к нам вчера. Я его обругал, потому что о таких вещах нельзя по телефону. Потом мы созвонились с Володей...

— Каким Володей?

— С нашим соседом Володей Белостоцким! И договорились встретиться здесь через... — Он посмотрел на часы — три с половиной минуты. Да вот и он!

И впрямь, к нам приближался Володя-Боголеп, походку которого невозможно было спутать ни с какой другой. В детстве мы называли ее оптимистической: он всегда ходил вразвалку, твердо ставил ногу на пятку, а колени поднимал не очень высоко, отчего часто спотыкался. Он издали помахал нам рукой и, подойдя, без всяких приветствий тут же

предложил: «Ну, что, по пиву?». Мы с Барицким закивали и промычали что-то утвердительное.

— Мы часто здесь встречаемся по выходным, — начал разговор Валик, — поскольку живем в противоположных концах города, а этот киоск находится практически посередине. Хотя, здесь не всегда есть пиво. Но сегодня нам повезло.

— Когда мы виделись в последний раз? — Я придумал хороший вопрос, ответ на который должен был пояснить многие обстоятельства.

— Дай припомнить... Прошлым летом! Где-то в августе...

— Не помню... И чем мы занимались?

— Пили водку. Это был день рождения Белостоцкого. Он еще жаловался, что выпустил автореферат своей диссертации, но в ученом совете что-то мудрили, все время откладывали сроки защиты... В конце концов, она не состоялась...

— А ты?

— Я рассказывал о своих электронных изобретениях и сетовал, что меня подсиживают и ущемляют, а ты давал советы, рекомендовал бороться с несправедливостью и приводил в пример себя. Рассказывал, как в результате тебя понизили в должности, из ведущего инженера сделав инженером первой категории, но истина все-таки восторжествовала... Вспомнил?.. Володь, ты с Луны, что ли, свалился? Ты, часом, не болен?

— Ребята, а как же Гея, община, Ядринец и Казимирович, наши жены — Светлана, Лагода и Добронрава?

Витослав и Боголеп переглянулись.

— Вова, ты, наверное, пива не пей, а иди лучше домой и поспи.

И тут я обратил внимание на их глаза: зрачки были не традиционно блестящими, а бархатисто-черными, и свет не отражали. Мне подумалось, что это, скорее, не глаза, а провалы, дыры в пространстве. Стало страшно. Сзади тихонько подошел Лад и хлопнул меня по плечу.

— Идем. Сеанс окончен.

— Что это было?

— Демонстрация того, как сложились бы ваши судьбы, если бы Витослав и Боголеп не встретили Ядринца.

— То есть, они не настоящие?

— Конечно! Они — продукт деятельности твоего подсознания, равно как и вся обстановка вокруг — лес, тропинка, киоск...

— А где настоящие?

— Вопрос, конечно, интересный... Их нет... В конце концов, что ты больше стремишься найти: их тела, или души?

— И то, и другое в комплекте. Пожалуйста, не наводи тень на плетень, когда-то ты сам меня заверил, что мои друзья живы! Ты — порождение Паруса, про который псевдо Гагтунгр сказал, что он — высшее растение, цветок, поглотивший целую общину обитателей Геи и ныне охотящийся и на Земле за всеми, кто имеет к ней отношение.

— Ну, во-первых, это говорил не сам Гагтунгр, а порожденная тобой его ментальная проекция; по сути, ты говорил это сам себе, чем, собственно, занимаешься и сейчас. Парус, в известной степени, еще можно назвать зеркалом души, это одна из его функций.

— Расскажи про остальные функции Паруса!

— Другая, не менее важная его миссия — очищение. Ты мог бы и сам догадаться, что

Парус — это фильтр, делающий твоё мировосприятие более правильным. В моменты, когда это происходит, ты чувствуешь себя ребёнком. На прошлой неделе, в среду, к примеру, ты летал...

— Но я летал не физически, если можно так выразиться, душой. А Витослав, когда мы виделись в последний раз, натурально влетел ко мне с Геей прямо в квартиру!

— Это совсем разные вещи. Сформулируй свой вопрос правильно.

— М-м-м... Скажем так: я сейчас разговариваю со своим отражением в необычном зеркале, или с самим зеркалом?

— Конечно, с отражением. Но ответы на вопросы ему подсказывает зеркало. Отсюда ещё одна функция Паруса: создание дополнительной реальности, некоего бесконечного пространства, в котором разворачивается самая главная часть происходящих с тобой событий.

— Каковы цели Паруса?

— Цели есть только у людей, у сил природы нет целей.

— Не понял!

— Все очень просто: ты нашел в лесу мухомор, съел его и отравился. Быть ядовитым и травить людей — это цель мухомора? Или это просто его свойство? Если бы геяне не совались в Парус, для них все пошло бы иначе.

— Я опять задам вопрос, от которого ты постоянно уходишь. Что с ними случилось? Живы ли они в том смысле, который обычные люди вкладывают в это слово? И, если да, то, как их найти, а если нет, то где их тела? Гагтунгр сказал, что они в Вальхалле...

— Общей Вальхаллы для всех не существует. Каждый может попасть в свою, и для этого необязательно умирать, но там он встретит не своих друзей и родственников, а их проекции, наподобие тех, с которыми ты только что общался. А по поводу тел и душ... Ты хочешь сказать, что Парус — убийца? Мне кажется, он не заслужил даже мысли об этом!

— Тогда ответь на вопрос прямо, и я перед ним извинюсь!

— А передо мной?

— Ты ведь — только отражение... Ладно, и перед тобой тоже. Итак!

— Они живы, но...

— Что но?

— Ты проснулся и сперва отчетливо помнишь сон, но вскорости его забываешь. Вот так и они: сначала они помнили сон, которым спали на Земле и на Гее, а потом проснулись.

— Они забыли всё?

— Ну, почти всё...

— Как мне трудно с тобой. Давай, напрягись ещё чуток и скажи, где они? А там я уж сам разберусь.

— Не разберешься.

— Почему?

— Ты тоже проснешься.

— Можешь отвести меня к ним?

— Нет, ты не сможешь пойти вслед за мной, ты ещё не готов, тебе осталось постичь самую малость. Лучше пей пиво с друзьями. На этот раз я сказал тебе всё.

И он исчез, а я направился к пивному киоску и оглянулся. Валик и Володя, в течение разговора с Ладом стоявшие поодаль и выжидающе смотревшие на меня, медленно двинулись следом.

XXIII. Фрустрация

В этот миг я почувствовал, что очень устал, безумно устал, невероятно устал. Вспомнился один сюжет из прошлого. Майская ночь в Тунгоре. Я лежу на верхнем этаже двухъярусной кровати и считаю овец. Мне не спится. Накануне днем я изнывал от жары, а сейчас стучал зубами от холода, да плюс еще семичасовая разница во времени... Наверное поэтому, я успеваю среагировать и выскочить на улицу после первого же толчка. И гиляк Руй Петров успеваает. А вот, Ваське Сомову не повезло, его откопали только к полудню... Очень хорошо запомнился не столько гул и грохот, сколько ощущение бессмысленности всяких действий, когда не знаешь, сколько продлится этот кошмар, куда бежать и что предпринять. Так было и в этот раз: обстоятельства крутили и вертели мной, как сами того хотели, а я чувствовал себя мухой, попавшей в пылесос.

— Что приуныл? — хлопнул меня по плечу Володя.

— Да вот, вспомнил Тунгор. Помнишь, я когда-то рассказывал?

— Угу, — промычал тот, но по его лицу было видно, что он не понимает, о чем идет речь.

— Девяносто пятый год, Сахалин, землетрясение. Говорят, тогда было не менее шести баллов, а в Нефтегорске — все семь. Я по пути в Нефтегорск заехал в Тунгор, чтобы тоже взять анализы тамошней нефти на неорганические хлориды, да там же и заночевал...

— И что?

— Судьба играет со мной в русскую рулетку. Сейчас я так же переживаю чувство полной беспомощности, когда от меня не зависит ничего.

— А раньше зависело?

— В той или иной степени.

— Все это иллюзия. От тебя вообще никогда ничего не зависело.

— А от тебя?

— Ни от кого ничего никогда не зависело.

— Здесь я бы поспорил!

— Уверен: спорить бессмысленно!

— Ребята, вам что, делать больше нечего? — вмешался в диалог Валик. — Гляньте, какой чудный вечер, попробуйте, какое сегодня изумительное пиво! Жизнь хороша! Будем здоровы!

И он по очереди, чокаясь, приложился своей кружкой к нашим.

— Нет, постой! — Володя упорно продолжал гнуть свою линию. — Я намерен доказать вам свою правоту!

— Хорошо, — вяло согласился Валик-Боголеп, — только на все про все даем тебе одну минуту... — Лицо Володи вытянулось. — Ну ладно, две. Начинай! — И он сделал большой глоток.

— Запросто уложусь и в минуту. Засаекаем время. — Володя повернулся ко мне. — Ты почему пошел пиво пить? Просто захотелось? А известно ли тебе, что твое желание, как и любая другая эмоция, есть результат химических реакций в твоём организме? Заявляю это тебе со всей ответственностью, как биохимик. Твои чувства не отражают свободу твоей воли, ими командуют неподвластные уму химические реакции... Смотрим на часы... Прошло менее двадцати секунд. У меня все!

— Какая разница, откуда появляется желание? — Валик сделал второй глоток. — Главное, что я его удовлетворяю и таким образом получаю наслаждение.

— Каковое тоже является химической реакцией, — закончил Володя. — Вова, ты опять вошел в медитацию?

Но я уже не слушал друзей, потому что у меня в голове появилась мысль — вернее, зародыш мысли, и я боялся его потерять. Он был связан с темой нашего разговора, которая каким-то образом переплеталась с моими размышлениями о Парусе... И вот, наконец: «Мне кажется, что я понял, чего хочет от меня Парус! (Если он вообще чего-то хочет!). Он хочет, чтобы я научился мыслить самостоятельно. И, наверное, это нужно для того, чтобы мной меньше командовали, как назвал их Володя, химические реакции, а более — личная воля».

— Ты сдал последний экзамен! — неожиданно провозгласили в один голос мои друзья и тихо растаяли в воздухе. Последнее, что я услышал, было восклицание Валика: «Мог бы дать нам допить пиво!». Через секунду растаяли кружки и столик, за которым мы сидели, а потом — деревья, кусты и закатное небо, а передо мной возник Лад.

— Не останавливайся на полпути, продолжай думать. Только учти: это не Парус стремится освободить твой ум, а ты сам. Парус никогда ни к чему не стремится!

— Как освободить? Для чего это нужно?

— На второй вопрос я, возможно, отвечу позднее, а на первый... Ты знаешь, что такое жертвование? Я имею в виду настоящее жертвование, когда во имя чего-то одного лишаешься чего-нибудь другого, когда фрустрируешь?

— Фру...

— Фрустрация — это когда ощущаются одновременно и невозможность достичь цели, и немыслимость отказаться от нее. Не понял? Ты едешь в автомобиле по хорошему шоссе с разрешенной скоростью. Допустим, девяносто километров в час, и видишь встречную фуру. В этот момент у впереди идущей машины вдруг открывается задняя дверь, и на дорогу выпадает ребенок. Ты понимаешь, что не успеваешь затормозить, и в течение доли секунды нужно принять решение, кем жертвовать — ребенком, или самим собой? Сбить малыша, или лоб в лоб столкнуться с фурой? Нравственность, этика и мораль предписывают жертвовать собой, и большинство опрошенных дает именно такой ответ. Но статистика говорит об обратном, и в подавляющем большинстве случаев суды выносят оправдательные вердикты.

— Так какой ответ все-таки правильный?

— В каждом конкретном случае это решает суд — то ли социальный, то ли суд совести, а сама проблема заключается в другом. Несмотря на воспитание, в критический момент нами командуют электрохимические реакции, и главная задача — осознание этого факта. Всегда можно, хотя зачастую сложно, найти то, что побуждает тебя к тем или иным действиям. Только регулярное наблюдение за собой и постоянное созерцание того, что личная воля — суть иллюзия, в итоге приносят свободу.

— Тогда вернемся ко второму вопросу: кому это надо и для чего?

— Уж точно, не Парусу. Боксерскому рингу все равно, кто из боксеров победит, а футбольным воротам безразличен исход матча. Причину можно найти только вовне этого реквизита, но я не советовал бы тебе этим сейчас заниматься. Может, позднее... Если захочешь, конечно.

— Члены Геянской общины тоже освободились?

— Да, и ты их скоро увидишь.

— А потом? Я вернусь домой, к жене?

— Скорее всего, Света сама придет к тебе, но это будет зависеть от нее. В таких вопросах решение остается исключительно за женщиной.

— И мы вернемся домой?

— Вы будете вольны в выборе. Но пока еще никто из тех, кто вырос из коротких штанишек, не изъявил желания вернуться в песочницу.

— Все-таки, я уверен, что ты что-то недоговариваешь. Я чувствую, как где-то сгущаются тучи, что предстоит битва каких-то титанов, но теряюсь в догадках, кто они, и вообще, из-за чего весь этот сыр-бор.

— Из-за счастья. Давай на минутку отвлечемся от философствований и обратимся к статистике. Что нужно всем людям без исключения?

— Ну... Здоровье, богатство, власть...

— Им нужно счастье. Каждый человек желает одного: пережить ощущение счастья, то есть, выражаясь химическим языком, увеличить количество циркулирующих в нейронах дофамина и серотонина. То есть, вся история человечества — просто поиск новых методов удовлетворения. Способов достижения этого состояния чрезвычайно множество: от самых примитивных — употребления наркотиков, до утонченных — наслаждения результатами творчества. Первый относится к разряду искусственных, второй — естественных. За каждым из них стоят свои силы, назвать имена которых было бы опрометчиво даже для меня. И не всегда первые считаются осуждаемыми, а вторые — поощряемыми. Могу только сказать, что они разделяются на светлых и темных, и это разделение не соответствует обычному делению на добро и зло.

— Парус, я так полагаю, светлая сила? А кто — темная?

— Не будем уточнять, для нас она — просто темная сила.

— Чем они различаются?

— Темная сила использует чужой потенциал: выпил таблетку — поймал кайф. Белая — собственный ресурс: вскопал шесть соток огорода — наслаждайся достигнутым.

— То есть, попить пивка в жару с друзьями — темный вариант?

— Да. Но абсолютно черное и совершенно белое в природе существуют только теоретически. На практике мы имеем их смесь типа: вскопал шесть соток — попил пивка. Самое гармоничное сочетание — семьдесят процентов белого к тридцати процентам черного, либо наоборот. На грубых уровнях все просто. Темные ненавидят светлых, мечтая получать удовольствие за чужой счет — выигрывать в лотерею или на тотализаторе, красть, грабить, плутовать, эксплуатировать, применяя силу. Светлые ненавидят темных и предпочитают наслаждаться плодами собственных трудов. И вот, недавно равновесие было нарушено, в баланс сил вмешался посторонний фактор, и окружающий мир начал заметно темнеть.

— Когда это случилось?

— Примерно, на рубеже тысячелетий.

Как это проявилось?

— Самое главное отличие темных сил от светлых заключается в том, что они желают получать сторонние услуги, а светлые стремятся все делать самостоятельно, своими руками и головой. Современные люди в любой развитой стране постепенно перестали стремиться иметь свое мнение и опыт, полагаясь на тех, кого они считают специалистами. Еще сто лет назад доктор сам умел изготавливать лекарства — порошки, пилюли и микстуры, а теперь? В лучшем случае, он знает формулу аспирина, но получить его самостоятельно из ивовой

коры, уксуса, пищевой соды, серы, хлора при помощи активированного угля вряд ли сможет. Кстати, твой друг Валентин Барицкий относится к тому редкому светлому типу, который может и компьютер собрать, и программу к нему написать. Улавливаешь, в чем смысл? Никто из семи с мелочью миллиардов людей, населяющих землю, толком не разбирается в политике, а полагается на правительства и партийных лидеров. А много ли ты знаешь людей, способных внятно объяснить, чем электрическое напряжение отличается от силы тока? Религии обросли суевериями, а знание таблицы умножения и умение сосчитать площадь круга приравниваются к чудесам.

Темные легко управляемы, потому что зависимы. Не желающие вести здоровый образ жизни, зависят от лекарств, не умеющие разбираться в социологии — от идей политиков. Профаны в экономике зависят от рекламы и слухов, невежды в психологии — от пропаганды. Если в древние века рабов заставляли работать силой, используя страх наказания, боли и смерти, то в средние и новые времена крестьян и рабочих принуждали работать, используя их экономическую зависимость от хозяина, распоряжающегося землей, заводом, плодами труда. Сейчас же наступает новое эра — эпоха управления подсознанием, в которой главной ценностью являются не свобода или деньги, а информация. Бесплатные сервисы в социальных сетях уже начали собирать данные обо всех жителях Земли, взамен скармливая им цветочки, котиков, голых баб, криминальные новости и катастрофы. Наступит момент, когда какие-нибудь гуглы будут знать о каждом больше, чем он сам знает о себе. И тогда они начнут возбуждать в людях желания и потребности, которые, по сути, тем не нужны. Вживленные микрочипы станут заботиться об их здоровье — следить за чувствами и эмоциями, давлением и уровнем сахара, искусственный интеллект будет исследовать их структуры ДНК и выполнять роль свахи. В итоге люди перестанут быть самостоятельным видом, хомо сапиенсами... В общем, ты понял.

Светлые силы пытаются этому воспрепятствовать, но пока перевес не на их стороне... Теперь ты знаешь все.

— Интуитивно я о чем-то таком догадывался.

— Голова не кружится? Как самочувствие? Теперь будет легче.

— Кстати, я совсем забыл... Может, ты знаешь, куда запропастились четверо бесплотных — Чоп, Пых, Анчутка и Пупик?

— Пупика ты оставил в Пата, остальных — в воронке мертвых миров. Доставить их сюда?

— Если тебя не затруднит...

— Пожалуйста. А сейчас ты можешь отдохнуть и расслабиться. Хочешь в горы? А к теплому морю? Что будешь пить? Текилу, Джим Бим, Баккарди, Будвайзер? А что кушать? Шашлык, омары, черная икра, расстегаи с жаворонками? Шучу, закрой глаза!

— Где мы?

Витослав улыбнулся.

— Это место создал ты, это Парус на Terre, и в то же время, это — бесконечное множество подобных мест. Ты соорудил некую матрешку, и сейчас оказался внутри нее. При желании здесь тоже можно создать мир и поселить в нем спору Паруса, а в ней — следующий мир... и так сколько угодно раз. Вселенная бесконечна.

— То есть, Парус на Гее — главный, содержащий в себе остальное бытие?

— И да, и нет. Из него тоже можно выйти и оказаться в предыдущем Парусе, о котором ты и не подозревал. И так тоже много раз. Матрешка из любой точки продолжается в обе стороны... Ты ведь сказки читал?

— При чем тут сказки?

— Ну, как же... игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце...

— А на конце иглы — смерть. Значит, конец все же существует?

— Конец иглы, он же игольное ушко — всего лишь символ потери материальности, и для обладающих физическим телом — это, действительно, предел, но, без особой необходимости нам соваться туда и не стоит. А яйцо — не простое, оно золотое. Это Солнце, это пасхальные крашенка и писанка, это — шар-яблоко в основании креста на луковице любого православного храма, это яйцо Брахмы и еще много чего. Вот, он знает, — Володя кивнул в сторону приближающегося к нам Афиногена. — И еще вот он, если не знает наверняка, то догадывается, — кивок в сторону ошалело крутящего головой во все стороны Сихаэля.

— Твои бесплотные тоже здесь. На этом кончается их бестелесное существование, и по возвращении они обретут плоть.

— Хозяин, мы тебе бесконечно благодарны! Станешь нашим другом, когда вернемся? — прочувствованно произнес Анчутка за всех.

— А вот и все наши, — Витослав, повернувшись, описал рукой в воздухе широкую полудугу. — Знакомься лично: Ядринец, он же Ян Станиславович Ковалевский, он же, по совместительству, повелитель стихий верхнего мира и бог нашей общины!

Ян пожал мне руку, и они с Афиногеном обнялись.

— Мы знали, что вы придете, — проговорил он, глядя через Афиногеново плечо.

— Откуда? Кто вам сказал? Лад? Ну, этот, с голым торсом, как Игги Поп — тот который привел вас сюда?

Ядринец промолчал и только пожал плечами.

— Это Дончо, по образованию математик, — Володя-Витослав обнял за плечи смуглого улыбающегося парня.

— По образованию и по профессии! — Уточнил Дончо. — Когда-то я считал, что математика может описать все на свете.

— А сейчас?

— Сейчас просто уверен в этом. Мы со Слободаном, физиком когда-нибудь создадим универсальную теорию всего!

— Без меня не обойдетесь! — к нашей группе, руки за спину, с ехидным видом примкнул еще один участник. — Я Певень, химик и социолог. А еще я — движущая сила

всяческих начинаний, я тот, кто не дает своим коллегам обрастать мхом. В нашей академии наук есть еще биолог... Кстати, где он?.. Тихомир!.. Опять где-то бабочек ловит...

— Ваши боги с вами?

— Не совсем... Происходящее давно вышло за рамки их компетенции, и по поводу пантеона надо что-то решать...

Витослав осекся и замолчал.

— Разве так бывает? Что собственно произошло?

— Над человечеством начала постепенно нависать тройная угроза: оно рискует сгореть в пепле ядерной войны, погибнуть от голода и жажды вследствие глобального потепления, или пасть жертвой последствий информационного прорыва. Чтобы это предотвратить, нужно глобально изменить коллективную мораль, но на это не способны ни современная наука, ни религия. То есть, наука пока не может (он сделал ударение на слове «пока»), религия — уже не может (ударение на слове «уже»).

— С этого места, пожалуйста, поподробнее. Почему нужно менять мораль?

— Названные мной проблемы настолько велики, что совладать с ними можно, только сплотив все народы.

— Так уж все?

— Во всяком случае, те, от которых зависят мировая политика и мировая экономика. Ибо каждое государство в первую очередь намерено блюсти только собственные, национальные интересы.

— Насчет ядерной угрозы, я думаю, все не так плохо. Человечество уже не понаслышке знакомо с последствиями атомных бомбардировок.

— Ты имеешь в виду Японию, сорок пятый год? Но неумолимое время постепенно стирает остроту впечатлений, и кое у кого уже начинают появляться идеи, что если начать первым... При этом не обязательно применять именно ядерное оружие, сгодятся любые средства массового поражения — химические, биологические, какие-нибудь другие, доселе неизвестные. Во многих странах вовсю работают секретные лаборатории. Поэтому у нас есть два пути — создание альтернативного общества и массовая пропаганда новых отношений — то, чем мы занимались доселе, либо открытый силовой конфликт с темными.

— Кто решает?

— Никто. Одно не исключает другое.

— То есть, впереди магические баталии, сражения и дуэли?

— Своего рода. Дело в том, что просто победить темных невозможно — все равно, как если бы северный полюс магнита взял верх над южным. Это означало бы исчезновение самого магнита. Естественно, темные тоже не в состоянии победить светлых, но уничтожить мир — запросто! Нас устраивает только вечная ничья, бесконечный бой, поражение, как и победа, означает проигрыш. Некоторые древние славянские духовидцы разных эпох и разных вер это прекрасно понимали, а один из них, иконописец Андрей Рублев, расписывая в пятнадцатом веке Успенский собор во Владимире, создал фреску «Борьба Иакова с ангелом». На ней ангел, имитируя поединок, на самом деле поддерживает всерьез борющегося Иакова. Смекаешь?

— То есть, мы в роли ангелов? Ничего не скажешь, скромненько...

— Таковы не нами выдуманная обстоятельства: Парус из всех возможных кандидатов выбрал нашу общину, подверг нас испытаниям и заставил расти над собой...

Неожиданно нашу беседу прервал странный звук, напоминающий громкий удар по

футбольному мячу — «плуп!», и рядом с нами образовалась глубокая яма диаметром не менее трех метров. От неожиданности я вздрогнул и присел, а Володя прикрыл ладонью глаза.

— Что это?

— Обстрел. Давай немного отойдем.

— Кто это стреляет?

— Темные, кто же еще?

Я подошел к краю и заглянул вниз: глубина оказалась немаленькой — метров десять, не меньше. Еще один «плуп!», и невдалеке разверзлась еще одна впадина. Потом невидимые футболисты пошли в атаку, используя дриблинг. Хлопки участились, но стали не такими громкими, ямы стали меньше, и не каждый «плуп!» рождал новое углубление. Я не выдержал.

— Почему мы ничего не предпринимаем?

— Например?

— Ну... Я не знаю. Почему мы не стреляем в ответ?

— Пожалуйста, стреляй.

Я открыл, было, рот, чтобы что-то сказать, но у меня в руках появился заряженный блочный арбалет, и я, повинувшись какому-то порыву, тут же нажал курок. Тетива бзденькнула, и стрела рванулась ввысь.

— Полегчало?

— Я куда-то попал?

— А куда ты целился?

— Никуда.

— Вот тебе и ответ.

— Что здесь происходит? Что это за место?

— Ты уже спрашивал, а я уже отвечал. Если тот ответ тебя не устроил, вот тебе другой: это бардо. Здесь исчезают различия между материей и духом, здесь все материально и нематериально одновременно, здесь любое намерение становится действием, здесь любое отношение к объекту или субъекту изменяет их внешний вид. Здесь духовный язык и язык физического мира — одно.

— Как это?

— «Ты пришел в лес», и «ты пришел к выводу». В обоих случаях здесь употребляется слово «пришел», но в обычном мире им обозначаются разные действия. А здесь — одно и то же. Ты только что в этом убедился, когда стрелял... Не понял? Ничего, привыкнешь! Или такие примеры: В словах «сокровенное», «откровение» и «кровь» один и тот же корень... Или «искусство», «искусственный» и «искушение»...

— «Кусок» и «Укусить»!

— Bravo! Здесь все, что на первый взгляд кажется странным, при ближайшем рассмотрении приобретает глубочайший смысл.

— То есть, если я захочу взять то, что, по моему мнению, мне справедливо причитается, то здесь я это откушу?

— Почувствовав соблазн — искушение и применив искусство — способность умело, искусно подделывать реальность.

— А что значит «стрелять»?

— Просто стрелять, пронзать. Сравни: «стрела», «острие»... Только что в нас не

стреляли, нас бомбили: «Бом, бом, бом!».

— Удивительно и странно, но логично и символично! Чем нас бомбили? Взрывов, как таковых, не было.

— Камнями. Твердыми, неизменными установками, ни из чего не вытекающими утверждениями, принципами. С тобой бывало, что ты, исчерпав все логические аргументы, переходил к более простым и доходчивым, типа: «сам такой!»?

— Неоднократно.

— Это, как раз, такой же случай. Кстати, откровенные бомбежки для темных не типичны, и они прибегают к такому методу редко, тем более, что он не наносит никакого ущерба.

— Чего они добиваются?

— Разобщения. Тебе знаком лозунг: «Разделяй и властвуй»?

— Конечно.

— Его придумали темные. Разделять легче, чем объединять. Если раньше они внедряли в коллективные сознания расовые, или имущественные различия, то теперь взялись за более тонкие слои — культуру и традиции, особенно в вопросах эмиграции...

— Ой! Мои джинсы, футболка... Что с ними, куда они делись?

— В бардо одежда — это то, что призвано скрывать твою настоящую суть. Евангелист Матфей как-то упомянул слова Иисуса: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

— То есть, не сопротивляться стремящемуся помочь мне познать мою истинную суть... С этим надо переспать!

— И не один раз.

— Скажи, вы нашли счастье?

— Мы обрели покой и умиротворение.

— Ага, особенно когда вас бомбят!

— Для душ, которые проходят очищение, это не помеха.

— Как долго будет длиться это очищение?

— Спроси чего полегче...

— Кто командует этим парадом?

— Скажу честно: не знаю, и Мокошь не знает. Может, это карма...

— Ладно. Что нам делать? Кто-то выдаст задание, или как?

— Пока ничего. Побудьте у нас. Неспроста же вас сюда привели.

— Кто привел?

— Не знаю. Скажем так: обстоятельства.

— Что значит, очищение души? Как оно выглядит?

— Нужно стараться неукоснительно соблюдать простые правила. Первое — это прощать самого себя. Ничему в самом себе не огорчаться и ничем своим не гордиться. А еще быть простым ни о чем с самим собой не договариваться...

— Это как?

— Не делать для самого себя вид, что чего-то нет, когда оно есть, и что оно есть, когда его нет.

— Мудрено!

— Ничуть! Не притворяться, что не обиделся, когда огорчили, и не симулировать веселье, когда на самом деле грустно. Вообще, не обманывать самого себя. Второе: задавать

самому себе вопросы и искать на них ответы. Третье: не хранить верность самому себе.

— Не понял.

— Все ты понял. Думай сам. Обратись за разъяснением к самому себе и постарайся отыскать ответ. Четвертое: не оценивать себя и других, не сравнивать себя с другими и других между собой. Я думаю, этого для тебя пока достаточно.

— Могу ли я каким-нибудь образом пригласить сюда Свету?

— Если она сама захочет... Да вот и она. Не бойся, она настоящая!

Часть вторая. Апокатастасис

— Учти, — Ядринец придирчиво оглядел меня с головы до ног, — там, куда ты направляешься, ты будешь совсем другим человеком — без роду-племени, без памяти и без старых друзей. Может быть, ты будешь молиться иным богам и верить в другие идеалы. Но две вещи останутся неизменными — это твоя любовь к жене, которую там, коре всего, будут звать по-другому, и стремление к цели, которую, увы, ты не будешь осознавать полностью.

— Света отправится вместе со мной?

— Я думаю, это будет лучшим вариантом. Мы долго обсуждали с ней этот вопрос, она все поняла и дала согласие. В этой командировке мы не сможем сохранить тебе память, но постараемся восстановить ее по возвращении. Это нужно, во-первых, для того, чтобы тебя не смог обнаружить противник, чтобы даже во сне или под пытками — да хранят тебя боги, конечно — ты не смог бы выдать тайну. Но, самое главное не в этом. Изменяя историю мира, ты правишь и свою собственную, корректируешь свое личное прошлое. О какой памяти тогда может идти речь? Никто из наших, — тех, кого ты выберешь своими компаньонами, также не будет помнить, ни кто он, ни откуда взялся. Но, я надеюсь, вы все равно найдете друг друга. Ваше время назначения — тринадцатый век, ваша задача — если не предотвратить, то хотя бы чуточку смягчить последствия монголо-татарского нашествия и тем самым уменьшить славяно-монгольское кровосмешение. По мнению высших светлых сил, в будущем это предотвратит многие наши подсознательные всплески неконтролируемых эмоций и первобытной дикости. История переписывается с чистого листа, и, возможно даже, не состоятся многие войны.

— А вдруг мы превратимся в ботанов, и не произойдет завоевание славянами Сибири, Кавказа и Дальнего Востока, не возникнет Российская империя, а многочисленными русскими княжествами до сих пор будут управлять варяги, не случится революция семнадцатого года, гражданская война... Насколько я знаю, не мы, а на нас все нападали во все века. Может, не у славян, а у римлян, германцев или поляков следует воинственности поубавить? Мне не по себе. Это авантюра!

— В последние пятьдесят лет весь мир начал было объединяться и разоружаться, но совсем недавно этот процесс почему-то пошел вспять. Уверен, что мы приложили к этому свои длинные руки. Думаешь, наши государство и православная церковь — белые и пушистые? Почитай внимательно новейшую историю. Кроме этого, никто не может предугадать заранее, как все обернется. Поэтому наша община останется вне времени и будет наблюдать за происходящим. Если что, мы придем на выручку, где надо — подправим... Но это в исключительном случае. В конце концов, избавление от ига — всегда к лучшему. Итак, кого ты берешь себе в помощники?

— Витослава и Боголепа...

— Только Витослава. Боголеп останется здесь. Еще?

— Афиногена, Шемяку... А скольких можно?

— Я думаю, восьмерых-десятерых. Казимировича возьмешь?

— Он почему-то мне не очень симпатичен... Только ему не говори... Лучше Витовта.

— Ладно. Кого еще?

— Борича, Любочада, Велимудра, Шукишу... Не вызовет ли наше неожиданное

появление кривотолки?

— Не вызовет. Просто ваши сознания вселятся в уже готовые тела с реальными биографиями, и никто из тамошних окружающих ничего не заподозрит. Рекомендую еще взять Вячеслава, нашего бывшего генерала, и рабби Менахема.

— Согласен.

— Тогда готовьтесь!

Меня разбудил голос Боголепа.

— Вставай, соня! Как тебе в новом теле?

— Ян страдал меня потерей памяти, а я все прекрасно помню!

— Ты еще не сделал ничего, что изменило бы историю.

— Кто я такой в этом мире?

— Ты Сорган, поденщик из племени Сулдус. Твоя задача — сделать жест: указать пальцем на человека, которого ты увидишь сидящим в воде с колодкой на шее.

— Кому указать?

— Тайчиутам, которые будут его искать... Короче, неважно. На этом твоя миссия закончится.

— Его убьют?

— Не знаю, скорее всего, да.

— Как его зовут?

— Кажется, Темуджин... Зачем тебе?

— Чтобы не ошибиться.

— Не бойся, вряд ли там будут сидеть в воде несколько человек; выбирать не придется.

Запахнув, не застегивая, старый дээл и, не повязывая его кушаком, я, позевывая, вышел из гэра. Было ветрено, как, впрочем, бывает всегда в эту пору. Я представил, каково сейчас сидящему по самые ноздри в студеной воде и мысленно съежился. Видать, Темуджин, или как там его, здорово набедокурил, просто так честного человека в колодку не закуют. Хотя, как знать... В нашем несправедливом мире возможно и не такое. Онон блестела невдалеке, и я сперва взял, было, модон хувин, но, вспомнив, как ругала меня в таких случаях Солонга, со вздохом поставил удобный молочник на место и взял высокий деревянный бочонок. По пути сунул за пазуху сверток с куском высушенного до каменного состояния соленого творога — хурута и направился по воду.

Солонга постоянно упрекала меня в безделье и говорила, что, если бы мой отец не приходился троюродным братом Таргутай-Кирилтуху, бегал бы я сейчас за стадами, и что мне не доверили бы даже набивать конскую колбасу. А так — я в тепле и сытости и не отягощен работой. Я шел, размышлял о своем будущем, которое, прямо скажем, выглядело крайне неопределенным, и поглядывал на всадников, скачущих кругами на противоположном берегу. Двоих из них я знал, это были братья Батар и Хулан. Интересно, что это за скачки они устроили в обычный день, будто наступил Наадам? Хулан помахал мне рукой, я ответил тем же и подошел к берегу. Вода была черной, и мне очень не хотелось зачерпывать ее через верх гутал, поэтому я зашел не очень глубоко, занес руку и застыл: из-под воды на меня смотрели два человеческих глаза. Чуть ниже белела деревянная колодка.

Сайн уу! (Привет!), — поприветствовал я его. — Ты кто?

— Буль! — незнакомец выпустил из левой ноздри пузырь.

— Не понял!

— Буль-буль, — правая ноздря пришла на помощь левой.

— Эй, что там? — крикнул мне с другого берега Хулан.

— Иди, сам посмотри! Здесь человек!

Не зачерпывая из реки, я сделал несколько шагов назад. Глаза с укоризной глядели на

меня из-под воды.

— А-а-а! Вот, ты где!

Хулан спешился, вынимая из-за пояса плеть. Я отошел еще дальше. С одной стороны, я выполнил задание, с другой, что-то мне говорило, что на этом история Темуджина не закончится. Отойдя шагов на сто, я нашел еще одно удобное место, спустился и начал набирать воду, а до меня доносились крики и гортанный смех Хулана. И тут я вспомнил, кто такой я есть на самом деле.

— Ядринец! Витослав! Кто-нибудь! Не пора ли мне домой?

— Знаешь, Володя, ты все сделал правильно, но в нашей реальности ничего не изменилось.

— Может, надо подождать?

— Ладно, ждем еще немного.

Войдя в гэр, я столкнулся с Солонгой.

— Где ты пропадаешь? — и тут с ее уст сорвалось слово, которое я всю жизнь считал русским народным, хотя и непечатным.

— Слышал новость? Твой троюродный дядя, Таргутай-Кирилтух изловил-таки вашего общего дальнего родственничка Темуджина!

Быстро, однако, в этом краю разносятся новости!

— Темуджин тоже мой родственник? А что он сделал?

— Говорят, он убил Бектера... Темное это дело.

— Надеюсь, дядя в этом разберется.

— Дядя не будет разбираться, Таргутай-Кирилтуху выгодно убрать Темуджина, и смерть Бектера — хороший для этого предлог.

И тут опять у меня в ушах опять прозвучал голос Боголепа.

— Выйди и присядь, чтобы настоящий Сорган не упал и не повредился, когда мы тебя заберем!

Я повернулся к выходу.

— Ты куда? — взвизгнула Солонга.

Из озорства я показал ей язык, что, как известно, всегда считалось верхом неприличия. Старая карга завизжала от негодования, а я переступил порог и поискал глазами, на что можно присесть, но земля закачалась и стала уплывать из-под ног...

— С возвращением! — Ядринец улыбался, будто только что ему рассказали анекдот. — Кого-нибудь из наших встретил?

— Никого... А что, кто-то там был?

— Шукша. Ты видел его в обличье Хулана.

— Он не убил Темуджина?

— Не смог. На него навалилась какая-то сила и сковала все движения. Он клянется, что видел, как колодка с шеи Темуджина сама распалась на половинки, и тот освободился. Значит, в ситуацию вмешался кто-то еще, и этот кто-то был не на нашей стороне. Отдохнешь, или опять в бой?

— Я опять буду... Этим, как его...

— Сорганом. Следующий критический момент наступит через двенадцать часов: Темуджин сам придет к тебе в гости.

— Зачем?

— Так гласит история, а она, как ты понял, не изменилась. Значит, твой предыдущий

вожж аннулирован, и Сорган спас Темуджина. Теперь у тебя опять появится возможность изменить историю.

— Хочу предупредить: я не намерен никого убивать даже во благо будущих поколений!

— Об убийстве речь не идет. Ты волен в выборе поступков. Кстати, на совести этого человека в будущем будут десятки и сотни тысяч славянских смертей!

— Да кто он такой, ахали цели?!

— В будущем его будут звать Чингиз-Ханом. Ты готов? Поехали!

Было темно, очень темно. Темнее не бывает. За войлочной стеной гэра переминались с ноги на ногу козы, вдали всхрапывали во сне лошади, где-то возле сáмой головы журчал сверчок. На женской половине, то храпела как медведь-мазала́й, то свистела как сурок-тарбаган, Солонга. Пахло сухой травой, кожей и дымом.

— Сорган, Сорган, ты спишь?

Я вздрогнул, Солонга заворочалась во сне, сверчок притих и затаил дыхание.

— Кто там?

— Это я, Темуджин. Ты меня сегодня спас. Выйди, поговорим!

Мне ужасно не хотелось вставать и выходить из теплого гэра.

— Иди прочь!

— Сорган, мне некуда идти, меня поймают. Вокруг повсюду люди Таргутай-Кирилтуха!

Спрячь меня!

— Я бы спрятал тебя, Темуджин, тем более что, как оказывается, мы родственники. Но старая карга Солонга съест нас обоих с потрохами. Я сам здесь на птичьих правах. Извини, я ничем не могу тебе помочь.

— Может, ты поговоришь с детьми?

— Они еще молоды, в такие дела встречать!

— Какие дела, папа?

— Ну вот, ты разбудил Чилауна, а, как ты знаешь, прервать сон — тяжкий грех. Небесный бог Кок Тенгри тебе этого не простит!

— Я прощаю этого человека, папа, а Кок Тенгри простит и подалее. Что случилось?

— Чилаун, помоги мне! Меня хотят убить за то, чего я не совершал! Таргутай-Кирилтуха обвиняет меня в смерти единокровного брата Бектера, но это сделал не я, а наш младшенький, Хасар. Спрячь меня!

— А где Хасар?

— Кто его знает, тоже где-то прячется.

— С тех пор, как папа тебя освободил, тебя кто-нибудь видел?

— Нет.

— Видишь возле гэра телегу? В ней под шкурами лежит шерсть на продажу. Залезай туда, и — ни звука!

— Чилаун, что ты раскомандовался?

— Папа, я чувствую, что мы должны помочь этому человеку!

— Ядринец, ты меня слышишь?

— Вернулась память? Значит, опять коррекция прошлого не состоялась. Жаль... Ты там, вообще, как?

— Я здесь, вообще, ничего... Только боязно.

— Никто ничего не заподозрил? Дети ни о чем не догадываются?

— Нет, все нормально. А где остальные наши?

— На местах. У каждого свое задание, и у каждого своя неудача. Наверное, нужно изменить тактику. Мы сейчас этим занимаемся. Вячеслава, нашего генерала, наверное, будем отзывать.

— Что-то серьезное?

— В принципе, ерунда. У него и в нашей реальности мозги работали не всегда стандартно, а там, у вас, когда он стал сотником, ему вдруг втемяшилось внедрить в армии грандиозное новшество.

— То есть?

— То ли ему что-то приснилось, то ли припомнилось, но только он сначала прочел своим воинам лекцию о преимуществах реактивной артиллерии перед ствольной, а потом заставил их соорудить ракету по собственным чертежам.

— Ракета? В Монголии тринадцатого века?

— Да, и, я полагаю, сегодня к вечеру она будет готова.

— А горючее?

— Китайский порох.

— Ну, это еще полбеды...

— Если не учитывать, сколько он его туда зарядил. Наверное, это половина запаса Таргутай-Кирилтуха, приготовленного для увеселительных фейерверков.

— Я пойду, гляну?

— Только близко не стой, и его не подпускай, если сможешь... И учти, что в этом мире вы не знакомы.

По пути я остановился возле телеги.

— Темуджин, ты здесь?

— А где же мне быть!

— Вечером здесь будет маленький переполох: сотник Оюунчимэг запустит свою ракету.

— Запустит кого?

— Громы и молнии. Как бабахнет, всем сразу станет не до тебя. Вылезай, вскакивай на любую лошадь и скачи во весь опор. Вот тебе рук, стрелы... Видит великий Кок Тенгри, я не хотел тебя отпускать, но...

— Спасибо, брат Сорган.

— Потом отдашь свое спасибо! Удачи!

И я пошел к Оюунчимэгу. Кстати, в переводе с монгольского, это имя переводится как «Украшение ума». До чего же верно подмечено!

Но я не дошел до него. На западе взошла великая Умай, ослепила мне глаза, облачилась в громадную тучу, и тут же невероятный громовой раскат сбил меня с ног. Падая, я успел удивиться: как такое может быть — Солнце встало на западе? И это была моя последняя мысль в этот день.

XXVI. Бухэ барилдаан

— Еще одна попытка, и, наверное, возьмем тайм-аут. — В этот раз Ядринец был более серьезным, чем ранее. — Мы с Мокошью смотрели: следующий узел в ткани бытия находится 1201 году. Теперь ты будешь Джамухой — бывшим другом детства Темуджина, который, собрав войско, пошел войной на товарища.

— Извини, я тебя перебую. Что с генералом?

— Генерал в порядке. А вот, когда в это тело вернулся прежний хозяин — Оюунчимэг, он обнаружил, что почему-то лишился всех зубов, одного глаза и почти полностью оглох. Ему рассказывают про ракету — он не верит. Сейчас пребывает в когнитивном диссонансе.

— Спасибо. Каков сценарий предстоящей операции?

— Джамуха хочет отомстить Темуджину за смерть младшего брата Тайчара, которого убили нукеры Темуджина при попытке угнать у хозяина табун лошадей.

— А если у него не получится?

— Тогда через четыре года, по указанию Темуджина, ему сломают спину. Так гласит история.

— У тебя есть более подробная информация: когда, как и при каких обстоятельствах это произошло? Я не хочу повторять чужие ошибки.

— Только из «Сокровенного сказания монголов». Никто не знает, как дело было в действительности, поэтому постарайся придумать что-нибудь сам. Но учти: казнить знатного человека, как простолюдина, нельзя! Его запрещается бить, разрывать на части, наносить ему колотые и резанные раны. У монголов благородной считается смерть без кровопролития.

— Но, во-первых, я — не монгол, а во-вторых...

— А во-вторых, став Джамухой, ты временно потеряешь память!

— А в-третьих, я не намерен никого убивать!

— В-четвертых, ты всегда волен в выборе. Если твой моральный кодекс не приемлет насилия, можешь попробовать договориться!

— Кстати, хорошая идея!

— Да помогут тебе боги!

Дорогу к улусу Темуджина можно было не спрашивать. Его Гэр, выделяющийся размерами и белизной, было видно издалека. Вопреки опасениям, Темуджин встретил меня радушно. А может, он умело играл роль гостеприимного хозяина. Между третьей и четвертой пиалой мутного и жирного сутэй цая с баурсаками хозяин первым нарушил молчание, что, в принципе, не приветствовалось.

— Не заигрывай с Ван Ханом, он тебе не союзник и не помощник. Переходи ко мне, мы ведь побратимы. Кстати, скажи честно, почему ты согласился стать гурханом?

— Если совсем честно, из зависти.

— Я это подозревал. Как ты намерен поступить?

— Не знаю.

— Зато я знаю. Если ты не согласишься быть моим нукером, то будешь воевать против меня, если согласишься, все равно будешь завидовать. А если будешь завидовать, то обязательно когда-нибудь предашь. Убивать тебя не позволит Кок Тенгри, поэтому я вижу один выход: поединок один на один. Это будет честно, и нас благословит златокося Умай.

Что скажешь?

— Мне надо подумать. Сколько ты дашь мне времени?

— Сколько угодно. Пока ты — мой гость!

— Алло, Ядринец, Боголеп! Алло! Где вы все? Мне нужен совет!

Неужели история уже изменилась, и что-то пошло не так? Кажется, я догадываюсь: прошлое для меня сейчас — настоящее, и оно изменяется, и потому будущее полностью не определено. То есть, его еще нет. Еще нет нашей общины, нет Ядринца, Валика и Володи — нет никого... Выходит, по мере того, как изменения будут становиться все более глубокими и необратимыми, у меня будет исчезать память, и в конце концов я забуду то, чего не было. Я перестану быть Володей и останусь Джамухой, а потом мне сломают спину... Трижды ахали цели!!!

Спокойно! У меня есть время. Для начала расслаблюсь, выброшу все из головы и спокойно поразмышляю... Итак, если я соглашусь на поединок и буду побежден, то история не изменится, и община продолжит существование. А я — нет. Плохой вариант!

Если победителем окажусь я, то судьба Темуджина будет в моих руках. Можно будет обойтись без убийства, а взять с него слово не ходить с войной на запад далее Урала — Хурал Уула. Слово монгольского вождя твердо, как камень — если он что-нибудь пообещает, значит, так тому и быть. Остановка за малым: надо победить, причем убедительно, чтобы не возникло кривотолков и разночтений.

У монголов особенно популярны три вида состязаний, эрын гурбан наадан — три игры мужей: борьба, скачки и стрельба из лука. Второй и третий не вселяли в меня ничего, кроме уныния — ведь я никогда не стрелял из лука и не сидел на лошади. Оставалась только борьба, бухэ барилдаан... А может, уговорить его на партию в настольный теннис, или в шестьдесят шесть? Я бы даже дал ему фору — в теннисе десять очков, а в картах упростил бы правила и предложил играть без двадцати и сорока. Еще я мог бы, не дрогнув, согласиться на партию в морской бой, или в домино.

Но отбросим пустые мечтания! Итак, борьба. Что я могу сделать для гарантированной победы? Я никогда не занимался никакими видами борьбы... Придумал: допинг! Нужно найти какую-нибудь бодрящую травку, сделать отвар... А может, грибы? Вот, во мне клокочет злая сила, я спокойно подхожу к сопернику, и...

— Ну что, Джамуха, надумал что-нибудь? Кто твой секундант-засуул? Нету? Я дам тебе своего. Доверяешь?

— Конечно, уважаемый! (В сторону: «Чтоб ты сдох!»).

— Когда начнем?

— Когда угодно, уважаемый! (В сторону: «Чтоб ты провалился!»).

— По традиции: сперва скачки, затем стрельба и борьба?

— Как скажешь, уважаемый! (В сторону: «Разрази тебя гром!»)

— Тогда завтра в полдень!

— Конечно, уважаемый! (В сторону: «Ахали цели!»).

— Что ты сказал?

— Я... Ничего. Тебе послышалось!

— Я знаю: это какое-то заклинание, ужасное заклинание! То-то я смотрю, как ты спокоен. Я все это время готовлюсь, суечусь, тренируюсь, даже нервничаю, а ты сидишь сиднем, или лежишь и смотришь в небо! Ты в сговоре со злыми духами шулмусами! Я все

понял: ты специально пришел, чтобы меня убить! Как я сразу не догадался! Чем я могу от тебя откупиться? Чего ты хочешь?

— Всего ничего: никогда не ходи с войной западнее Хурал Уула!

— Я и не собирался... Во всяком случае, пока. И тогда ты оставишь меня в покое?

— Сразу же после того, как ты пообещаешь! И я не буду воевать с тобой и строить тебе козни. Даю слово.

— Становись моим братом, анда, и тогда я успокоюсь! Сейчас я распоряджусь, чтобы принесли молоко, мы прольем в него свою кровь и выпьем!

— (В сторону) Ахали цели!

— Ты опять?!!!

— Стой, это не то, что ты подумал! Это наоборот, благословение!

— Нет!!!

— Ядринец, Витослав, Эй, кто-нибудь!!!

— В чем дело?

— Как там у нас? Все нормально?

— А что у нас может быть ненормального?

— Монголо-татарское иго на Руси было?

— Ты чё? Где Русь, а где Монголия!

— Ты кто? Я тебя не узнаю!

— Я Мечислав, настоятель храма родноверов.

— Где Ядринец?

— Это кто такой?

— Моя жена Света с вами?

— Да... Ты здорово перегрелся. Ты уже тридцать лет, как разведен, и твою жену звали как-то по-другому...

Все, что угодно, только не это. Плевать мне на историю, плевать на монголо-татарское иго, плевать на все. Отдайте мне Свету!!!

— Знаешь что, Темуджин! Я освобождаю тебя от твоего обещания. Если захочешь, завоевывай все, что до Урала, сам Урал и все, что за ним! А я отказываюсь от своего обещания не воевать с тобой и ухожу.

— Что случилось, на тебе лица нет!

— Ничего я тебе не скажу, так будет лучше!

— Ничего не понимаю, но спорить не буду. Все-таки жаль, что ты не стал моим анда.

— Ядринец! Ты здесь?

— Где же мне быть? Что-то случилось?

— Где Света?

— Рядом со мной.

— Монголо-татарское иго было?

— Оно никуда не девалось. А что?

— Я возвращаюсь. Только что со мной чуть не произошло непоправимое: я мог потерять самое дорогое, что есть у меня в жизни!

— Не кипятись. Воротись и все расскажи!

Через полчаса я сидел у костра в общине родноверов и рассказывал все как можно подробнее. Послушать мою историю собралась вся община. Ян, и все руководство сидели напротив, Света прижалась рядом, обхватив меня руками и положив голову на плечо, остальные заняли места в партере и на галерке. Когда я закончил свое повествование, несколько минут все молчали, потом Ядринец изрек:

— Случившееся говорит не о том, что корректировать прошлое бессмысленно, но всего лишь о том, что это очень опасно. Пока ты рассказывал, у меня появились кое-какие соображения. Когда будешь готов их выслушать, дай знать.

— Ян, извини, нет!

— Поговорим потом!

Когда все разошлись, Света сказала:

— Знаешь, я примерно понимаю, что ты чувствовал. У меня в душе на несколько минут появилась какая-то странная пустота, и я висела вне времени и пространства. Все, происходящее вокруг, казалось мультипликацией, плоской картинкой. Я переставала узнавать знакомые лица, и было очень трудно дышать. Пытаешься сделать вдох, а грудь заполняется не воздухом, а чем-то тяжелым и безжизненным.

— А сейчас?

— Сейчас дышится глубоко и свежо!

— Слава богам.

И еще: я решила, что больше тебя одного не отпущу. Кстати, я вдруг почувствовала, что могу читать мысли, и эта мысль принадлежит не мне, а Ядринцу. В следующую командировку, если вы опять задумаете что-то грандиозное, мы полетим вместе. Вот увидишь, он тебе предложит именно это!.. Кто это там сидит?

Вдалеке в тени куста сидел Володя-Витослав и жестами показывал, что хочет поговорить. Когда я, заинтригованный, приблизился к нему, он показал на среднем пальце правой руки кольцо.

— Шломо заснял видео всего того, что происходило с тобой в той реальности, и у нас в параллельной. В них нет Ядринца, меня, Валика и многих из наших, зато имеет место официальная церковь родноверов, а монголо-татарское иго не распространилось дальше Урала. Не существует никаких Геи и Терры, Анчутки, Чопа и Пыха, а вместо Яна бегают какой-то странный тип, которого зовут...

— Мечислав?

— Точно! Ты уже успел и с ним познакомиться?

— А контора?

— Похоже, контора вечна и несокрушима. Во всяком случае, в иной реальности она процветает. Кстати, никакой разницы во внешности и менталитете наших людей я не заметил. Скорее всего, монгольские гены оказались не причем, и их влияние было сильно преувеличено. Как ты думаешь, стоит показывать это Ядринцу?

— Значит, будем искать другие пути! — Ядринец задумчиво чертил палочкой на песке какие-то замысловатые узоры.

— Зачем вообще все это? Я пока не вижу особого смысла.

— Во всем остальном ты видишь смысл? Ты счастливчик!

— Ну, а все-таки?

— С момента своего появления человек начал сознательно упорядочивать окружающий мир и свое мировоззрение. Стремление сознательно структурировать — его отличительное свойство. Голубь вьет гнездо, лисица роет нору, но их действия неосознанны. Человек строит дом, прекрасно отдавая себе отчет, что и зачем он делает. Точно так же он пытается упорядочить свою картину мира. Каждый должен сам для себя решить, как устроен мир, и что хорошо и что плохо. В эту картинку мира он вводит и себя самого: «Кто я?», «Каково мое место в этом мире?» и «В чем для меня смысл жизни?». Высшие силы предлагают каждому из нас некие модели бытия — миры. Есть миры религий, миры наук, миры коммунизма, империализма, социализма, фашизма, национализма и так далее. Каждый мир гармоничен внутри себя и имеет собственные нормы и правила, но никем не писанные законы остаются общими для всех. В составе всех миров есть, если можно так сказать, «святая часть» — названия, символы, гербы, легенды и истории, постройки, свои служители и их иерархии. Физическое воплощение этих миров — задача людей, духовное — бесплотных. Когда-то с помощью наших богов мы создали свой мир и наделили его свойствами по собственному усмотрению. Это — очень высокая, но не последняя ступень познания бытия. Теперь мы могли бы выйти за ее пределы, но случилось одно «но». Принципы соперничества миров оказались нарушенными, и причиной тому послужило изменение общего баланса сил. Может быть, темная деструктивная тенденция почему-то оказалась сильнее — а такое изредка, но случается, либо на арене появился еще один неизвестный фактор, неизвестный игрок.

— Это «светлые» и «темные», о которых говорил Витослав?

— Да, это они... Я так думаю.

— Постой, но ведь, судя по твоему рассказу, мы тоже находимся в каком-то мире? Здесь есть святое, есть боги, есть законы...

— Богов здесь нет, святого тоже нет. Ты мог бы указать пальцем, что́ здесь святое и где оно находится? Также здесь нет своих внутренних законов — есть только никем не писанные, здесь нет гербов, икон, молитв и святых писаний.

— А наши и Витославом литературные опусы?

— Это не Тора и не Махабхарата, это просто хроники, летописи, мемуары.

— Но ты ведь бог?

— В первую очередь, я человек, я — воплощенный. Можешь меня потрогать... Меня скорее можно назвать почетным богом, чем действительным. Наш мир не совсем обычен, из него есть выход. В принципе, из каждого мира есть двери вверх, но наши не в пример шире, и они распахнуты настежь. Слышал притчу об «игольном ушке»? А ты думал, о чем она на самом деле?

— Там что-то сказано про богатого...

— А у нас здесь, насколько ты заметил, ни у кого ничего нет! Это не совсем

материальный мир, здесь все необходимое появляется само собой в нужных количествах, а все ненужное исчезает. Здесь мысль вещественна, а плоть эфирна, здесь все не физично, но не бестелесно.

— И все равно я вернусь к тому, с чего начал: зачем вообще все это? Что мы будем делать?

— Ответ простой: мы вот-вот выйдем в открытый космос!

— Не понял!

— Ну, или в плавание в открытом море, не видя берегов. Мы на собственном опыте убедились, что все пережитое ранее не является истиной в последней инстанции, что все, нас окружающее, было мифом...

— Разве? Оно было ненастоящим?

— Полностью реальным, а мифами были только наши понимания того, что происходило. Но все когда-нибудь кончается, и последняя ступень нашей ракеты уже дожигает остатки горючего. Я сам не знал, что так получится.

— Ян, ты меня пугаешь!

— Я предчувствую потери, большие потери...

— Ян! Можно без метафор?

— Наверное, мы будем возвращаться на Гею, будем продолжать развивать нашу общину, будем провоцировать соперника на ответный ход. Только так мы сможем понять, кто он и что ему нужно. Но только правила игры будут другими, мы начнем работать по олимпийской системе «плей оф» — проигравший выбывает.

— То есть, погибает?

— Однажды пришедший сюда, уже не может погибнуть, он просто выбывает, становится на путь, предначертанный ему судьбой.

— Это распространяется на обе стороны?

— Это мне неизвестно. Но, если не хочешь, можешь не играть.

— Кто придумал эти правила?

— Когда-то давно об этом договорились неведомые нам противоборствующие силы.

— Кто следит за соблюдением правил и карает за нарушения?

— Служба Верховного антропокея. Но о контактах с ней даже не помышляй: слишком много инстанций нужно пройти и порогов обить, чтобы попасть туда, где смогут решить интересующий тебя вопрос. Канцелярия в небесах появилась раньше, чем канцелярии на земле. Говорю безо всяких шуток!

— Откуда ты все это знаешь? Тебе кто-то рассказал? Ты входил с этим ведомством, или его представителями в контакт, обменивался информацией, имел какие-то дела?

— Конечно, нет. Обычному человеку, антропоморфному богу, равно как и низшему бесплотному туда дороги нет. Есть некая черта, уровень, или, если хочешь, порог, за которым заканчивается антропность... Я имею в виду человечность, человекоподобие — не эмоционально-чувственный или морально-нравственный критерий, а бытийный смысл. Вспомни: ты когда-нибудь тосковал?

— Бывало...

— Что с тобой делала тоска и какого она цвета?

— Ну, зеленая... Глодала.

— То есть, у нее будто был свой цвет и зубы, и она ими грызла и скоблила. Это человеческая категория. Тоска живет по нашу сторону черты. А что ты можешь сказать про

зависть?

— Она черная, похожа на жабу, и она душит!

Правильно! Она тоже живет с нашей стороны, в нашей реальности.

Но есть и другая реальность, арупа. В самом центре ее находится тот, кто не жив, но он живее всех живых; он тверже железа и мягче ваты; он тяжелее камня и легче пуха; он длиннее вечности и короче мгновения; у него тысяча прозвищ, но нет имени. Зови его Тот, Который, или просто Тот. Он — яйцо, желток которого — бурлящий огонь, душа мира, причина всего. Его скорлупа — граница миров. Вылетающие из этого желтка брызги — наши души. Пролетая сквозь скорлупу, они обретают тела, иные остаются бесплотными. В конце своих жизней они падают обратно в желток и растворяются в нем, в той или иной мере теряя личность и оставляя осколки скорлупы снаружи.

— Красиво. Похоже на индийский эпос.

— Возможно, индийцы ближе всех подошли к пониманию некоторых аспектов бытия. Хотя само имя Тот принадлежит египетскому пантеону. Тот не антропен и потому не описуем. Я не знаю, каким образом его брызги становятся в нашей реальности светлыми или темными, но уверен в одном: последнее время темных становится больше, и это настораживает. А может, это так и должно быть, кто знает... Как видишь, попытки подправить историю заканчиваются неудачей. У Афиногена, кстати, в этом плане тоже есть личный негативный опыт.

— Он как-то вскользь об этом упоминал.

— Так вот, я предлагаю всем вернуться на Гею — так сказать, на передовую, и продолжить наши изыски.

— А если я не соглашусь?

— Ты имеешь на это полное право.

— Что я выигрываю в случае победы?

— Ничего.

— А что проигрываю при поражении?

— Тоже ничего.

— Тогда какой в этом смысл?

— Цели и средства, добро и зло, надежды и чаяния, причины и следствия для тебя навсегда останутся по ту сторону черты. Победа и поражение тоже станут фикцией. Ты перешагнешь на последнюю ступень познания.

— И я буду все знать?

— Познать что-то — значит, самому стать этим чем-то, слиться с ним воедино... Но, пока это все — рассуждения. Сейчас не об этом. Кстати, возможно, мы создадим резервный лагерь на так лихо, то ли найденной, то ли созданной тобой Терре и составим компанию самому Иоганну Себастиану Баху.

— Ты думаешь, это необходимо?

— Здесь мы совершенно бесплотны. Разве ты еще не понял? А на Терре мы обретем материальные тела — на любой срок, какой нам заблагорассудится.

— То-то я смотрю: мне ни кушать, ни в туалет не хочется! Но я ведь себя трогаю, могу ущипнуть... Ай!.. Могу ущипнуть тебя!

— Ой! Ну, ты повежливее. Не забывай, с кем разговариваешь! Это, если можно так выразиться, скорее коллективное самовнушение, условная реальность, созданная нами совместно с Парусом.

— Зачем такие сложности и условности?

— Вынужденные меры. К сожалению, первая потеря у нас уже есть. Совсем недавно нас покинули Смеян и Вешняк. Эта пара друзей — не разлей вода — оставалась неразлучной даже здесь. Они умудрились втихаря улизнуть в самоволку на Гею, там обрели плоть, но сразу же попались на глаза отряду спецназовцев. Те начали стрелять, а наши — славные ребята, но не маги... Другими словами, они явились к Тому́ и растворились в его вечном огне бытия.

— А их нельзя забрать у этого... Того?

— Он поглотил их, они влились в него, стали с ним одним целым... Ты никогда не мечтал слиться с божественным?

— Когда-то были абстрактные фантазии...

— Религии всех времен и народов говорили, что отдать себя богу — высшее наслаждение, но при этом происходит потеря личности. Океан огня впитает в себя малую искорку.

— А как же последующие воплощения? Или это миф?

— Далеко не все искры достигают соединения с Тем. Большинство, чуть соприкоснувшись с Ним, уходят на следующий виток, десятый, сотый, тысячный... Для каждой — свой срок.

— Можно ли уйти на следующий виток, не соприкасаясь с Тем?

— Желание избежать соприкосновения с Абсолютной истиной всего лишь говорит о том, что данная душа еще не созрела, и ей надлежит повторить цикл.

— Кто все это придумал, и для чего это нужно?

Ядринец молча развел руками:

— О, сколько нам открытий чудных

Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель
Внушил поэту сделать стих
Для тех, кто знание постиг,
И передав его прилежно,
Взирает на птенцов своих.

— При чем тут Пушкин?

— Александр Сергеевич знал все то, о чем мы говорим... Он знал еще много чего, хотел поведать это миру, но его остановили...

— Почему?

— Время еще не пришло... Ладно, вернемся к нашим баранам. Ты в команде, или кот, гуляющий сам по себе?

— Быть одиноким котом неинтересно. Я в команде, если возьмете.

— Уже взяли. Ну что, присядем на дорожку?

XXVIII. Запах лотоса

Терра, как и ожидалось, встретила нас звездным небом.

— Ребята, — сказал Ядринец, — вы наверняка ничего не почувствовали, но здесь вы обрели плоть. Следовательно, стали уязвимы. Будьте бдительны. Это я говорю для тех, кто уже привык к бестелесному существованию и чрезмерно расслабился.

— Но ведь есть какая-то защита? Когда мы уходили с Геи, нас не брали пули, но мы слышали выстрелы и чувствовали толчки!

— К этому моменту вы, сами того не ведая, уже лишились тел. А вот, генерал и Изи — те натурально почувствовали, каково это: чуть-чуть приумереть!

— Да, Ян, это было очень больно! Я никогда не забуду те несколько секунд... Кроме того, это такой стресс, такой ужас! В первые мгновения после попаданий эти места немеют, но потом из них выплескиваются океаны огня, и наступает болевой шок!

— Извини, что заставил тебя вспомнить.

— Уже не страшно, порой я и сам, нет-нет, да и возвращусь в памяти к этим минутам.

— Володя, какой, ты говоришь, у тебя ник в социальных сетях?

— Анданте.

— Пусть он остается для посторонних, а я тебе дам еще один: Никита-Благовест. Нравится?

— Никита — не по-нашему, это явно что-то греческое.

— Производное от Ника — по-гречески, победа. Будешь Никитой в виде исключения. Зато Благовест — исконно наше, славянское имя. Благовест — это призыв к верующим, указующий на начало таинства. То, что ты уже написал, и что напишешь впредь — самый, что ни на есть, новый Благовест, фундамент идеологии новой веры. Арфин и Архиз, вы слышите? Запомните новое имя своего хозяина, да и старое лучше не забывают!

— Так за что мы будем воевать? (Это генерал).

— Ни за что. Вернее, если хочешь, выбери сам. Например, за какой-нибудь социальный строй. Существует два полюса, две крайности: первая — абсолютизм. Допустим, есть какой-нибудь бог, есть его наместник на земле, царь. Есть люди, связывающие простой люд с богом — священники, и есть люди, разъясняющие для непонятливых тонкости отношений с царем. Это суд, полиция и армия. Другая крайность — полная демократия, то есть, улей, в котором все равны. Любой другой общественный строй есть промежуточное состояние между этими двумя. Пожалуйста, выбирай и воюй. Ни один из вариантов не лучше другого.

— Есть еще идеи?

— Сколько хочешь. Например, свобода и зависимость. В первом случае ты сам себе хозяин, несешь полную ответственность за все свои мысли и поступки, и никто тебе ничего не должен. Во втором случае ты делаешь только то, что предписано и имеешь полный комплекс услуг от общества, в котором живешь. Кем предпочитаешь быть: элоем, или морлоком? Не знаешь, кто это такие? Прочти «Машину времени» Уэллса, сделай выбор и борись. А как тебе такое противоречие: нации, стремящиеся к лидерству, называют действия более мелких этнических групп, направленные на отстаивание независимости, сепаратизмом. Те же, в свою очередь, считают их шовинистами, а себя — борцами за справедливость. Какая обширная арена для битв! Или возьми что-нибудь попроще: скажем, поддержка или притеснение ЛГБТ-сообществ...

— Вот, у меня был случай, — вмешался в разговор Репех. — Наблюдаю я как-то раз в одном городе гей-парад. И сам не могу решить: я — за этих клоунов с радужными флагами, или против? И, найдя третий вариант, тут же сообразил себе транспарант с надписью «Свободу гомикам!» и пеструю одежду и влез в ряды демонстрантов...

— И что?

— Меня начали вежливо бить по почкам и попытались забрать в полицию.

— А ты?

— А я вежливо несколько раз в ответ заехал ногой с разворота и никуда не пошел, а потом исчез. Прав был Джим Моррисон: люди очень странные, они не понимают тонкого юмора!

— Кто? Полиция, или демонстранты?

— И те, и другие! Кстати, Ядринец, а что ты сам думаешь по этому поводу?

— Лет девяносто назад — это было еще в тридцатые годы — я заинтересовался феноменом сбой сексуальной ориентации, долго рылся в самом себе и неожиданно нашел в психике ее переключатель ...

— И?

— Активировал его, посидел так несколько минут и не только вернул в прежнее положение, но и поставил на него предохранитель, дабы он случайно не переключился сам. Это — как наркотик... Но мы отвлеклись. На нашу беду, или на наше счастье, человек не может не бороться за что-нибудь. Если нет идеи, нет проблемы, он сам их выдумывает. Поэтому человечество никогда не сможет перестать воевать, это никем не писанный закон.

— То есть, войны будут всегда?

— Не обязательно это будут войны, связанные с физическим уничтожением противника, такие времена уже почти прошли, но коллизии никогда не исчезнут. Есть только одно направление, свободное от них: это стремление к познанию истины. Спорящий не знает, знающий не спорит!

— Тогда я за истину! Я не перестану при этом быть слугой Перуна?

— Будь спокоен, генерал, ты не перестанешь им быть никогда!

Значит так: наша задача — вытеснить неприятеля с Геи, не нанося ему материальный урон.

— Как ты себе это представляешь?

— Вариантов море: можно договориться, можно соблазнить или напугать, можно, наконец, применить силу.

— Здесь поподробнее!

— Например, использовать магию... Генерал, ты у нас верховный главнокомандующий? Вот, ты и главнокомандуй!

— Сперва разведка... У нас есть звания?

— Пока нет, это зависит от тебя. Можешь сейчас присвоить их каждому из нас. Времени у тебя — хоть отбавляй.

— Тогда в разведку пойдут те, кто может каким либо способом перемещаться по мирам. Это будут... — Он оглядел присутствующих. Я поймал его взгляд, но он отвел глаза... — Шемяка, Казимирович, Витослав и Сихазель. Старший Шемяка. Задача: выяснить численность и вооружение противника, а также его способы связи и, по возможности, намерения. Возражения есть?

Мне стало обидно. — Генерал, я тоже хочу в разведку!

— Нет, Никита, — вместо генерала ответил Ядринец, ты — наш летописец, мы будем тебя беречь. Можешь следить за происходящим с помощью своих камушков.

— А можно мне? — Из-под земли вырос цветок лотоса, пару раз качнулся и обернулся Репехом.

— Можно, но старшим ты не будешь. Устраивает?

Лотос втянулся обратно.

— Хорошо! И да помогут вам боги. Приступаем. Никита, сделай нам экран для всеобщего обозрения — настолько большой, насколько сможешь. Естественно, со звуком.

Афиноген и я будем на контроле. Начали!

Экран получился не хуже, чем в крутом кинотеатре. Звук тоже был подходящим.

— Долби атмос, — Восхищенно воскликнул кто-то сзади.

— Ахали цели! — цыкнул на него Ядринец.

Все затихли. Несколько минут ничего не происходило.

— Где они? — Не выдержал Рабби Менахем.

— Хорошо маскируются!.. А это кто? Ахали цели, это же Репех!

— Почему ты так думаешь?

— Откуда еще на Гее может появиться лотос?

И впрямь, геянский лотос оказался еще больше териянского.

— Смотрите, смотрите! — донеслось из «зала». К цветку опасно приблизился карк, наклонился и начал его пристально рассматривать, поворачивая голову как курица, то одним боком, то другим. Не удовлетворившись наблюдением, он сунул в него нос, но тут же отпрянул. К счастью, наше «телевидение» было настроено передавать только изображение и звук, но никак не запах, и это нас спасло. Видать, «лотос» истекал чудовищной силы вонью. Глаза карка закатились, он рухнул, как подкошенный, а на ближайших мускусных деревьях листья свернулись трубочками.

— Ну как я, силён? — Репех глянул прямо «в объектив». — И это даже не в один процент моей силы, а в одну миллионную. Я могу изгнать из этого острова всех пришельцев с одного... ну ладно, с двух, максимум трёх газовых выхлопов! Вы же знаете, это одна из моих любимейших шуток. Помнится, однажды, сидел я в лесу и, как всегда, занимался любимым делом — валял дурака. Смотрю, по тропинке идет юная грация. Ну, я и обернулся цветочком, она меня сорвала, захотела понюхать... Ох, и смехота была! А потом Шарль Перро написал про это сказку о спящей красавице!

— В сказке она укололась об веретено!

— Да? Ну, тогда о мертвой царевне!

— Там было ядовитое яблоко!

— Да ну? В общем, была сказка и с цветком. Не помню — то ли монгольская, то ли исландская... Ну что? Начать процесс изгнания?

— Сначала скажи, где наши люди?

— Лежат под елками. Я применил для них усыпляющее газоисторжение.

— Ребятам от этого плохо не станет? Ты их сначала разбуди!

— Конечно. Я деликатно и выборочно! Сейчас, я размножусь...

По всей территории острова Яна начали быстро прорастать лотосы — где одинокие, где собравшиеся в группы. Потом из рожи карков с воплями, матами и стенаниями стали выбегать люди в форме, на ходу надевая противогазы.

— Этого мы не учли, — промолвил Ян, почесывая затылок.

— Репех все учел, — отозвался Боголеп, гляньте: этот газ разъедает резину противогазов! А листья на деревьях целые, и попугаи чирикают, как ни в чем не бывало.

Группа людей, переставшая быть боевой единицей, спешно скрылась в пещере Сторожевой горы.

Стоило всем войти в подземелье, как у входа в него выросла целая лужайка очаровательных зловонных кувшинок.

— А внутри пещеры они могут расти?

— Для Репеха нет ничего невозможного. Итак, первый раунд за нами. Счет: один — ноль! Никита, можешь скомандовать камушкам, чтобы показали внутренность пещеры?

— Пробую... Так сойдет?

— Ага, это центральный зал, вот истуканы, вот бассейн, вот Парус, а вот наши идут. Где же неприятель?

— Они в одном из боковых тоннелей, явно следуют к переходу.

— Интересно, они знают про портал, которым когда-то прошла фура, и еще тот, который висит в воздухе над основным?

— Не знаю, умеют ли они устраивать переходы, но открывать-закрывать их уже научились. Следовательно, они должны уметь находить уже имеющиеся.

— Вы, таки, неспроста заговорили о переходах! А что, если они заявятся с тыла?

— Что ты имеешь в виду, рабби?

— Да они уже нагрянули! Прямо навстречу нашим!

Дальше произошло неожиданное. От четверки родноверов отделился Сихаэль, повернулся к ним боком и вытянул руку ладонью вперед.

— Он их блокирует! — воскликнул Ядринец, — замораживает им время. Он вытянул сжатую в кулак руку вертикально вверх, согнул колени и принял позу готовящегося взлететь супермена.

— Стой! — голос Афиногена прозвучал как выстрел, — не торопись, это мы всегда успеем. Посмотрим, что будет делать противник!

Сихаэль обернулся к воякам и сделал красивый приглашающий жест. Те переглянулись, и, держа всю компанию под прицелами, мелкими перебежками устремились к ней.

— Репех! Ну, где же ты? — запричитал рабби, — Наши в беде! Ядринец, не стой, как истукан, лети туда! Эх, если бы я мог!..

Ян бросил взгляд на брата, тот отрицательно покачал головой.

— Они же всех наших перестреляют, как в тире! — не унимался Менахем. — Витовт, а ты что смотришь?

— Витовт и Менахем, отставить! — подал голос молчавший до того генерал. — Идет операция, которой команду я, поэтому никто ничего не предпринимает без моего приказа, или, как минимум, без моего разрешения! Может быть, Сихаэль что-то задумал, а мы сорвем все его планы. Он — парень хитрый, но я ему верю!

Я посмотрел на Яна. Тот стоял, казалось бы, спокойно, но беззвучно шевелил губами. Постепенно пространство вокруг нас стало терять краски, волны и ветер замедлили свой бег, и вскорости прибой застыл, как стеклянный.

Я сразу догадался, что происходит: Ядринец, как когда-то при мне Афиноген, включил безвременье. Следом за этим он вызвал Сихаэля.

— Объясни свой поступок.

— Не мешай мне проводить свою операцию!

— Ах, так!

С геянских небес спустился торнадо, закружил мага, всосал в себя и выплюнул нам под ноги. Не успел тот опомниться, как Ян подошел к нему вплотную и по-отечески ласково произнес: «Спи!». Тот упал как подрубленный. Второй смерч тем же способом перенес к нам Казимировича, третий — Шемяку и Витослава. Репеховы цветочки куда-то исчезли. Казимирович огляделся, увидел лежащего Сихаэля, отер тыльной стороной ладони с лица пот и с сожалением произнес: «Уф, Я чуток не успел...».

— Каз, глянь-ка, что он задумал!

Казимирович прикрыл глаза, постоял так несколько мгновений и ответил:

— У этого гада даже подсознание скользкое!

— Как это?

— И вашим, и нашим... Он работал и на нас, и на них, пытался усидеть на двух стульях, сделать свою игру, но, ни четкого плана действий, ни конкретных целей у него не было. Действовал только по наитию.

— Для этого он достаточно хитер, но недостаточно умен.

— Что будем с ним делать?

— Сначала выслушаем. Эй, вставай и рассказывай, только начистоту! Не пытайся ловчить, Казимирович тебя враз разоблачит!

Сихаэль открыл глаза.

— Казимирович?.. Я же его... Ладно. Я почему-то немного не в себе, не могу собраться с мыслями... Лучше спрашивайте, а я буду отвечать.

— Смотри мне в глаза и отвечай! — Тон Казимировича не предвещал Сихаэлю ничего хорошего. — Что ты собирался делать в тот момент, когда тебя выдернули?

— Хотел заморозить весь спецназ сразу. Но они были рассредоточены. Поэтому я решил использовать нашу группу в роли наживки. Те стали подходить... Еще чуть-чуть, и моей силы хватило бы, чтобы накрыть их всех. А потом что-то случилась, появился Ядринец, но это я уже не совсем отчетливо...

Ян глянул на Каза. Тот утвердительно кивнул.

— Продолжай. Каковы твои планы?

— Я бы продолжил операцию, заморозил весь спецназ оптом и отправил обратно на Землю... Тебе не нравится? Можно еще серьезнее: позволить им взять нашу группу в плен, а потом, действуя изнутри, найти их оборудование и привести его в полную негодность. Я знаю, где находится его бóльшая часть, где расположены лаборатории, знаком со многими сотрудниками... А вы могли бы держать нас на контроле.

— Второй вариант мне нравится больше, но он безумно опасен.

— Как говорила мадам Клико, кто не рискует, тот не пьет шампанское! Я уверен: вы нас подстрахуете.

— У кого какие мнения?

— Заманчивая идея. Я — за! (Это Казимирович).

— Поддерживаю. Тем более что у меня есть такая замечательная штука, как кольцо Соломона, и я могу при необходимости сделать его невидимым (Это Витослав).

— У меня уже давно руки чешутся! (Это Шемяка).

— С этими все ясно, — Ядринец улыбнулся и повернулся к остальным, — а вы что молчите?

И тут ко мне пришла неплохая, как мне тогда показалось, мысль.

— Как вы думаете, не привлечь ли нам к решению этого вопроса Аспида? Ведь это, кажется, по его части?

— Да, — ответил Ядринец, — некоторое время мы тесно сотрудничали. Помнишь историю с пророчеством? Они с Боголепом тогда путешествовали в прошлое. Он же нам сообразил и знаменитые колокола, переделанные из газовых баллонов... А ещё он летал в Бенин и доставлял гостей с подарками на свадьбу Рады и Витовта... Я не возражаю, но давайте сначала опять включим время, разберемся со спецназом, а затем, пригласим Аспида и устроим военный совет.

У ног Яна вдруг вырос лотос.

— Ребята, я же изгонял не всех, а только солдат. Ихние ученые на поляне истуканов возятся с приборами. Вы это видели?

Рядом с моим экраном возник второй, ведущий прямую трансляцию из поселка. Репех дал увеличение, и стало видно идиолов и застывших в нелепых позах окруживших их людей.

— Да они их распиливают! — воскликнул генерал.

И тут Ядринец запустил время. Спецназовцы сразу залегли, а те, кто на поляне, продолжили свое варварское занятие.

— Нет, — ответил генералу рабби Менахем, — они их не распиливают, они их передельывают. Во-он, который с краю, это был Род, а теперь это кто? Репех, включи, пожалуйста, зум и дай полное приближение!

— Маги-разведчики, я возвращаю вас обратно; ваша задача — заблокировать спецназ, но никого не убивать. Мы с остальными перемещаемся на поляну истуканов — сначала я и Афиноген, через минуту те, на кого я сейчас укажу! — Ядринец указал по очереди пальцем на генерала, Борича, Любочада, Нечая, Слободана и Певеня. — Никита, Боголеп и остальные, продолжайте наблюдать отсюда. Пошли!

— А я? — пискнул Репех.

— Я тебе не начальник, ты — бог по сути и волен делать все, что тебе заблагорассудится. Если хочешь, подмоги разведчикам.

— Я не просто подмогу, я передподмогу. Ждите здесь! — торжественно заявил Репех и исчез.

Я перевел взгляд на экран и обомлел. Было, отчего прийти в замешательство: у суровых бравых вояк вдруг пропали штаны, а на поляне возникла стайка веселящихся обнаженных навок, перебрасывающих одна другой большой и легкий, как пушинка, воздушный шарик.

— Держу пари: та, которая вторая слева — это Репех! — Вахид шумно сглотнул слюну и поперхнулся.

— Скорее всего, они все — Репехи! — ответил Дончо.

— Это провокация! — закричал один из солдат, видимо, командир. — Это магия. Огонь на поражение!

Добры молодцы вскинули автоматы, но вместо выстрелов из их стволов стали вылетать

звуки некогда популярной компьютерной игры восьмидесятого года «Пакман», а одна из навок бросила шарик прямо командиру. В полете шарик заметно увеличился в размерах и, как выяснилось, убедительно прибавил в весе. Кричащий выставил вперед руку, чтобы его поймать или отбить, послышался громкий хруст, будто кто-то наступил каблуком на виноградную улитку, и потяжелевший на пару тонн шарик вогнал бедолагу на полметра в землю.

— Это слишком! — воскликнул Ян. — Куда исчез этот несчастный?

— Он жив! — вдруг захихикал Тевье, — И никуда не исчез. Просто он стал плоским как лист бумаги!

Между тем, шарик, оставаясь каменно твердым и тяжелым, но одновременно демонстрируя каучуковую упругость, стал громадными прыжками гоняться за остальными.

— Нравится? — У ног Ядринца опять вырос лотос.

— Я же просил никого не убивать! — громыхнул на него волхв.

— Они все живы, просто аккуратно будут сложены стопочкой... Если не хочешь, я сверну каждого рулончиком!

— Отставить! Верни им нормальный вид и изгони с Геи!

— А можно наоборот: сначала изгнать, а потом вернуть им прежний облик? Не пожимай плечами, это не математика, и от перемены мест слагаемых сумма еще как может измениться!

Навки построились в шеренгу, набрали в легкие воздуха, что было сил, дунули на ставших плоскими солдат, и те, как подхваченные порывом ветра осенние листья, закружились в воздухе и пропали из виду.

— Как быть с этими? — лотос кивнул в сторону экспериментаторов.

— Может, просто попробуем их напугать? — предложил Тихомир.

— Сейчас что-нибудь придумаю, — у лотоса появились глаза, он воздел их к небу, потом глянул вниз, и лепестки быстро побурели, а два из них превратились в щелкающие драконьи челюсти. — Так сойдет?

— Что-то не очень страшно. Детский мультик! (Это Витослав).

— Конечно, разве мага со стажем можно напугать маской дракона? Он сам их, сколько хошь, сделать может! Это физики, а не лирики, им нужен какой-нибудь природный катаклизм! (Это Боголеп).

— Ладно, щас будет им катаклизм! — и лотос снова исчез.

Мы уставились в экраны и увидели, что физики подняли головы и стали прислушиваться. Откуда-то издалека донеслись вопли и истошный кошачий мяв. Странные звуки приблизились, и из-за бугра на поляну истуканов выскочил здоровенный облезлый кот, за которым гналась огромная клизма. Животное начало вертеться вокруг истуканов, но медицинский инструмент не отставал, и время от времени ему удавалось вонзаться брызжущий чем-то вонючим кончик коту под хвост.

— Когда я говорил: «Катаклизм», то имел в виду нечто другое, — задумчиво проговорил Боголеп. — Хотя, происходящее впечатляет. Катаклизм — клизмокот... Замечательная анаграмма!

Наконец, загнав кота в узкую щель между двумя истуканами, клизма сделала свое коварное дело и, повернувшись к исследователям, повела кончиком из стороны в сторону, будто принюхиваясь. Лица людей, у кого побелели, у кого покраснели, и физики бросились врассыпную. Но тут же из рои вылетела большая стая карков, и птицы стали пикировать

людям на головы.

— Репех, ты уж больно не увлекайся там! — крикнул куда-то в пространство Ядринец. — Мы идем к вам!

— Не понимаю, когда же, наконец, мне начинать командовать? — подал голос генерал.

— Все, генерал, пока отбой. Извини...

Оказавшись на Гее, Ядринец преобразился. Он стал выше ростом, шире в плечах, его мускулы сделались более рельефными, на голове возникло что-то вроде короны, а в руке оказался скипетр.

— Ну, докладывайте, — обратился он к физикам, кто вы такие и что здесь подельваете?

— Мы ученые с Земли, — ответил ему один из исследователей, лысый, в очках и грязном халате, — ставим эксперимент. А вы кто такой?

— Зовите меня Повелитель стихий верхнего мира, или просто Повелитель. В чем заключается ваш эксперимент?

— Измеряем параметры поля этой статуи при изменении ее внешнего вида... Ой! Все, что мы вырезали, исчезло!

— Молодые люди, я ставлю вас перед выбором: или вы сами немедленно уходите на Землю и больше никогда сюда не возвращаетесь, или я отсылаю вас насильно. Это будет больно и обидно. Итак?

— Мы не можем, начальство не позволит. И потом, у нас здесь аппаратура, приборы... Мы исследуем таинственные явления природы. Давайте договоримся, иначе мы вызовем охрану!

— Благодарю вас за ваш выбор. Вам нужна ваша охрана? Так ступайте к ней. Ваша аппаратура последует за вами и прибудет в целости и сохранности. Прощайте!

Очкастый открыл было рот, чтобы что-то возразить, но тут же исчез, а следом за ним испарилась остальная братия. Ядринец повернулся к членам общины.

— Каз, Сихаэль, Витослав, Афиноген, блокируем все переходы, используя всю доступную энергию. Если хватит сил, поставим защиту вообще на весь остров.

— А может, тогда сразу на всю Гею?

— Не справимся. Придется сразу призывать богов. Помнится, Никита что-то говорил об Аспиде?

Ядринец нахмурился.

— Можно попробовать. Аспид черпает силы, забирая их у человечества. По сути, он — вампир. Он сеет вражду между людьми, провоцирует конфликты и питается выделяющейся при этом эмоциональной энергией. Он вербует себе слуг, воздействуя на их подсознание и делая их слепыми исполнителями его воли, и создает энергетическую сеть. Все, кто в нее попадает, становятся зависимыми от нее, как от наркотика. Таких людей можно назвать скандалозависимыми. Они находят или создают повод для конфликта, разжигают страсти и снимают урожай. Но с нами Аспид дружил. Мы постоянно через молитвы давали ему энергию, а он оберегал общину от социальных потрясений.

Тут я не выдержал.

— Как община пошла на сделку с таким откровенным негодяем?

— Он не негодяй. Он — как навозный жук, земляной червь, он — санитар, ассенизатор, утилизирующий нечистоты. Без него мир погряз бы в дерьме. Вспомни, как после приступов гнева ты переживал чувства очищения и просветления... Ну, что же, давайте его призовем!

XXX. Мстя генерала

Бом-м-м-мммм!.. — по поселку прокатился и эхом отразился от Сторожевой горы протяжный колокольный звук.

— Это он! — заулыбался Ядринец, и, видя, что я ничего не понял, торжественно пояснил: — Аспид нас услышал! Когда-то он подарил нам колокола, сделанные из обрезанных газовых баллонов, и теперь они у него — любимая геянская игрушка!

И тотчас перед нами возник верзила, рядом с которым даже Ядринец выглядел, как ребенок. Дитина улыбался и держал в руке резиновую киянку, а громовые раскаты его голоса впечатлили меня не менее его внешности. Он сказал:

— Приветствую вас, давненько не виделись, рад оказаться полезным! Я знаю, в чем состоит ваша проблема, и догадываюсь, в чем может заключаться ее причина: вы совершили ошибку.

— Какую?

— Перун указал Ядринцу новый духовный путь — это отлично. Ядринец принялся искать единомышленников и воспитывать учеников — здесь тоже все в порядке. Потом вы создали общину — это естественное развитие событий. Затем вы решили отделиться и переселиться на Гею — и в этот момент допустили первый, но самый серьезный огрех: вам не захотелось начинать с каменных топоров и игл из рыбьих костей, вас не прельщала перспектива добывать огонь трением и все такое, и вы попытались пользоваться достижениями цивилизации.

— А был еще и второй огрех?

— Вы начали взаимодействовать с миром Земли, норовя сразу быть с ним на равных, устроили для землян духовные курсы и экскурсии, начали торговать, а иной раз и воровать...

— Третьего огреха-то, хоть, нет?

— Еще как есть! Вы дерзнули изменять историю самой Земли и ее народов, не имея на это ни малейших прав... Короче, наломали дров. Это — отражение имперских замашек, испокон веков свойственных всем вашим соотечественникам. И вот итог.

— Но ведь ты имеешь от этого огромную выгоду?

— Я вас не критикую и не осуждаю, я просто констатирую факт. Вот, вы здесь сидите и даже не подозреваете, что ваша бывшая родина недавно опять ввязалась в военный конфликт, из которых она не вылезает с самого момента своего появления.

— Надеюсь, не на своей территории?

— Конечно нет, она по привычке не оставляет попытки учить жить другие народы. Поэтому-то контора занимается вами не так интенсивно.

— Что посоветуешь предпринять?

— Теперь уже ничего. Во всяком случае, пока...

— Твое «пока» звучит обнадеживающе. А что еще?

— Вам посоветуй, а потом вы прикроетесь моим именем и подпортите мне репутацию... Шучу! Хотя, само ваше существование уже произвело на свет столько коллизий, что я набрался энергии по самое горло, и стал во многожды могущественнее. Но и в итоге превратился в вашего должника.

— Ты — бог, и между тобой и общиной не может быть долгов. Мы производим взаимовыгодный обмен: община снабжает тебя коллизиями и, стало быть, энергией и силой,

а ты даешь ей покровительство и наставничество.

— Ладно, уговорили. У меня есть бесконечное множество вариантов, но, я точно знаю: вас устроят далеко не все. Итак, вы можете сдать на милость победителя...

— Ни за что!!!

— Вы подтверждаете только что сказанное мной. Продолжаю: вы можете начать войну, вы можете договориться с неприятелем, вы можете попробовать его перехитрить, и наконец, вы можете вступить против него в сделку с более могущественными, чем он, силами. Выбирайте.

— Открытую войну мы, скорее всего, проиграем.

— Даже не сомневайтесь в этом. В данном случае вам придется воевать не с кем-нибудь, а с государством, политика которого в течение десятилетий основывалась на подчинении и силовом подавлении. Если противник увидит, что не способен с вами справиться, то запросто может устроить вам ковровые бомбардировки, или взорвать на Гее тактический ядерный заряд, или... Поверьте мне: они могут такое, что обычному человеку не приснится даже в кошмарном сне. По этой же причине не рекомендую даже пытаться договариваться. Ради перспективы заполучить вас в качестве вожака, они пойдут на нарушение любых договоров, скрепленных, хоть печатями, хоть клятвами на крови. На магию не надейтесь. У вас не осталось магических артефактов, кроме кольца Витослава, да и кольцо это не всемогуще. Как оружие, оно подходит более для поединков один на один, или два на два, ибо действует локально. Не все члены общины — маги. Если нейтрализовать Ядринца, Казимировича, Афиногена, Сихаэля, Витослава и Витовта, остальных можно брать, как говорится, голыми руками.

— А Репех?

— Он не член общины, он сочувствующий ей бог, он не станет вмешиваться, дабы не нарушать никем не писанные законы. По этой же причине не стоит особенно надеяться на других бесплотных — ни на богов, ни на демонов, ни на низших. Хотя в иные моменты они, возможно, смогли бы оказывать вам некоторую помощь.

— А как, окажись на нашем месте, поступил бы ты?

— Я? На вашем месте? Ха-ха-ха! Никогда!!! Хотя, возможно, я попытался бы их обмануть. Набрал бы добровольцев из числа оставшихся на Земле, поселили их на Гее, общину втихаря перевел на Терру, а для Земли придумал бы легенду, что, мол, вдруг случился катаклизм — магическое извержение, или еще че-нить позабористее, и вся община погибла. Но потом — никаких контактов; если разоблачат, второй раз этот номер не пройдет.

— Ты еще упоминал сделку с более могущественными силами!

— Это я так — брякнул, не подумав... Туда даже мне соваться боязно. Да и предложить вам для них нечего.

— А что бы они могли попросить?

— Не знаю, там нет никаких желаний, там царит полное удовлетворение, созерцающая сама себя благодать, там нет никого, про кого можно было бы сказать, что он — личность.

— Но кто-то же там есть?

— Там есть Тот, Который Причина всего.

— И с ним можно договориться?

— Не знаю. Были настырные смельчаки, которые отваживались искать с Ним встречи, но что с ними стало, и куда в итоге они подевались, я не ведаю. Никто никогда не

возвращался от Того, Кто есть причина всего. Во всяком случае, в своем прежнем облике. Поэтому, как я думаю, самым правильным вариантом будет скрыться и затаиться минимум лет на пятьдесят. Со своей стороны смогу внедрить в нужные головы мысль о том, что гибель общины на чужой планете — сущая правда. Это должно сработать.

— Но напоследок мы им жахнем? (Это генерал).

— В Украине это называется «плюнуть соседу в борщ», а в России говорят: «Не съем, так понадкусываю!». Генерал, ну, зачем это?

— Не знаю, почему, но мне безумно хочется хоть немножко нагадить своим бывшим коллегам. Наверное, из-за того, что в общине я впервые в жизни почувствовал настоящую свободу!

— Вот и наслаждайся ею, сколько хочешь, и при этом не забывай поговорку: «Не буди лихо, пока оно тихо!».

— Хорошо-хорошо, но я один только раз!

— Ну, один раз, пожалуй, можно. Поведай, что ты уже задумал?

— У меня давно имеется громадный зуб на нашего интенданта, майора Аронова. Вот, ужо, я ему покажу!

— Генерал, полно тебе, с тех пор прошло семнадцать лет, кроме того, у тебя есть Иззи, до сих пор без ума в тебя влюбленная.

— Старая рана не заживает. Я отомстю, и моя мстя будет ужасна!

— Генерал, — вмешался Репех, давай я загляну в твою бывшую квартиру и разузнаю, что там и как, а уже потом ты будешь мстить. Ежели чего, я тебе помогу. Идет?

— Только ничего не говорите Иззи!

— Мужики друг друга не сдают!

— Ребята, если у вас все, тогда я полетел; буду зондировать почву, подбивать клинья, нашептывать на ушко, поговорю с членами общины на Земле... Короче, всем пока-пока! (Это Аспид).

— Генерал, если хочешь, я ненадолго сделаю тебя гибким, как я.

— Хочу! И чтобы я летал! И чтобы мог превращаться! И чтобы...

— Слишком дорогое удовольствие. Когда-то меня связали кишками моего сына Нарви, приковали к скале, к трем камням, мне на голову капал яд, но я освободился и я стал таким, какой сейчас! Ты тоже хочешь попробовать вкусить моей участи?

— Нет, не хочу ни кишок, ни трех камней, ни яда! Зачем такие зверства? Давай что-нибудь попроще.

— Я дам тебе возможность любой трансформации.

— Этот как?

— Сможешь оборачиваться всем, чем пожелаешь!

— Давай!

— Кстати, когда-то, на чарующем безымянном острове на Земле в знак благодарности за возвращение памяти я подарил каждому из присутствующих по магической способности. И сразу стало видно, кто из общины прирожденный маг, а кто нет. Одни стали эти способности развивать и оттачивать, а иные о них забыли... Но это — личное дело каждого, я не в обиде. Так вот: среди нас есть новые члены общины, которые, как я полагаю, тоже достойны получить что-нибудь эдакое, — он пошевелил пальцами, — и чтобы оно пошло им на пользу. Светлана, какую способность ты хочешь получить?

— Никакой. Я боюсь всей вашей магии и хочу только, чтобы Володя был здоров, и ему

было со мной хорошо.

— Да будет так, — торжественно провозгласил Репех. — Ну, а ты, Володя-Анданте-Никита-Благовест?

— Не знаю. На твое усмотрение.

— Поскольку ты у нас литератор и имеешь хорошую привычку беречь свои труды от всяких неприятностей, вручая их копии на сохранение доверенным лицам, я даю тебе способность делать это не по телефону, Интернету, или, там, через флешку. Отныне ты сможешь четко и ясно передавать сообщение мыслеграммами, напрямую из своей головы в любую другую. Да будет так!

— Репех, ну а я? Где моя способность? (Это генерал).

— Уже!

— Уже? И что мне с ней делать?

— Что хочешь. Только осторожно... Эй, генерал, я же сказал осторожно!.. Ахали цели!

В месте, где стоял генерал, раздался тихий хлопок и возник большой возбужденный мужской пенис. Он слабо запульсировал и исчез. Рада истерически захохотала:

— Это то, что занимало девяносто процентов его ума! Даже, может, девяносто пять! Старый кобель!

— Вопиющая плоть! — пробормотал Ядринец.

— А может, он скрытый бисексуал? — предположил кто-то.

Ну, значит, пропал интендант! (Это Афиноген).

Мы огляделись. Репеха на прежнем месте тоже не было.

Прошло около десяти томительных минут, община начала вздыхать и украдкой поглядывать на магов — мол, ребята, не пора ли внести ясность? Но тут раздался тот же звук, и на прежнем месте появились невозмутимый, как всегда, Репех и озадаченный генерал в своем естественном облике. Все замерли в ожидании.

— Дело было так, — начал генерал, — вот он (кивок в сторону Репеха) меня перехватил и отговорил делать то, что я задумал, но я продолжал настаивать на том, чтобы мстя все-таки свершилась. И тут ко мне в голову пришла мысль (генерал подозрительно глянул на меня): я загадал так, чтобы каждое из ругательств Аронова превращалось в натуральное действие, совершаемое над ним самим. Срок исполнения — тотчас, длительность действия — тридцать секунд.

— То есть? — не понял Валик.

Интендант шел по улице, его случайно толкнули, и он обернулся козлом, а прохожие, зажав носы, бросились врассыпную. Как вы думаете, что он перед этим сказал толкнувшему?

— Козел вонючий?

— Совершенно верно. Вернувшись в свой естественный вид и раздумывая о случившемся, он наложил в штаны и упал в обморок. Что он подумал?

— Усратья и не жить!

— Точно! Через полминуты, встав, шатаясь, оглядываясь и, вероятно, догадавшись, в чем дело, он мысленно произнес третью ругательную фразу, тут же скрутился калачиком, и совершил... как это по науке... орально-генитальный половой акт с самим собой.

Народ, догадавшись, что произошло, захохотал.

— В общем, я удовлетворен! — резюмировал генерал.

XXXI. Огненная ватрушка

Прошло несколько дней. Геянская община переселилась на Терру, предоставив свои дома тем, кто начал приходить с Земли, а перед этим Ядринец, Казимирович, Афиноген и Витослав устроили образцово-показательное извержение вулкана Эльбурз. На Земле такого практически не бывает, но на Гее на обеих его вершинах образовалось по кратеру, и те добросовестно исполнили возложенную на них задачу. Геянские бездомные вздохнули с облегчением (если они вообще дышат), и, стало быть, задача моей командировки была выполнена. Но возвращаться на Землю мы со Светой пока не собирались, и на сей предмет у нас с ней состоялся серьезный разговор.

— Ты действительно готова продолжить наше приключение?

— Куда ты, туда и я. Мы уже говорили об этом в тот день, когда ты сделал мне предложение. Помнишь, почти тридцать лет назад? Сколько нам тогда было? По сорок?

— Мне тридцать девять, тебе тридцать восемь, и я сам тогда не ожидал, что все так обернется...

— Я своего мнения не изменила!

Разговор с Афиногеном оказался более длинным.

— Ты бы не торопился и еще раз подумал, твоя миссия выполнена, и у тебя нет ни перед кем никаких обязательств. Сам факт того, что ты прекрасно знаком с нашей общиной почти с самого ее возникновения, но к ней не примкнул, говорит о многом. Ты — домосед, книжный червь, ученый в башне из слоновой кости, предпочитающий покой и уют. Учти: с конторой шутки плохи... Я расскажу тебе одну историю.

Это было в начале девяностых. Однажды ко мне на исповедь пришел человек, и то, что он рассказал, меня удивило, а если честно, даже немного испугало. Он говорил: «Все, что написано в Библии, происходит в моей душе. У меня внутри живут народы: религиозное чувство — знающий имя Бога Израиль, физический мир — Египет, царство порядка — Рим. В молодости я искал ответы на вопросы бытия во внешнем мире, но потом мое религиозное чувство вырвалось из плена материальности и сорок лет, питаюсь только верой и надеждой, бродило по пустыне. В итоге оно нашло новую духовную землю, и утвердилось в ней!». То есть, он оказался настоящим самородным эзотериком, ведущим поиски истины в том же направлении, что и я. Естественно, раскрывать себя я не стал, но выделил его из общей толпы. Периодически он приходил на исповедь и продолжал рассказывать о своих наблюдениях. Он, как и я, полагал, что «поклонение истуканам» — это следование собственным мыслям и ощущениям. Каменные истуканы — суть незыблемые принципы, деревянные — чувства, металлические — идеи. По его выходило, что поклонение златому тельцу — это обожествление всего, считающегося образцом чистоты, но созданного не богом, а человеческим разумом — святости, честности, искренности, благородству, и всему такому. Я несколько раз порывался сказать ему: «Я думаю точно так же!», но сдерживался: а вдруг он — «засланный казачок», агент конторы, и в кармане у него спрятан диктофон. Как известно органы безопасности держат на контроле священников всех конфессий, и даже негласно зачисляют их в свой штат осведомителями.

Чуть позднее я узнал, что у него есть группа единомышленников, и что они раз в неделю собираются у него на квартире и занимаются трактовкой священных текстов. Еще позже он сказал, что решил провести лекцию на тему «Эзотерическое христианство» и даже

договорился с директором городского планетария о предоставлении ему помещения, и пригласил меня в качестве почетного гостя. Он вручную нарисовал несколько весьма симпатичных афиш и расклеил их поблизости от «окна во вселенную», а одну даже принес мне. Но наше начальство категорически запрещает размещать на территории храма любые объявления, и мне пришлось ему отказать.

Как ты понимаешь, лекция не состоялась, афиши были сорваны, директор планетария получил выговор с непонятной формулировкой, а ко мне пришел следователь и промурыжил больше часа. Любопытно, но он почти не интересовался этим человеком, а задавал вопросы, которые я назвал бы идиотскими. Как видите, даже в смутное время контора зорко следила не только за поступками, но и за умами граждан. Сейчас она во многожды сильнее, чем тогда... А странный прихожанин больше в моем храме не появлялся.

— Может, этот молодой человек был провокатором?

— Он сосем не молодой, лет сорока... Нет, скорее всего, его вызвали на допрос и хорошенько припугнули. Короче, ты подумай.

Знаешь, я думал всю жизнь... мне уже за шестьдесят. Наверное, пришло время действовать. Или я опоздал?

— Действовать никогда не поздно. Вот тебе первое боевое задание. Слетай на Гею и посмотри, как там обстоят дела. Можешь воспользоваться своими камушками. В контакты пока ни с кем не вступай, оставайся незамеченным. Прочее — на твое усмотрение. Кого возьмешь с собой? Рекомендую Казимировича. Он будет твоим советником и телохранителем.

— Ты это только что придумал? Зачем летать, когда можно подсмотреть? И надежней, и безопасней.

— Магическое воздействие на расстоянии ослабевает. А ну, как нужно будет во что-нибудь вмешаться и колдануть по-взрослому!

— В Володиных заметках...

— В чьих?

— Извини, в записках и дневниках Витослава... Так вот, там проскакивает совсем другая информация!

— Это и так, и не так. Всему виной твое подсознание. Когда-то давно, когда Лагода еще не была знакома с Витославом, она училась у Казимировича внетелесным перемещениям. Он тогда интенсивно занимался йогой и давал ей йоговскую технику выхода в астрал, в классическом варианте это делается из положения «лежа на спине». Стоял ноябрь, на улице был легкий заморозок, но йоги во время выполнения своих асан выделяют в пространство такую прорву энергии, что в зале поднялась температура, и Казу пришлось открыть форточку, дабы освежить воздух в помещении. Вскоре Лагода вышла из своего физического тела, вылетела через образовавшийся проход на улицу и отправилась немного полетать, а Каз возьми, да форточку-то и закрой. Она, бедолага туда-сюда: прохода нет, вернуться не может, крикнуть, или постучать в окно не получается! Напугалась до смерти. Спустя какое-то время Каз в комнате смотрит: девка лежит без сознания. В его практике такого раньше не случалось, и он тоже испугался; начал делать ей искусственное дыхание, хлопать по щекам, брызгать в лицо водой... Она снаружи это видела, да что-нибудь предпринять была не в состоянии. Наконец, Каз догадался опять открыть форточку, и она только — шась в квартиру и вошла в себя. Что не давало ей пройти сквозь стекло? Её же собственное подсознание! Оно говорило, что это невозможно. Так и здесь: магия сама по себе на

расстоянии не убывает, но твое подсознание, зная, как бесконечно далеки друг от друга Гея и Терра, само по себе снижает ее интенсивность. Умные люди подсчитали, что здесь имеет место не квадратичная, как в гравитации, а логарифмическая, как в акустике, зависимость. Но лично я в этом ничего не понимаю. До тех пор, пока ты не научишься справляться со своим подсознанием, будь добр, присутствуй поблизости от мест свершения своих магических деяний! Лады?

— Ладно. Когда лететь?

— Когда хочешь. Можешь и не лететь!.. А вот, это брось! — воскликнул он, заметив, что я вознамерился сплюнуть через левое плечо.

— Извини, это — так плохо?

— Это никуда не годится. Такой плевок может невзначай включить механизмы, тебе неведомые и опасные. Не совершай обрядов и ритуалов, не зная, как они действуют и к чему приводят. Ладно. Удачи!

Я повернулся, чтобы уйти, и увидел стоящую чуть поодаль Свету.

— Сколько я тебя знаю, ты постоянно встречал в рискованные мероприятия, но я никогда не волновалась за тебя так, как боюсь теперь. Хочешь, я пойду с тобой?

— Вообще-то, Афиноген сосватал мне Казимировича... Пойдем, найдем его и полетим втроем!

Казимирович восторга не проявил и принялся бурчать себе под нос: «Обуза, возись с ней, ежели чего...». Но я посмотрел на него так выразительно, что он заткнулся и отвел глаза. Выходит, и мой взгляд при необходимости может нести в себе приличный заряд воспитательно-наказательной энергии! Я вынул из кармана, то ли Арфина, то ли Архиза (до сих пор путаю, кто из них кто), мой взор пролетел сквозь него, через бездну беспредметности, мимо пропасти безвременья и застыл перед стоящим на Геянской поляне истуканов идолом. По-моему, это был Митра, потому что взгляд уперся в самое примечательное из всех мест его тела. Послышались отдаленные голоса, и все якобы говорило, что мы достигли цели. Но неожиданно картинка смазалась, и мы втроем оказались в совершенно незнакомом месте. Поначалу я подумал, что наша группа очутилась в планетарии со сферической проекцией. Звездное небо было над головой, и такое же небо было и внизу, и по сторонам. Прямо под ногами висел в пространстве огромный черный тор, по-народному, бублик, в центре которого пульсировало и жило своей жизнью озеро пламени. Или, даже не бублик, а ватрушка, в которой вместо творога был огонь. Из него, то тут, то там вылетали крупные раскаленные сгустки, некоторые из которых плюхались обратно, поднимая фонтаны брызг, а иные устремлялись в открытый космос. Эдакие миниатюрные копии солнечных протуберанцев. Внешний край «ватрушки» был неровным, покрытым цепью невысоких холмов, напоминающих горные хребты в миниатюре. За ними царила бездна. До огненного озера было не более трех шагов вперед, до края света — столько же назад. Мы стояли, затаив дыхание, всецело поглощенные сказочным величием зрелища. Не знаю, много ли было воздуха над нашими головами, но дышалось легко и свободно, будто в горах. Света посмотрела на меня, я на нее, и мы оба украдкой — на Казимировича.

— Не знаю, — ответил он на наш немой вопрос, — я, как и вы, здесь впервые. Но даю голову на отсечение, это все неспроста!

Я сделал маленький шаг вперед. Почва была мягкой и податливой. Еще шаг, и подошвы ног ощутили тепло.

— Дальше не ходи! — подал голос Казимирович, — кто знает, насколько у этого озера крепкие берега!

Света, наоборот, шагнула чуток назад и тихо ойкнула.

— Что такое? — встревожились мы с Казом.

— Ничего, ничего. Просто земля стала тверже и начала леденить ноги. Получается, два шага вперед и один назад — это все наше свободное пространство!

Я отчетливо ощутил сразу два противоположных желания: посмотреть в огонь и глянуть с обрыва в бездну, и как-то интуитивно понял, что от этого выбора будет как-то зависеть моя судьба. А еще я знал, что меня никто не торопит, и что я могу размышлять над принятием решения неограниченно долго.

— Сейчас попробуем отсюда телепортироваться! — я наугад вынул опять непонятно который из своих камней и прильнул к нему глазом.

— Ну, что? — не выдержал Каз.

— Сейчас, сейчас!

— Сделай большой экран! — предложила Света.

Я старался разглядеть хоть что-нибудь сквозь толщу камня, но, увы, все усилия оказались тщетными. Все равно, как пытаться увидеть что-нибудь через дверной глазок, который кто-то прикрыл с той стороны рукой. Но вот, наконец, кажется, промелькнуло лицо Ядринца. Я напрягся, лицо зафиксировалось и стало более различимо.

— Никита?

Голос Яна тонул в каком-то шуме, будто я слышал его по радио на коротких волнах.

— Да, это я!

— Как ты туда попал?

— Вытяни нас отсюда!

— Беритесь за руки!

Нас оторвало от почвы и мы зависли на высоте не более метра.

— Ну, давай!

— Не хватает здоровья! Афиноген, помоги!

Мы приподнялись еще на десяток метров.

— Теперь не отпускайте, не ровен час, разобьемся!

— Витовт! Зови сюда всех! Быстро!

Из озера вырвался протуберанец, потянулся в нашу сторону и обдал жаром наши ноги.

— Ахали цели!!!

— Да-да, мы уже... Сейчас!

Звезды померкли, и раздался странный гул.

— Ребята, тяните же!!!

Опять все смазлось...

Первое ощущение: очень болит голова. Второе ощущение: невыносимо болит голова. Третье ощущение: чудовищно болит голова... Еще болели руки и ноги, а живот сводило спазмами. Как такое может быть? Спросить не у кого; вернее, я не вижу, у кого можно было бы спросить. Я вообще ничего не вижу, кроме багровой пелены перед глазами. Причем, левому глазу она кажется более темной, а правому — более светлой. Плюс еще в поле зрения плавают какие-то червячки; скорее всего, они ненастоящие. И гул в ушах остался — давящее на мозги бронзовое гудение. О боги, сколько это уже продолжается, и как долго еще будет длиться? Чу! Слышны чьи-то шаги... Или показалось?

— Ну, ты как?

Кто это? Кажется, Ядринец.

— Почему мне так плохо? У меня же нет физического тела!

— У тебя есть сознание и подсознание. Этого достаточно, чтобы во всей полноте ощущать дискомфорт. Тебе во сне бывает больно, страшно, весело, тошно? Для того чтобы это переживать, физическое тело вовсе необязательно!

Гул стал тише, картинка в глазах стала проясняться.

— Что это было?

— Это был Тот! Мало того, что ты попал к нему в объятия, так ты еще и затащил туда остальных.

— Он хотел нас поймать?

— Он сам ничего не хочет. Это ты хотел поймал Его. Твое подсознание оказалось очень сильным. Когда ты впервые услышал о существовании Того, кто есть причина всего, оно испытало влечение к Нему. Такое рано или поздно случается с каждым.

— Никогда не подозревал о существовании в себе такой силы!

— Наоборот, подозревал, и потому инстинктивно избегал прямых контактов с нашей общиной, хотя и не отдалялся от нее совсем. Долгое время ты лишь правил тексты и накапливал информацию, но в один прекрасный момент количество перешло в качество, и вот, ты здесь.

— Но как все это получилось?

— Вспомни рассказ Витослава о том, как он создавал копию Паруса, в той его части, когда он толковал Слободану про кота Шредингера. Кстати, вот и Слободан. Он — физик, и сможет все объяснить тебе более доходчиво, чем я.

— Только не очень заумно, я еще не пришел в себя окончательно... Эй, Слободан, причем тут вообще физика? Это же чистейшая магия.

— Что ты, что ты. Третий класс, вторая четверть. Все очень просто. А магия, как я когда-то понял, та же физика. Ты ведь слышал о таком понятии, как дуализм? Это когда элементарная частица ведет себя ещё и как волна.

— Ну, что-то такое... Да.

— Но, чем больше наблюдать частиц одновременно, кучей, тем меньше они проявляют свойства волны, и тем больше — свойства твердых тел. Это ты тоже знаешь?

— Не знаю... Нет... Наверное... Да...

— И тогда встают два вопроса: что заставляет их так меняться, и где тот порог, превышение которого к этому приводит?

— У меня плавают предохранители. Может, не будем об этом?

— Ты же сам хотел знать, что с тобой произошло! И потом, самое страшное уже позади. Слушай дальше. Микромир заканчивается тогда, когда происходящее становится таким крупным, что его можно наблюдать. Другими словами, наше восприятие превращает волновую картинку мира в материальную, а этим занимается наше подсознание, наше коллективное поле. Мы сами творим нашу реальность. То есть, совершая магическое действие, ты, сам того не ведая, просто умножаешь реальности и выбираешь ту, которая тебе нужнее.

— То есть, бог ничего не творил и не творит?

— Та сила, которой мы творим, это его сила. Он создает действительность нашими руками.

— Ну, допустим. А как он творил, когда людей еще не было?

— Ты уверен, что мир в те времена был сугубо материальным?

— Предположим. Что же тогда со мной произошло?

— Рассмотрим третью ипостась бытия.

— А нельзя обойтись первыми двумя? Я к ним уже как-то привык...

— Увы! Третья ипостась — информационная: все сущее можно рассматривать, как информационные потоки, некие алгоритмы.

— Ну, хорошо. И что?

— Человеческое сознание — поток очень сложных алгоритмов, а в них, естественно, неизбежны ошибки — как в компьютерных программах. Среди них есть некие гейзенбаги — бич программистов. Их невозможно найти при отладке программы, ибо при попытке обнаружения они тут же норовят изменить свойства, спрятаться. Они подчиняются принципу Гейзенберга — неожиданному изменению наблюдаемого объекта в результате самого факта наблюдения. То есть, в твоём случае мы имеем дело с таким гейзенбагом, или, выражаясь более простым языком, плавающей ошибкой, которое допустило твое подсознание при перемещении. Кстати, судя по всему, ты — обладатель гораздо более мощного подсознания, чем многие из нашей общины, и тебе следует быть осторожнее со своими мыслями, идеями, предпочтениями и избеганиями.

— Ты что-нибудь понял? (Это Ядринец).

— Более-менее.

— А я, вот, ни фига... Я ведь — гуманитарий. Зато ты не понаслышке знаком с Тем, кто есть причина всего. Вернее, со своим пониманием, каков он. Ибо он не имеет ни формы, ни внешнего вида, ни расположения в пространстве, ни свойств, ни качеств. Он сам порождает свойства, качества, пространство и время, и, я думаю, еще много того, чему нет названия, и до чего пока не добралась официальная наука. Как ты себя чувствуешь?

— Как хомяк.

— В смысле?

— Как хомяк, который разгрыз сначала пакет с алебастром, потом флакон с касторкой.

— Все равно не понял!

— Меня сейчас разорвет изнутри!

— Тогда будем считать научную конференцию по квантовой физике и магии законченной!

— Где моя жена и Казимирович? Как они?

— Не блестяще, но гораздо лучше, чем ты. Позвать Свету? Она вся испереживалась!

— Привет, Солнышко!

— Привет! Я рада, что тебе лучше! Вова, мне было так страшно, особенно эти огненные капли!.. Мне показалось, что в каждой просвечивает чье-нибудь лицо. Только я не поняла: это лица тех, которые жили раньше, или тех, кто родится в будущем?

— Не знаю, я лиц не видел, не присматривался. Уверен, что в каждом последующем воплощении люди выглядят несколько иначе, чем в предыдущем. Они теряют часть себя в озере огня, в нем же приобретают что-то новое и лишаются памяти прошлых жизней. А что, если нам каким-то образом попробовать остаться такими, какие мы сейчас? Как ты думаешь, это возможно? Лично мне ты нравишься именно такая, какая ты есть, мне не нужно другой!

— И ты мне нравишься таким, какой ты есть сейчас. Я согласна!

И тут я заметил стоящих поодаль и деликатно ожидающих окончания нашего со Светой разговора Ядринца и Казимировича. Потом они двинулись к нам.

— Ну что, ребята, продолжим выполнение задания?

Я сунул руки в карманы и опять вытянул два камня.

— Вот этого, — Ядринец указал на Архиза, — лучше не бери, проблем не оберешься: он норовит работать в нечетных реальностях, сам понимаешь...

Я сам ничего не понимал, но в знак согласия кивнул и приложил Арфина к глазам. Но том конце провода что-то заворочалось, и я увидел знакомый глаз, глядящий на меня в упор.

Это дежавю! Карл? Привет, Вова! Давненько не виделись! Заходи, чё стоишь?

Я сделал шаг. Но тут все смазлось, и я снова оказался стоящим возле огненного озера посреди безвременья. Из пламени вынырнул очередной протуберанец, завис на уровне моей головы, и мне показалось, что он на меня смотрит. Я оглянулся: Светы и Казимировича рядом не было. Плохо дело! И тут у меня в голове зазвучал голос — ни мужской, ни женский, ни детский. Такими голосами разговаривали роботы в фантастических фильмах семидесятых годов. Этот голос спросил:

— Почему ты не пользуешься вновь приобретенными способностями и не общаешься мысленно?

— С кем?

Тишина.

— Ах, да. С тех пор у меня было предостаточно поводов... Не знаю.

— Таких, как вы, называют богоборцами.

— «Вы» — это наша община?

Тишина.

— Почему?

— Вы пытаетесь переделать мир. Эсагилкини-Уббиб и Локаята-чарвака, Ксенофан Колофонский, и Иаков, он же Израиль...

— А ты против?

Тишина.

— С ума сойти: я — богоборец!

— Ты — плохой богоборец, недалекий, трусливый, нерешительный и чванливый, но дерзкий, значит, искренне любящий бога.

— Не понимаю.

— Вере приличествует верность, надежде — доверчивость, а любви — дерзновение. Тебе осталось понять одно: силу, доверчивость и дерзость ты получаешь от меня, ибо у тебя нет ничего своего. Ни у кого нет.

— Это ты так сотворил?

Молчание.

— Зачем такие сложности?

— Таким способом я познаю себя. Мое единственное стремление — познать самого себя. Но, сделать это, будучи цельным, невозможно. И я делюсь на множество личностей, наделяю их иллюзией самостоятельности и ввожу в отношения друг с другом и с окружающим миром. Я — кукловод с бесконечным количеством рук, спрятавшийся за ширмой. В каждой руке — по кукле, и таким образом я разыгрываю спектакль.

— Для чего?

— Познав себя окончательно, я найду создателя, но не раньше.

— Разве создатель — не ты?

— Я создатель всего сущего, но прежде меня появилось само бытие, как таковое. Я не знаю, откуда оно взялось. Значит, кто-то должен быть до меня.

— Насколько ты преуспел в этом занятии?

— Ненамного. Ведь вселенная еще расширяется.

— А что будет в конце процесса?

— Остановится, затем начнет сжиматься, потом схлопнется.

— А потом?

— Я возникну опять, и все пойдет по новому кругу... А может, произойдет что-то другое... Этого не знает никто.

— Что было в самом начале?

— Возможно, самого начала не существует, а бытие было всегда. Доподлинно этого не знает никто.

— Спасибо. Я свободен?

— Ты свободен ныне и присно. Относительно, разумеется.

— Тогда пока.

— Пока. Хочешь, устраню твой гейзенбаг?

— Не стоит. Это ведь пропуск к тебе?

— Тебе ко мне теперь можно и без пропуска. Ну, как знаешь...

Все смазалось... На меня смотрел глаз.

— Карл?

— Ну, я! Куда ты пропал? Я уже начал волноваться! Так ты зайдешь, в конце концов?

Я сделал шаг.

Света опередила Каза и повисла у меня на шее.

— Как ты себя чувствуешь? На тебе лица нет. Еще бы, столько передрыг за такое короткое время! Я знаю, ты был ТАМ!

— Казимирович, я все равно не понимаю: почему мне плохо, ведь у нас сейчас нет физических тел!

— Твой облик создается твоим подсознанием. Но, поверь мне, не стоит пытаться его изменять. Нарушишь равновесие — сам потом рад не будешь. То же касается и самочувствия. Лучше забудь об этом и расскажи, как все было.

— Можно, я буду подслушивать? (Это Карл).

XXXIII. Экспедиция

Прошло два земных месяца.

— Да-а-а-а... — протяжно проговорил Ядринец, почесывая затылок, хотя — я был в этом уверен — у него нигде ничего не чесалось. — Это не совсем то, вернее, совсем не то...

— Что не то?

— Это не община, это жалкая пародия. Это скорее курортники-робинзоны, чем духовные искатели. Вишь, чё творят!

И впрямь, нынешнее Геянское поселение разительно отличалось от нашей старой общины. На истуканов никто не обращал должного внимания, их отодвинули на задворки поляны, и теперь их функцией было только создание антуража. Поля удобрялись всякими суперфосфатами и прочей химией, опылялись пестицидами, гербицидами и прочими «...цидами», а окружающие леса вырубались под новые участки. В роще карков появились кострища с битыми бутылками, размеченные дорожки, урны и скамейки. Судя по внешнему виду, каркам доставляло особенное удовольствие гадить именно на их сиденья. На припиленном степлером к доске объявлений листке формата А4 красовалось распечатанное на принтере сменное задание — сколько чего надо вскопать, полить и вырубить. Здесь же прилепилось расписание вечерних соревнований по пляжному футболу, а расписание молитв и медитаций отсутствовало.

— Проявись и задай им жару!

— А толку? Столько лет стараний псу под хвост! Нет, я проявлюсь... мы проявимся через пятьдесят лет, и вот тогда кое-кому мало не покажется!

— А я думаю, все нормализуется.

— Нет, человечество по сути своей ненасытно, ему свойственно захватывать и вбирать в себя все, что создала природа. Еще полгода-год, и здесь будут эмираты-два. Еще нефтяных вышек не хватает. Но если все так пойдет и дальше, то и появление вышек — не за горами. А пока это кибуц!

— Все-таки, они настроены романтично, а это плюс!

— Почему ты так решил?

— Видишь столбы с проводами вдоль некоторых улиц? Значит, у них уже есть электричество...

— И не только. Судя по всему, у них есть радио и Интернет. Это, по-твоему, романтично?

— Нет, я не это хотел сказать. Видишь, на столбах таблички с названиями улиц? Читай!

— «Аллея розовых звезд»... Неплохое название для центральной улицы. А почему розовых?

— Какая разница? А вон та, самая дальняя и глухая улица называется Тропической. Вот еще: «Марсианское шоссе», «Улица героев»...

— Дети научно-технического прогресса!

— Не только прогресса, вот: «Переулок вздыханий»!

— А на центральной площади у них мэрия, полиция и представительство планеты Земля!

— В котором сидят парни из конторы. Добавь еще: вход в пещеры Сторожевой горы закрыт, на нем висит табличка: «Контрольно-пропускной пункт», и возле стоит парень с

автоматом.

— Пошли, подслушаем, о чем говорит народ? Хотя бы, вот эти, которые чего-то там копают.

Оставаясь невидимками, мы почти вплотную приблизились к двум здоровенным парням, у которых под загорелой кожей бугрились шварценнегеровские мускулы. Парняги старательно вскапывали огород не менее чем на полтора штыка вглубь.

— Сегодняшняя норма — во-он до того кустика, — сказал один.

— Можем не успеть, — ответил второй.

— И что будет?

— Минус десять баллов, по пяти тебе и мне.

— И минус десять Чопперу, он выдал нам тупые лопаты!

Оба рассмеялись.

— Какие странные у них имена, — удивился я.

— Это не имена, а клички... Сейчас я вызову их на откровение.

Ядринец запрокинул голову и прикрыл глаза. Его лицо стало безмятежным, а губы растянулись в легкой улыбке.

— Слышь, Жмых, — один парняга повернулся к другому и снизил голос до громкого шепота, — почему ты согласился сюда ехать?

— Во-первых, мне пообещали хорошие деньги, — ответил второй, — а во-вторых, это — как сказали, превентивная мера. Эти, с острова, войдя в контакт с недружественными нам державами, готовили на нас нападение. Жаль, что они все откинулись, а то бы мы им!.. А ты почему?

— Мой дед в пятидесятых ездил поднимать целину. Жил в палатке, пищу готовил на костре, ловил рыбу, какой сейчас и не сыщешь... Он рассказывал... Романтика! Ну, и деньги, конечно... А я не верю, что они откинулись, наверное, просто прячутся где-то... Они сильны в магии — не то, что мы с нашей аппаратурой, от нее больше дыма и вони.

— Да и наши колдуны не внушают доверия. Много говорят, а толку — ноль. Народ рассказывает, что в старой общине постоянно происходили настоящие чудеса.

— Какие чудеса?

— Всякие. Они двигали и останавливали время, летали, проникали в параллельные вселенные. Одна эта штука, которую они называли парусом, чего стоить!

— Наши так и не выяснили, что это такое?

— Нет, но они устроили там подводную засаду. Туда приходили — не знаю, люди Ядринца, или кто-то еще, но всю эту засаду перебили. Теперь там новая, усиленная. Мышь не проскочит!

— Кто это все рассказывает?

— Один из особистов, да ты его знаешь, некто Монид... Мы когда-то с ним вместе бухали... Он утверждает, что неоднократно лично присутствовал на занятиях, которые вел один из ведущих магов общины, знаменитый Казимирович...

В этот момент по всей территории острова прокатился режущий слух звук тревоги, и деревянный голос объявил: «Тревога! Проникновение! Тревога! Проникновение!»...

— Нас засекли, — спокойно прокомментировал Ян, — делаем ноги.

Мы сделали ноги и вернулись на Терру.

— Земная техника не стоит на месте, — Ядринец задумчиво терял подбородок. — Сихаэль ни о чем подобном не рассказывал.

— Эти устройства появились уже в мое отсутствие, — с жаром ответил маг, — похоже, они регистрируют наличие локальных ментальных сгустков, каковыми мы становимся, оказавшись на Гее. Невелика хитрость. Но человеческая душа чувствительнее любого прибора и реагирует гораздо быстрее. Мы вне опасности.

— Но этот вопрос надо закрыть, — лицо Ядринца приняло жесткое выражение, обозначились дотоле незаметные складки и морщинки. — Анчутка! — позвал он зычно.

— Наши бесплотные сослужили службу, получили повышение и разлетелись кто куда, — возразил ему Афиноген, — хотя, может, кто-то и остался по собственной инициативе.

— Я здесь! — вдруг отозвался Анчутка, — я никуда не улетал, я подумал: может, я еще на что-нибудь схожусь?

— Вот и хорошо. Слетай на Гею и дай себя проявить. Пусть они тебя увидят, поговорят с тобой и убедятся, что их датчики реагируют не на людей, а на пришлых бесплотных. Об исполнении доложить!

— Будет сделано! — Анчутка выпрямился во весь рост, одернул на себе некое подобие одежды и исчез.

— По всей видимости, нам на Гее делать особенно нечего, — резюмировал Ядринец. — Как жаль, такой прекрасный был мир...

— Я немного побаиваюсь за Парус, — вставил я в разговор свои пять копеек, — не наворочают ли они там чего!

— Не наворочают. Я думаю, Парус сам за себя постоит. Мы столько раз бывали с ним в контакте и до сих пор не поняли, кто он такой. Меня больше тревожит другое: новая община ведет себя слишком скромно. Представьте: у людей появился свободный проход в иную вселенную, без особых энергетических затрат, без полетов в космос, без тренировок космонавтов. Просто прошел пешком или проехал несколько десятков метров — и ты на другой планете. Я думал, что теперь не остров имени меня хлынут толпы ученых, рабочих, солдат, всякой техники и аппаратуры. Значит, что-то или кто-то их сдерживает, или они чего-то опасаются? Я придумал: наверное, сметаюсь в экспедицию на нашу старушку-Землю, поразузнаю, что там и как... Кто со мной?

— Зачем нам это? Мы же ведь решили пятьдесят лет не входить в контакт с Землей, сделать вид, что нас нет...

— Мы и не станем входить в контакт, мы будем только смотреть и слушать. Кто осведомлен, тот вооружен. Не помню, кто это сказал, но мужик знал, что говорил.

— А может, это баба?

— Исключено!.. Ну, я так думаю...

— Ядринец, ведь у нас на Земле и Гее появятся физические тела, и, рано или поздно, нас узнают!

— Никто не заставляет вас лететь на Землю в своем привычном облике. Мы можем принять любой внешний вид, стать даже не людьми, а кошками, собаками, воронами...

— Кустиками...

— Кустиками не стоит, у них нет мозгов, им нечем думать. Лучше кошками, собаками, голубями — привычной для человеческих глаз живностью. Но никак не предметами. Когда-то давно у нас был случай, когда человека превратили — не помню, то ли в асфальтовый коток, то ли в трактор... Это был наш Шукша... Значит, поначалу летим к моей бывшей усадьбе. Вперед!

Я не полетел, я, ведь, не умею самостоятельно обращаться в других людей, а, тем более, в животных и птиц. Я просто наблюдал, как Ядринец, Афиноген и Казимирович превратились в голубей, и как их троица вспорхнула в небо и растаяла в звездной глубине. Светлана сидела рядом, и мысли ее были где-то далеко.

Летучая команда возвратилась неожиданно быстро. Голубь, в которого превратился Казимирович, был не на шутку ранен, и все они были растрепаны и взъерошены.

— Где это вы так?

— Стоило нам появиться над моей усадьбой, — стал рассказывать Ядринец, — как завывли сирены, и по нам тут же открыли стрельбу из автоматов. Каза, вишь, как зацепили! Каз, тебе помощь нужна?

— Сам справлюсь, — хриплым голосом ответил Казимирович, — еще та пуля не отлита!

— Ребята, да не суйтесь вы туда! — воскликнула Света.

— Нет, — проскрежетал Казимирович сквозь зубы, — это вопрос принципа. Вы, как хотите, а я попробую еще раз. И не в усадьбу к Яну, а прямо в город. Не могли же они понатыкать датчиков на каждом шагу!

Не дожидаясь нашего ответа, он опять стал голубем — но на этот раз хромым и каким-то оципаным, и взмыл вверх.

— Иногда Витослав повторял фразу: «Безумству храбрых — венки со скидкой!», — пробормотал Ядринец.

На этот раз Каз вернулся практически мгновенно, и не спланировал, как это делают птицы, а камнем рухнул на прибрежную гальку. Приняв человеческий облик, он только произнес: «Вот, почему они не торопились!», и потерял сознание.

— Надо было тебе стать ласточкой, а еще лучше, стрижом, — буркнул Ядринец, протягивая руки над его головой, — хотя у них тоже мало мозгов! Ну что, полегчало? Сдается мне, у тебя тоже мозгов не густо... извини. Ну, и что ты успел заметить?

— Я не знаю, где и как расположены датчики, и есть ли они вообще, но сирена сработала также и в городе, и в меня тут же выстрелил полицейский. Такое впечатление, что у них объявлено военное положение!

Ситуацию разрядил внезапно появившийся Анчутка.

— Ну, и повеселился я на острове! Подговорил нескольких наших местных, мы проявились, там заорали сирены, по нам открыли стрельбу, я сделал вид, что ранен, и меня арестовали. Потом наши исчезли, а на меня надели наручники и отвели к ихнему старшему. Тот, увидев меня, наложил в штаны, хотя старался не подавать виду. Он держался строго, но его голос дрожал... Да, что я рассказываю, вот запись!

Он вынул из-за щеки маленький, отполированный морем камушек, и протянул Ядринцу.

— Что это?

— Когда-то ты выдал его Пыху в качестве пропуска.

— Помню, помню!

— Теперь это не только пропуск, но и все, что захочешь. В данном случае, это еще и диктофон. Вот, слушайте!

Мы склонились над маленьким кусочком яшмы.

XXXIV. Бабараба

Полосатый желто-розовый камушек оказался не только диктофоном, но и видеокамерой. Он утвердил меня во мнении, что стандартный размер магического экрана — два на три метра. Изображение было очень качественным. Анчутка был виден со спины.

— Кто снимал? — поинтересовался Казимирович.

— Пых. Правда, хорошо получилось?

— По-бабски, — проворчал Казимирович.

— Это как?

— Ты видел, как бабы снимают? Они телефон держат торчком. А потом недоумевают, почему на экране монитора кино лежит на боку?

— А как надо?

— Так, как расположен экран, на котором ты собираешься это смотреть — по горизонтали!

— И то верно! — согласились все. Света промолчала.

Казимирович щелкнул пальцами, и изображение приняло нормальный вид. Прямо перед нами маячил полупрозрачный затылок Анчутки, а по ту сторону стола — уже начинающее расплываться, но все еще легко узнаваемое лицо с хитрыми глазками.

— Полковник Шалимов! — выдохнул Казимирович.

— Генерал-майор! — ответил Анчутка. — Стал бы я перед полковником так выкобениваться!

— Фамилия, имя, отчество? — строго спросил Шалимов.

— Анчутка Анчутка Анчутка, — доложил Анчутка. — Нету у меня фамилии и отчества ибо молодой еще.

— Год рождения?

— По какому летосчислению? — поинтересовался демонишка.

— По обычному! — гаркнул генерал.

— Ой! — отозвался дух. — Три тысячи семьсот шестьдесят первый до нашей эры!.. Или три тысячи семьсот шестьдесят второй... Разве это имеет какое-нибудь значение?

— Место рождения? Кто родители? — продолжал гнуть свою линию Шалимов.

— Я сам бы хотел это знать... Неинтересные у тебя вопросы, скучные... Теперь лучше ты мне скажи: у тебя есть жена, две любовницы и любовник, а ты еще и рукоблудием занимаешься. И ничто тебе в кайф не идет. Как ты думаешь, в чем здесь причина? Чё молчишь и глаза на меня тарачишь? А причина здесь в том, что ты ничего и никогда не делал, как следует. Ума не приложу, как это ты дослужился до генерала? Ах, да... Любовник... Вот это называется разговор по существу. И полезно, и познавательно. У тебя ступор? Тогда я, пожалуй, пойду?

— Нет!!! — завопил Шалимов, — Сидеть!!!

— Ты голос-то не повышай! Полагаю тебе порог громкости в пятьдесят децибел. При попытках сказать что-нибудь громче, звук тут же начнет выходить не изо рта, а из другого отверстия, ему противоположного, и это будет отнюдь не речь, не стихи и не песня.

Шалимов набрал полную грудь воздуха, взмахнул рукой и открыл рот, но оттуда не донеслось ни звука, потому что весь могучий выдох, как и обещал Анчутка, состоялся через другое отверстие. И это была совсем не бранная тирада или команда, а нечто совершенно

простое и физиологическое.

— Гражданин Анчутка, — генерал снизил голос до шепота, — мои личные любовные пристрастия к делу не относятся, лучше скажите мне, что вы делали на территории нашей базы?

— Как что? Вы же видели: я там гулял. И еще: я ковырял там в носу. Опять вы задаете скучные вопросы. Гораздо интереснее услышать, каким образом вам удалось списать почти новый УАЗ «Патриот», и как он спустя три дня оказался в вашем личном гараже с другими номерами?

— Ш-ш-ш! — зашипел Шалимов, — у вас нет никаких доказательств!

— Как нет, когда есть? — Анчутка вытащил изо рта жеванный комоч бумаги и принялся тщательно его расправлять. — Вот акт, в котором указывается, что означенный автомобиль пришел в негодность при транспортировании его через гиперпространственный переход. А вот, — он опять полез в рот, — фотографии, на которых четко видны номера двигателей того, пропавшего, и этого, в гараже. Как видите, они совпадают... Короче, мне надоела эта беседа. Пока-пока!

— Ты никуда не пойдешь, — Шалимов старался не повышать голос, — ты будешь сидеть в наручниках.

— А вот и нет! — Анчутка сделал непонятное движение руками, браслеты, звякнув, упали на пол. — Скучный ты, уйду я от тебя! — И растаял в воздухе.

— Лучше не придумаешь! — торжественно провозгласил Ядринец после недолгой паузы. — Молодец! Спасибо! Ты свободен!

— Я все же, наверное, повременю с отбытием. Мало ли, авось, еще пригожусь.

— Тогда еще одна просьба: смотайся в город с тем же самым заданием, да пригласи еще несколько бесплотных. Не прячьтесь, если вас начнут фотографировать, не бойтесь попасть в газеты, выпуски новостей и на интернет-сайты.

— На Земле любой мало-мальски сведущий маг по изображению определит личность, а это может грозить неволей!

— В ваших силах сделать так, чтобы фотографии получались не совсем четкими. И, кроме того, в таких случаях имя важнее картинки. Вы же не хоккеисты, и на ваших спинах фамилии не написаны. Согласен, некоторая доля риска есть, но я ведь не заставляю, я прошу. Решай!

— Ладно, чё-нить замутим.

И Анчутка вновь растаял. Вернулся он через полдня, да не один. Следом за ним на берегу залива проявились Пяст и Рагоз — домовые Благослава и силиконового домика, а с ними братья Чоп и Пых.

— Вы улыбаетесь, значит, прибыли с хорошими новостями. Рассказывайте! — лицо Ядринца расцвело ответной улыбкой, и мы ощутили, как уголки наших губ также полезли к ушам.

— Все простое гениально, а все гениальное — просто! — заявил Анчутка. — Мы сразу опустились на большую детскую площадку, приняли вид сказочных зверюшек и стали развлекать детей. Мы играли с ними в прятки, катали их на себе, в том числе, и по воздуху. Мамы визжали, а дети смеялись. Мы строили крепости и замки, рыли крепостные рвы и сооружали через них подъемные мосты. А потом устроили сражение двух армий — «синих» и «зеленых», которое завершили праздничным фейерверком и банкетом!

— Свидетелей было много?

— Полгорода! Родители, прохожие, полиция, журналисты, фотографы и телевизионщики, а к концу шоу нас взяли в оцепление военные.

— Жертвы и разрушения?

— Есть несколько жертв среди спецназа. Им вдруг вздумалось вести себя неучтиво не только по отношению к нам, но также ко всем окружающим, даже к детям. Они начали их хватать и куда-то тащить, орать страшными голосами, потом принялись размахивать дубинками, включили водометы, пробовали заламывать нам руки и надевать наручники. Ну, мы их вежливо попросили этого не делать, сгоряча вывихнули пару рук и сломали несколько ребер... Ничего страшного, им потом объявят благодарность и премируют.

— Видео записывали?

— Нет. Зачем? Теперь весь ютьюб забит сюжетами об играющих с детьми привидениях. Мы уже даже подумываем завести себе аккаунт!

— Сигнализация срабатывала? Сирена была?

— Мы увлеклись и как-то не обратили внимания...

— Ладно, хорошо. Спасибо, славно потрудились. Наверное, теперь вы свободны?

— Я думаю, еще рано! — заговорил дотоле молчавший Сихаэль. Аналитики из конторы наверняка просчитали и такой вариант. Таким способом можно обмануть только тех детей, которых вы развлекали. Серьезные дядьки на это не поведутся.

— Что же нам делать?

— То, что и собирались: залечь на дно и не отсвечивать. Но, самое главное, не успокаиваться и быть начеку. Давайте подумаем, каким образом они могут попытаться проверить нашу легенду?

— Разработать мероприятия по розыску. Но я не знаю, как для этих целей использовать магию, и весьма смутно представляю, каким арсеналом средств они владеют. Все вселенные методом перебора не проверишь, ведь их бесконечное множество, значит, должен существовать какой-то алгоритм отбора и поиска. Знаешь ли ты в этом плане что-нибудь такое, чего не знаю я?

— Самый точный магический поиск можно осуществить по астральному имени, более-менее приблизительный — по рисункам и фотографиям, описаниям и воспоминаниям, а также по частицам тела, одежды, или личных вещей. Насколько я знаю, конторе не известно ни одно настоящее астральное имя кого-нибудь из членов общины. Это обнадеживает. Но всего остального у них — хоть пруд пруди. Поэтому с известной долей уверенности можно предположить, что рано или поздно они все равно до нас доберутся. В связи с этим предлагаю в качестве отвлекающего маневра наплодить побольше фантомов и расселить их по дальним вселенным. По статистике средний срок жизни обычного фантома — несколько суток, и значит, нам придется создавать более устойчивые экземпляры, а это дело хлопотное и требующее индивидуального подхода. Кто из общины умеет создавать фантомов? Вот, ты умеешь? — он тыкнул пальцем в мою сторону.

— Я... Меня учил Лад. Ты же помнишь. Кстати, фантом и двойник — это одно и то же?

— Фантом — это более кукла, картинка, модель. Он почти ничего не умеет и ничему не способен научиться. А эфирный двойник — это другое. Он — твоя почти полноценная копия, дубль, только без физического тела. С ним всегда много возни, а потом еще больше неприятностей, и его, как правило, не нужно создавать специально, он существует сам по себе. И то, что Лад забрал одного из твоих двойников, как говорят немцы, не есть гут. Но сейчас идет речь о фантомах. Короче, давай, пробуй!

— Прямо сейчас?

— А что тянуть? Что тебя смущает? Вот, смотри!

И Сихаэлей тотчас стало два. Они оба лукаво подмигнули — один левым глазом, другой правым — и показали языки.

— Хорошо-хорошо, я сейчас... Скажи только, что плохого в том, что у меня забрали двойника? Это мне чем-то грозит?

— М-м-м... — ответили Сихаэли, — на сей предмет существует много теорий... Как бы тебе это объяснить... Мы бы сказали так: ты избран для выполнения какой-то очень важной миссии.

— А точнее нельзя?

— Точнее знает тот, кто забрал. Не расстраивайся, ты ведь не чувствуешь никакого ущерба, правда? Сосредоточься, и...

И я родил свою копию — кривую, косую, бородатую и лысую.

— Красавчик! — заявил Казимирович. — Теперь мысленно создай какой-нибудь неземной пейзаж и отправь его туда. Вот так! И не бойся за него, ему там будет комфортно. Ибо и он сам, и мир, в который ты его поместил — плоды твоего воображения. Теперь сделай сразу двоих... Хорошо! Теперь шестерых... Замечательно! Только держи сознание в узде, а то у тебя выходят одни рахиты... Теперь рассели их в разные миры... Видишь, как все просто!

— Я расселял рахитов по мирам, и мне было их немного жаль.

— Ядринец, они совсем неживые?

— Считается, что неживые.

— То есть, нежить? Анчутка тоже нежить, и Чоп, и Пых, и остальные, но они... они ведь думают, чувствуют, переживают... Они неживые, но живые!

— Расслабься. Твои красавчики точно ничего не соображают и не думают. Попроси-ка вот этого что-нибудь сделать.

— Назови свое имя! Да-да, вот ты: назови свое имя!

— Видишь? Можешь отбить ему голову, и ничего не произойдет.

— Не хочу! Сейчас я сам дам ему имя... Пусть его зовут Бабараба!

— Что это значит?

— Ничего. Просто пришло в голову. Ну-ка, попробуем еще раз.

Назови свое имя!

— Бабараба!

— Все равно, это ничего не значит (Это Казимирович). Сколько будет семью восемь?

— Пятьдесят шесть!

— Формат А-четыре?

— Двести девяносто семь на двести десять миллиметров!

— Разрешение «хай дефиниш»?

— Тысяча девятьсот двадцать на тысячу восемьдесят пикселей!

— Как ни крути, а память у него есть, и это — твоя память! — Ядринец пожал плечами, — Странно, в этом феномене надо будет разобраться. А сейчас — всем отдыхать!

XXXV. Выбор

Однажды я вспомнил о подаренной мне способности обмениваться мыслями на расстоянии и решил попробовать совершить сие маленькое чудо. Тем более что назрела необходимость рассказать о недавних событиях приятелю, которого я избрал своим литературным душеприказчиком. И я решил, что для этого следует, по аналогии с электронной почтой, зайти в некий личный «почтовый ящик», сформировать мысль и направить ее выбранному абоненту. Только где его взять, этот личный почтовый ящик? Немного поломав над этим голову, я решил: «Фиг с ним, с этим ящиком, разберемся с ним потом, а вначале попробую-ка я сформировать мысль! Итак: «Полосатый желто-розовый камушек оказался не только диктофоном, но и видеокамерой. Он утвердил меня во мнении, что стандартный размер магического экрана — два на три метра...». Я повторил эту фразу несколько раз, и, решив, что она запомнилась достаточно крепко, принялся раздумывать, в каком виде должен быть представлен адрес, по которому мне надлежит ее послать. Мысль о физическом почтовом адресе я отверг сразу, ибо знал его очень неточно, по этой же причине был отброшен адрес электронной почты. Какой, скажите, дурак станет пытаться воспроизводить по памяти бессмысленные буквосочетания с обязательной пресловутой «собачкой» или «улиткой» посередине? Нет, скорее всего, здесь поможет образ адресата. Нужно просто представить его как можно более явственно.

Я напрягся, и его глаза получились, как живые, Они смотрели на меня с любопытством, и я на всякий случай даже поздоровался. Теперь лицо... Нет, это не его лицо, оно должно быть вытянутым... Нет, слегка вытянутым... Нет, не вперед, а по вертикали... А еще у него должна быть лысина... В его взгляде появилась укоризна. Извини, сейчас исправлю... Не успел я додумать лицо, как вспомнил о его руках. У него сильные руки с длинными пальцами, и он любил пожимать собеседнику руку так крепко, что у того начинали трещать косточки... Я услышал треск и открыл глаза. Оказывается, я проделывал все манипуляции, зажмурившись. Передо мной висело в воздухе некое подобие воздушного шарика с человеческими глазами и большими руками. В его взгляде чувствовались растерянность и недоумение. «Привет!», — сказал я ему вслух, — сейчас я пришлю тебе мыслеграмму. Закрыв глаза. Какой там у нас был текст?.. М-м-м... «Полосатый желто-розовый камушек...». Открыл глаза. Камушек, который, как я помнил, оказался не только диктофоном, но и видеокамерой, занял место во лбу моего голема аккурат в том месте, где индийские женщины ставят точку, а в глазах бедолаги появилась обида.

— Отбой!.. Искейп!.. Резет!.. Как все это удалить?

— Ахали цели! — ко мне, улыбаясь, подошел Ядринец. — У нас появился свой Махараль из Праги, и он создает своего Голема!

— Привет, Ян! — Я тут немножко намусорил... Как бы это убрать?

Кажется, я впервые я назвал Ядринца Яном, и он на это никак не отреагировал. Это хорошо!

— Нет ничего легче! Вáнишин спéал! — Дунуло теплым воздухом, и гомункул, бросив напоследок удивленный взгляд, исчез.

— Я всего-навсего хотел послать мыслеграмму, — начал оправдываться я, — но что-то пошло не так!

— Ты перестарался. За время твоего эксперимента твой несчастный адресат получил

сотню почти одинаковых мыслеграмм и столько же шлепков по затылку. Процесс идет автоматически, стоит только тебе захотеть сделать это, как это уже происходит. Кто этот несчастный? Я его знаю?

— Его не знает никто, кроме, я думаю, Витослава и Боголепа.

— Это правильно, но на всякий случай я уже поставил на него свой оберег. Не бойся, никто ничего не заметит. — И Ян пошел дальше.

Стоит только захотеть... Блин! Кажется, я, кроме приятеля забросал мыслеграммами Того, который есть причина всего. Помня нашу недавнюю встречу, я много раз мысленно беседовал с ним, спорил... Нехорошо получается, надо бы извиниться!

— Не надо!

— Кто здесь? Лад? Это ты? Что у тебя с голосом?

— Приличествует моменту. А что?

— Сейчас ты Стентор, унисон мужских, женских и детских голосов, сливающихся в один мощный поток, взрывающий мозг изнутри и пробирающий до самых костей!.. Кстати, почему не надо? Ведь в молитвах часто говорят: «Прости, господи!».

— «Прости», но не «извини», то есть, «сделай что-то более простым», лиши сложностей. Провиниться перед богом невозможно. Любая молитва действенна, когда понимаешь ее смысл, иначе она — просто набор звуков.

— С тобой можно поговорить?

— Всегда можно.

— Мне кажется, что я зашел в тупик.

— Совершенно верно, вы все зашли в тупик.

— Где выход?

— Его нет. Вы движетесь по спирали, каждый раз возвращаясь на старое место, просто видя его под иным углом зрения, а я вам в этом помогаю.

— Кто ты на самом деле?

— Я — Аитир, Астерий, Выдатень, Ноэс, Кобь и много, кто еще. Я — проводник, я подсказываю и тем самым запутываю, я проливаю свет и тем самым рождаю тени, я указываю пути, по которым никто не идет, и мощу дороги, которые никуда не ведут. Я слушаю тебя.

— Что мне делать?

— Ничего. Карусель будет продолжаться до тех пор, пока ты перестанешь пытаться что-нибудь предпринимать. Это касается всех.

— То есть, вообще ничего не делать?

— Да. Перестать делать хоть что-нибудь.

— Мне кажется, что это даже сложнее, чем бросить курить.

— Любое делание проистекает от ума. Не делание — тоже. Все, что от ума, рождает напряжение. Ведь не делание от ума — тоже делание.

— Если любое делание — от ума, как оно может прекратиться?

— Оно остановится, когда ум поймет, что он исчерпал себя. Сначала придет ощущение тщетности и бессмысленности всех стараний.

— Уже почти пришло.

— Поэтому ты и обратился ко мне. Затем появится отчаяние, а там останутся пустяки: когда ум окончательно смирится с проигрышем, для него наступит конец вещей.

— Надо будет рассказать об этом всей общине.

— Не надо. У нас включена, образно говоря, громкая связь.

— Мы можем как-то поспособствовать процессу?

— Просто ему не мешать и сохранять спокойствие. Все происходящее способствует отпусканию.

— Что будет потом?

— Будет только то, чему положено быть, и никто не в силах это изменить. Поэтому, расслабься, грядущее прекрасно, иначе и быть не может. Оно было прекрасным всегда, а одолевающие вас проблемы вы создавали себе сами.

— Ты хочешь сказать, что в итоге ум выключится?

— Нет, он утихнет, а это — разные вещи. Исчезнут созерцаемый и созерцающий, останется благодать, и тогда придет настоящая свобода. Не пытайся это понять, это невозможно. Лучше, пока ум работает в штатном режиме, просто ходи и размышляй над услышанным, но только не увлекайся.

Тихо шумел прибой, медленно вращался густо-синий купол неба с разноцветными иглами звезд, дул легкий ветерок. Мы сидели дугой так, чтобы не терять из виду ни море, ни сидящего в центре нашего полукруга Лада, который смотрел каждому прямо в душу. Было ни холодно, ни жарко, был ни вечер, ни утро, ни день, а, скорее всего, светлая ночь.

— Теперь у каждого будет свой путь, — сказал Лад. — У семейных пар — общий, остальные разойдутся кто куда. Но прежде всего у вас состоится свидание с Тем, кто есть причина всего. С вас спадут последние оболочки и привязки, и тогда каждый сделает свой выбор.

— А из чего выбирать-то? Ну, хотя бы приблизительно!

Лад пристально посмотрел на говорящего.

— Я — что? Я — ничего, — проговорил тот, и я догадался, что это был рабби Менахем.

— Есть, из чего. Кто-то из вас сольется с вечностью, но большая часть членов общины выберет служение людям.

— Это как? — не унимался рабби.

— Указывать путь ищущим. Как, например, Иоганн Себастиан Бах.

— Но ведь он не учитель, и никому никогда ничего не указывал, кроме нот?

— Растворения в божественном можно достичь при прослушивании определенной музыки, при чтении определенных книг, при созерцании художественных полотен, при просмотре некоторых кинофильмов, и даже в беседе с определенными людьми. Каждый учитель работает на своем поприще.

— Мне кажется, что я еще не готов, — пробормотал Ядринец.

— А кто определяет степень готовности? Ты сам? И какими критериями ты при этом пользуешься? То, чего все ждут и боятся, приходит само, как вспышка молнии, как гром среди ясного неба, как неожиданный порыв ветра, и обязательно тогда, когда не ждешь.

Одновременно с последним словом вдруг подул ветер, небо озарилось зарницей, и пророкотал гром.

— Да, как-то так, улыбнулся Лад.

И исчез. А мы оказались на берегу огненного озера.

— Стойте там, — проговорил знакомый голос.

Мы не шелохнулись.

— Вы здесь потому, что стремились к этому. Чего же вы хотите?

— Мы хотим настоящей свободы.

— Что для вас настоящая свобода?

— А разве она не определяется объективно?

— Конечно, нет. Итак, я подчеркиваю: «Что ДЛЯ ВАС настоящая свобода»?

— Свобода от собственных желаний, — тихо пискнул Менахем.

— Мы хотим чувствовать желания своего настоящего «я», — так же тихо сказал Афиноген, — без учета родительского воспитания, влияния окружающей обстановки, постигнутых наук, генной наследственности, векового естественного отбора, кармы, давления обстоятельств и всего такого прочего. То есть, услышать собственные души, в существовании которых мы не сомневаемся.

— А вы уверены, что настоящее «я» — одно? А может, их два, как у Роберта Льюиса Стивенсона в его «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда»? А может, три или четыре? Вы отдаете себе отчет в том, о чем просите? — спросил голос.

— Наверное, да, — неуверенно и вразнобой ответили мы.

— Учтите: обратного пути не будет. Каждый из вас волен сделать один шаг вперед для слияния со мной, или один назад — и все. А еще вы можете оставаться здесь сколь угодно долго.

В одном шаге от нас беззвучно кипело что-то наподобие жидкой лавы, сзади стояла неощутимая стена серой неопределенности, под ногами чувствовалось теплое шевеление почвы, вверху была бездна черного неба, воздух был прохладен и звóнок. Я подумал, что обратно я, скорее всего, не вернусь, поэтому нужно попробовать воспользоваться своим новым умением и послать своему другу на Земле мыслеграмму, дернув тем самым за единственную оставшуюся ниточку, связующую меня с прошлым. Или даже отправить ему целый видеосюжет... Я сосредоточился, расслабился, ощутил, что «на том конце провода сняли трубку» и шагнул вперед.

Полдень. Глухой лес, полянка, колодец, маленькая, поросшая мхом и вросшая по самые окна в землю, избушка, деревянные фигурки знакомых богов на подоконнике. Вверху с сохнувшими на нем подобиями одежды, несколько пролетов плетня с висящими на его стойках перевернутыми вверх дном глиняными кувшинами. Мухи, кузнечики, воробьи, запах девственной природы.

Я с длинными перевязанными на лбу волосами, в широкой холщовой рубахе с расстегнутым воротом, опоясанный бечевой, в портах и босиком. За спиной — котомка с шевелящимся — я точно это знаю — петухом.

Делаю шаг, другой. Как приятно ступать по теплой мягкой пыли! Подумал: «А как же вытереть ноги?», но, подойдя ближе к полуоткрытой двери, понял, что этого делать не надо — земляной пол по ту сторону порога был покрыт такой же пылью. А еще там была темнота. Переступив преддверие, я замер в ожидании пока привыкнут глаза и тут же услышал показавшийся знакомым мелодичный голосок:

— Смелее, смелее. Не угодно ли медку с молочком отведать?

— Ты кто?

— Как кто? Я Беяна. Аль не признал?

И тут я вспомнил:

— А где моя Света?

— Обернись!

У меня за спиной стояла, улыбаясь, та, которой я посвятил всю свою жизнь, и, надо сказать, выглядела она изумительно.

— Беяна, разреши представиться. Мы...

— Знаю, знаю. Вы — Адам и Ева, или Аск и Эмбла, Машья и Машьяна, Батета и Ханна... Подойдите ближе, пора пить молоко и мед и начинать новую жизнь!

Больше книг на сайте - Knigoed.net